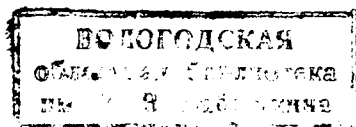

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

В. Б. КАСЕВИЧ

ЭЛЕМЕНТЫ
ОБЩЕЙ
ЛИНГВИСТИКИ

856951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
Ю. С. МАСЛОВ

Книга в сжатой форме излагает основные представления современного языкознания — традиционные (классические) и новейшие концепции, утвердившиеся в мировой и отечественной науке о языке (трансформационно-порождающая грамматика, теория диатезы, глоттохронология и др.). Может быть использована как учебное пособие для студентов востоковедных вузов.

К $\frac{70101-162}{013(02)-77}$ 208-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Граматики конкретных языков описывают эти языки, общее языкознание описывает, как составлять грамматики¹. Для выполнения этой задачи общее языкознание должно обладать определенными представлениями о языке вообще. Иными словами, выяснение общезыковых закономерностей, внутренней логики и механизма действия языка с необходимостью входит в сферу общего языкознания.

Если предмет языкознания понимать достаточно широко, то необходимо учитывать, что языком владеет человек и любое высказывание есть непосредственный результат функционирования внутренних, прежде всего психических, систем носителя языка. Поэтому без изучения того, как человек говорит, как понимает речь, языкознание неполно. Специально этими вопросами занимается психолингвистика.

Носитель языка — член общества, и без учета влияния общественных, социальных факторов на языковые явления языкознание также неполно. Специально эти проблемы разрабатываются социолингвистикой.

Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что материал собственно лингвистики (языкознания) — это тексты, психолингвистики — речевое поведение человека, социолингвистики — речевое поведение языковых коллективов.

В этой книге предпринята попытка дать сжатое освещение аспектов, указанных выше. К сожалению, из-за ограниченности объема пришлось отказаться от включения главы, посвященной социолингвистике. Из названия книги — «Элементы общей лингвистики» — следует, что в ней излагаются далеко не все вопросы, а лишь определенные элементы общезыковедческой проблематики. В то же время автор надеется, что адекватным окажется и «западноевропейское» понимание этого слова: ср. англ. *elements*, нем. *Elemente*, франц. *éléments* 'основы', 'основные принципы'.

На выборе тем, подлежащих освещению, конечно, не могли не сказаться личные пристрастия автора. В качестве объективного критерия отбора учитывалась степень разработанности

¹ Термин «грамматика» употреблен здесь в самом широком смысле — как синоним описания языка.

актуальность ВК

вопроса в науке о языке: если вопрос многократно и подробно рассматривался в имеющейся литературе, то из этого делался вывод, что полезнее расставить основные акценты, а не рассматривать проблему сколько-нибудь детально.

Учитывались также, с одной стороны, степень признанности той или иной концепции, с другой — необходимость введения тех представлений, которые пронизывают современную лингвистику и без знания которых невозможно ориентироваться в мировой лингвистической литературе. В тех случаях, когда не представлялось возможным присоединиться к одной из существующих в научной литературе точек зрения, автор считал себя вправе излагать собственную позицию.

По разным причинам в данной работе очень мало внимания уделено историческому языкознанию.

Эта книга выросла из курса лекций по общему языкознанию, которые автор читает на восточном и филологическом факультетах Ленинградского университета. В настоящем ее виде она тоже мыслится как некий компендиум, знакомство с которым поможет лингвисту, прежде всего начинающему, ориентироваться в практической работе, в чтении литературы. Отсюда — откровенно дидактический тон изложения и ряд других особенностей, свойственных учебной литературе.

Автор видел свою задачу в ознакомлении читателя с кругом идей, а не имен. Поэтому было сочтено возможным обойтись без обычного библиографического аппарата. В конце глав приводятся небольшие списки литературы. Включение работы в такой список может означать: а) указание на источник идейного, а иногда и фактического заимствования; б) отсылку к труду, в котором более подробно и специально рассматриваются вопросы, лишь схематически изложенные в данной главе; в) указание на работу, в которой содержится ясное, а иногда классическое изложение взглядов, отличных от точки зрения автора.

Поскольку книга рассчитана в основном на начинающего лингвиста, в библиографию входят только труды на русском языке. В тех случаях, когда приводятся материалы или теоретические положения зарубежного исследователя, работа которого не переведена на русский язык, в тексте указывается его имя без ссылки на конкретные публикации.

ЯЗЫК КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ И КАК НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ МЫСЛИ

§ 1. Язык есть важнейшее средство передачи и хранения информации: основная часть информации, циркулирующей в обществе, существует именно в языковой форме.

Передача информации — один из существеннейших видов и аспектов общения между людьми, поэтому, по словам В. И. Ленина, «язык есть важнейшее средство человеческого общения» (Полное собрание сочинений. Т. 25, с. 258). Из этого следует, в свою очередь, что центральная функция языка — это функция общения, или *коммуникативная*.

§ 2. Известно, что существует и иная характеристика языка как непосредственной действительности мысли, на что указывал К. Маркс¹. Здесь подчеркивается другая функция языка, а именно отражательная: мышление, т. е. отражение человеком окружающего мира, осуществляется по преимуществу в языковой форме. Иначе можно сказать, что функция языка заключается в порождении (формировании) информации. Как соотносятся эти две функции языка?

Можно утверждать, что коммуникативная функция, или функция общения, выступает первичной, а функция отражения — вторичной, при этом обе функции оказываются теснейшим образом связанными. В самом деле, само по себе отражение внешнего мира не требует языковой формы: сравнительно развитые формы отражения внешнего мира имеются уже у животных; необходимость в языковой форме для «продуктов» отражения возникает именно потому, что эти результаты отражения мыслительной деятельности нужно сообщать, передавать другим членам человеческого коллектива. Обмен индивидуальным опытом, координация действий становятся возможными благодаря языку, который как раз и является орудием, позволяющим «отливать» в общезначимые формы результаты индивидуальной мыслительной деятельности.

Изложенное выше одновременно означает, что сама отражательная функция языка вызывается к жизни его коммуника-

¹ «Язык есть практическое, ...действительное сознание», — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» (Сочинения. Изд. 2, т. 3, с. 29).

тивной функцией: если бы не было необходимости в общении, не было бы, вообще говоря, и необходимости в языковой форме отражения человеком внешнего мира².

§ 3. Поскольку отражение внешнего мира на сколько-нибудь высоких уровнях всегда выступает как обобщение по отношению к объектам действительности и их свойствам, можно сказать, вслед за Л. С. Выготским, что в языке осуществляется «единство общения и обобщения». Это означает, что, с одной стороны, язык обеспечивает общение; с другой же стороны, результаты мыслительной деятельности, деятельности по обобщению свойств действительности, вырабатываются и закрепляются именно в языковой форме. «Всякое слово обобщает» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений. Т. 29, с. 246), иначе говоря, всякое слово есть результат абстрагирующей работы мысли (слово *дерево* обозначает «дерево вообще»), и, наоборот, абстрактное понятие, общее для всех членов данного коллектива, для своего существования требует наличия слова.

Можно сказать, что язык, вместе с трудом, создал человека: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны превратился в человеческий мозг» (Ф. Энгельс. Диалектика природы.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 20, с. 490).

Без языка невозможно общение,— следовательно, невозможно существование общества, а отсюда и формирование человеческой личности, становление которой мыслимо лишь в социальном коллективе. Вне языка нет общезначимых понятий и, безусловно, затруднено существование развитых форм обобщения, абстракции, т. е. опять-таки фактически невозможно формирование человеческой личности.

§ 4. Коммуникативная функция языка предполагает семиотический аспект его рассмотрения, о чем речь еще пойдет ниже. Изучение отражательной функции языка тесно связано с проблемой «язык и мышление». Специально эта проблема здесь не рассматривается (см. главу «О психолингвистике»), однако некоторые замечания в этой связи сделать необходимо.

§ 4.1. Первое замечание относится к так называемой гипотезе Сепира—Уорфа, согласно которой мышление человека определяется тем языком, на котором он говорит, и выйти за рамки этого языка не может, поскольку все представления человека о мире выражаются посредством его родного языка. Противни-

² Недавно К. Г. Крушельницкая показала, что принятый в нашей литературе перевод высказывания К. Маркса относительно сущности языка не вполне точен: в действительности Маркс утверждает, что «непосредственной действительностью мысли является язык». Это существенно меняет дело, ибо в таком случае формулировка Маркса не содержит определения основной функции языка, а указывает на форму существования мысли.

ки этой гипотезы указывают, что и мышление человека, и опосредованно его язык определяются действительностью, внешним миром, поэтому отводить языку роль детерминирующего фактора в формировании мышления есть идеализм.

Определяющая роль внешней действительности в формировании человеческого мышления, разумеется, не подлежит обсуждению, она бесспорна. При этом, однако, следует учитывать активность процессов отражения действительности человеком: человек отнюдь не пассивно запечатлевает тот материал, который «поставляет» ему внешний мир,— этот материал определенным образом организуется, структурируется воспринимающим субъектом; человек, как говорят, «моделирует» внешний мир, отражая его средствами своей психики. Тот или иной способ моделирования определяется потребностями человека, прежде всего социальными, производственными. Вполне естественно, что эти потребности, связанные с условиями существования, могут быть различными у разных исторически сложившихся общностей людей. В какой-то степени отличаются соответственно и способы моделирования действительности. Проявляется это прежде всего в языке. Следовательно, специфика языка здесь — вопреки гипотезе Сепира—Уорфа — скорее вторична, во всяком случае она не первична: нельзя сказать, что специфика языка определяет специфику мышления.

Так обстоит дело в филогенезе, т. е. в истории становления и развития человека (и его языка). Однако в онтогенезе, т. е. в индивидуальном развитии человека, ситуация складывается несколько иная. Каждый человек овладевает знаниями о мире, о внешней действительности — отображает внешнюю действительность в очень большой степени не непосредственно, а «через» язык. Хрестоматийный пример: спектр излучения и поглощения световых волн, определяющий цвет, разумеется, повсюду одинаков, не отличаются и физиологические способности представителей разных этносов к цветовосприятию; однако известно, что у одних народов различаются, например, три цвета, в то время как у других — семь и т. д. Естественно задать вопрос: почему, скажем, каждый африканец шона (юго-восточная группа языков банту) научается различать именно три основных цвета, не больше и не меньше? Очевидно, потому, что в его языке существуют названия именно для этих трех цветов. Здесь, следовательно, язык выступает в качестве готового орудия для того или иного структурирования действительности при ее отображении человеком.

Таким образом, когда возникает вопрос, почему вообще в данном языке существует столько-то названий цветов, видов снега и т. п., то ответ на него состоит в том, что русским, французам, индейцам, ненцам и т. д. для их практической деятельности в течение предшествовавших столетий (возможно, тысячелетий), грубо говоря, «нужно» было различать именно разно-

видности соответствующих объектов, что и отразилось в языке. Другой вопрос заключается в следующем: почему каждый представитель языкового коллектива различает столько-то цветов и т. д. и т. п.? Здесь ответ состоит в том, что тот или иной способ восприятия внешней действительности в определенной степени «навязывается» конкретному индивидууму его языком, который представляет собой в этом отношении не что иное, как кристаллизованный социальный опыт данного коллектива, народа. С этой точки зрения, следовательно, гипотеза Сепира—Уорфа вполне разумна.

Сказанное выше, безусловно, никак не означает, что человек вообще не способен познать то, чему нет обозначения в его языке³. Весь опыт развития различных народов и их языков показывает, что когда производственная и познавательная эволюция общества создает необходимость введения нового понятия, то язык никогда не препятствует этому — для обозначения нового понятия либо используется уже существующее слово с определенным изменением семантики, либо образуется новое по законам данного языка. Без этого, в частности, нельзя было бы представить себе развитие науки.

§ 4.2. Второе замечание, которое необходимо сделать в связи с проблематикой «язык и мышление» даже при самом сжатом ее рассмотрении, касается вопроса, насколько тесна, насколько нерасторжима связь между языком и мышлением.

Прежде всего надо сказать, что в онтогенезе (у ребенка) развитие речи и интеллектуальное развитие первоначально осуществляются «параллельно», по своим собственным закономерностям, при этом развитие речи оказывается более связанным с эмоциональной сферой, с установлением «прагматического» и эмоционального контакта с окружающими⁴. Лишь впоследствии, к двум годам, линии речевого и интеллектуального развития «пересекаются», обогащая друг друга: начинается процесс, в результате которого мысль получает языковую форму и возможность приобщаться посредством языка к накопленному обществом опыту; теперь язык начинает служить не только потребностям элементарного контакта, но также, с развитием индивида, сложным формам самовыражения и т. п.

Налицо, следовательно, и известная автономия языка и мышления с генетической точки зрения (т. е. с точки зрения их происхождения и развития)⁵, и в то же время их теснейшая взаимосвязь.

³ К такому выводу склонялся в особенности Б. Уорф.

⁴ Как можно видеть, коммуникативная функция и в этом плане выступает как первичная.

⁵ Эта автономия подтверждается также теми случаями патологии, когда при крайне низком уровне интеллектуальных возможностей (врожденном слабоумии и т. п.) больные тем не менее в достаточной мере овладевают языком. Такие факты свидетельствуют, что способность к овладению языком в общем не зависит от умственных способностей, как таковых.

По собственному опыту всем известно, что мышление далеко не всегда протекает в развернутой речевой форме. Значит ли это, что перед нами свидетельство (пусть и интуитивное) независимости мышления от языка? Это сложный вопрос, и ответ на него пока можно дать лишь предварительный.

Многое зависит от того, как мы будем истолковывать понятие «мышление». Если этот термин для нас означает не только абстрактное мышление, но и так называемое мышление образами, то вполне естественно, что это последнее — образное мышление — вовсе не должно быть обязательно речевым, словесным. В этом смысле неречевое мышление, очевидно, вполне возможно.

Другой аспект той же проблемы связан с существованием таких типов мышления, где речевая форма используется, но выступает как бы редуцированной: от нее остаются лишь некоторые, самые важные элементы, а все то, что «само собой разумеется», не получает речевого оформления. Этот процесс «компрессии» языковых средств напоминает обычную практику в диалогах, в особенности в хорошо знакомой ситуации, когда многое, принимаемое в качестве известного, опускается. Тем более это естественно в мысленных монологах, или «монологах для себя», т. е. когда нет необходимости заботиться о достижении понимания со стороны собеседника.

Такая свернутая речь, оформляющая мышление, носит название внутренней речи. Важно подчеркнуть, что внутренняя речь представляет собой все же редуцированную «обычную» речь, возникает на ее основе и без нее невозможна (внутренняя речь отсутствует у ребенка, еще не овладевшего в достаточной степени языком)⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о проблемах языка.— В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2, М., 1960.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1970 (гл. V).

⁶ Подробнее о внутренней речи см. § 166.8.

ЯЗЫК, РЕЧЬ, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ЯЗЫКА, РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 5. До сих пор мы пользовались словами «язык» и «речь» нетерминологически. В лингвистике, однако, существует тенденция строго разграничивать эти понятия, придавая им достаточно точные и, естественно, различные значения.

Не останавливаясь на истории различения этих понятий, изложим взгляды, наиболее близкие к концепции акад. Л. В. Щербы, представленной в его классической работе «О троюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании».

Будем исходить из того, что и в качестве лингвистов, и в качестве носителей языка мы непосредственно имеем дело с текстом, причем, разумеется, под текстом здесь понимается не только зафиксированная письменно, но и звучащая, устная речь (любое высказывание будет в этом смысле текстом, большим или малым). Текст иначе называется речью.

Подчеркнем отличие данного — терминологического — использования слова *речь* от его бытового употребления: при нетерминологическом употреблении слова *речь* оно может обозначать деятельность, т. е. акт говорения; способность к этой деятельности (ср. *У животных речь отсутствует*) и, наконец, результат говорения. Только это последнее значение закрепляется за термином «речь»: результат говорения или письма, развернутый соответственно во времени или пространстве, т. е. «речь» = «текст».

При общении на данном языке происходит, так сказать, «обмен текстами». Если ограничиться только устной речью, то можно сказать, что обмен текстами — это для каждого текста, с одной стороны, акт говорения, или «порождения» данного текста с другой — акт понимания, или восприятия текста собеседником. Акты говорения и акты понимания называют иначе *речевыми действиями*. Система речевых действий есть *речевая деятельность*.

Текст, или речь, является продуктом акта говорения и объектом, на который направлен акт понимания, восприятия. Текст следовательно, служит целям общения. Но в каком случае общение возможно? Очевидно, в том случае, если любой текст

является «общим», т. е. равно понятным для говорящего и слушающего, в идеале для всех носителей данного языка. Это, в свою очередь, предполагает, что текст должен состоять из определенных общих, т. е. общезначимых, элементов, которые функционируют по столь же общим правилам. Если мы «извлечем» эти общие элементы и выведем общие правила путем изучения достаточно обширных и разнообразных текстов, то получим язык как систему закономерностей строения текстов, т. е. как то, что лежит в основе всех текстов, реальных и потенциальных, обеспечивая взаимопонимание при «обмене текстами» между носителями языка.

Таким образом, мы имеем дело с триадой: язык, речь (текст), речевая деятельность. Язык, или языковая система, в этой триаде выступает как объект, который появляется в результате абстрагирования, отвлечения, своего рода «изолирования» закономерностей, реально присущих текстам.

§ 6. Здесь возникает чрезвычайно существенный вопрос: значит ли это, что языковая система данного языка не имеет самостоятельного, отдельного существования, что реально существуют только тексты, а языковая система есть абстрактный объект, конструируемый исследователем-лингвистом?

Ответ на поставленный вопрос зависит от избранного нами подхода. Если этот подход узколингвистический (собственно лингвистический), то ответ будет положительным: действительно, собственно лингвистическое исследование в известной мере предполагает отвлечение от носителей языка, рассмотрение самих текстов и свойственных им закономерностей; при этом языковая система выступает именно как сугубо абстрактный объект, отдельного существования не имеющий, наподобие того, как не имеют автономного существования, например, законы музыкальной гармонии.

Ситуация, однако, меняется, если мы избираем психолингвистический подход. В этом случае невозможно отрицать, что каждый носитель языка обладает некоторой внутренней системой, которая позволяет ему строить и воспринимать тексты на данном языке. Таковую систему естественно считать языковой системой в психолингвистическом смысле, причем ее самостоятельное существование безусловно. Само собой разумеется, и в этом случае не может быть в качестве отдельного объекта «языковой системы вообще»: существуют языковые системы отдельных носителей языка, а выделение и изолирование в виде отдельной системы общего в них, обусловленного социально, дает нам абстрактный объект, объект теории.

Названными подходами — собственно лингвистическим и психолингвистическим — не исчерпываются возможности анализа языковых явлений. Большой интерес представляет нейролингвистический подход, т. е. подход, включающий в рассмотрение

материальный субстрат языковой — в психолингвистическом смысле — системы: те неврологические механизмы (прежде всего механизмы мозга), которые делают возможной речевую деятельность, акты говорения и понимания.

§ 7. Как же связаны между собой языковая система в узколингвистическом смысле и языковая система в психолингвистическом смысле? Тесная связь между ними проявляется прежде всего в закономерностях усвоения языка. Усвоение языка есть процесс формирования внутренней системы, которая «заведует» процессами говорения и понимания, т. е. языковой системы в психолингвистическом смысле (психолингвистической системы). Но каким образом осуществляется этот процесс? Очевидно, путем обнаружения закономерностей строения текста и отображения их средствами психики: иными словами, формирование языковой психолингвистической системы представляет собой, по существу, отражение языковой узколингвистической системы. Ребенок, усваивающий язык, сталкивается с текстами, производимыми окружающими; задача же его состоит в том, чтобы выявить закономерности строения этих текстов — языковую систему в узколингвистическом смысле, усвоить и освоить эти закономерности, т. е. сформировать языковую систему в психолингвистическом смысле.

В дальнейшем сформировавшаяся указанным образом внутренняя психолингвистическая система производит и воспринимает тексты.

Перестройки, происходящие в таких внутренних языковых системах в силу присущих им противоречий, естественно, сказываются на производимых ими текстах. В свою очередь, тексты могут претерпевать определенное влияние со стороны общественной практики человека, и результаты этих влияний, будучи закрепленными, становятся достоянием лингвистической и через нее психолингвистической систем.

Таким образом, происходит постоянное взаимодействие и взаимовлияние текста, языка в узколингвистическом смысле и языка в психолингвистическом смысле.

ЛИТЕРАТУРА

- Касевич В. Б. Проблема предмета языкознания. — «Вестник Ленинградского университета». 1974, № 14, вып. 3.
- Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики, М., 1975.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

§ 8. В предшествующем изложении неоднократно употреблялся термин «языковая система», однако содержание самого понятия системы не раскрывалось. Известно громадное количество определений этого понятия как вообще, так и применительно к языку. Мы не ставим своей задачей анализ всех этих определений, отметим лишь следующее. Понятие системы предполагает, что имеется некоторая совокупность элементов, которые определенным образом взаимосвязаны. Каждый из этих элементов обнаруживает свою качественную определенность только в составе целого, всей совокупности. Такую совокупность элементов и называют *системой*.

О существовании особой системы можно говорить тогда, когда элементы вступают в те или иные отношения с другими элементами не каждый сам по себе, но в составе организованного целого. Например, каждый игрок команды «относится» к игрокам другой команды, к зрителям прежде всего не как индивидуум, но как часть организованного целого — своей команды, которая в этом смысле является системой; можно сказать, что «на одном уровне» команда вступает в определенные отношения с другой командой, а не с отдельными ее игроками.

Наиболее важный тип систем — это функциональные системы. Элементы, составляющие такую систему, объединяются в организованное целое для определенной цели, и для достижения цели каждый элемент выполняет ту или иную функцию. Иначе говоря, фактором, объединяющим элементы в систему, выступает результат, цель, которые должны быть достигнуты системой; деятельность системы всегда направляется этой целью. Например, целью объединения игроков-спортсменов в команду, т. е. в систему, является игра с другими командами, где каждый из игроков выполняет определенные функции.

Деятельность системы по достижению заданного результата, ради чего собственно и существует сама система, не следует понимать как непременно сознательные действия. Например, можно говорить о корневой системе растения и о том, что основной целью этой системы является обеспечение растения водой и питательными веществами.

§ 9. Как правило, в системе, особенно функциональной, отношения, связывающие ее элементы, неоднородны: одни из них более тесные, другие — менее. Отличаются эти отношения и качественно. Соответственно в системе выделяются определенные группировки элементов, или *подсистемы*. Одни подсистемы соотносятся иерархически, т. е. подчиняются друг другу, другие функционируют «параллельно». Подобно тому как вся функциональная система нацелена на достижение некоторого общего

результата, каждая ее подсистема должна обеспечить получение более частного результата, без которого невозможно в конечном счете выполнение задачи, стоящей перед всей системой в целом (см. также § 24). Например, цехи являются подсистемами по отношению к заводу как системе.

§ 10. Язык, без сомнения, принадлежит к числу очень сложных функциональных систем. Основная задача этой системы состоит в том, чтобы, как говорилось выше, сделать возможным общение между людьми. Все в языке, следовательно, подчинено одной глобальной цели — обеспечению обмена информацией. Подсистемами языковой системы выступают система фонем, система морфологических категорий и т. п., которые, в свою очередь, обладают собственными подсистемами.

Соответственно многие связи и отношения в языке оказываются очень сложными и опосредованными. Систему вообще и языковую систему в частности нередко определяют как совокупность элементов, «где все связано», а такую «всеобщую связь» объясняют следующим образом: если произойдет изменение какого-либо одного элемента, то оно скажется на всех остальных (коль скоро все связано). Однако такое понимание слишком прямолинейно. В силу существования многих подсистем, в свою очередь состоящих из собственных подсистем, которые все соотносятся как целое с целым, изменения могут ограничиваться рамками какой-либо подсистемы (или каких-либо подсистем), не затрагивая других фрагментов системы. Например, устранение двойственного числа из определенной подсистемы морфологической системы языка практически никак не сказывается на его фонологической системе.

§ 11. Наряду с понятием системы в языкознании широко используется понятие *структуры*. Наиболее оправданными представляются взгляды, согласно которым эти два понятия разграничивают следующим образом: если система есть совокупность элементов, связанных определенными отношениями, то структура есть тип этих отношений, способ организации системы. Структура, таким образом, выступает здесь не как самостоятельная сущность, соотносимая с системой, а как атрибут последней, ее характеристика. Если нам известно строение системы, т. е. известны ее подсистемы и их внутреннее устройство, тип связи между элементами подсистем и самими подсистемами, то можно сказать, что мы знаем структуру данной системы.

Подчеркнем, что в понятие структуры входит известное отвлечение от того, какова материальная природа элементов, образующих систему, поскольку одни и те же отношения могут существовать между элементами, материально весьма различными. Например, одна и та же формула — а формула это и есть способ фиксирования отношений между определенными элемен-

тами — может описывать колебания упругой среды вне зависимости от того, водная это среда или воздушная. Точно так же в языке можно обнаружить такие структуры, которые оказываются действительными для разных языков, хотя соответствующие отношения материально выражаются по-разному. Так, если в каких-то языках есть только три времени глагола: настоящее, прошедшее и будущее, то с этой точки зрения структура соответствующего фрагмента (подсистемы) морфологии одинакова для всех данных языков, хотя, разумеется, выражаться эти времена могут по-разному.

§ 12. Часто возникают разногласия по поводу того, что первично в системе: структура, т. е. отношения, или материальная субстанция ее элементов. Когда утверждают, что первичной, т. е. определяющей, является структура, то имеют в виду, что только при данном типе отношений элемент системы приобретает свое специфическое качество. Например, в физических свойствах русского звука *к* ничто не говорит о том, какую функцию он может выполнять. Только будучи включен в систему, данный звук приобретает свою функцию — означающего (см. § 14), предлога или суффикса уменьшительности. Причем существенно, что его материальные свойства в разных системах сохраняются, однако при включении в одну систему, т. е. в один тип отношений, он приобретает одну функцию, одно специфическое качество (предлога), а при включении в другую систему — другую функцию и другое специфическое качество (суффикса уменьшительности).

Указание на определяющую роль структуры для качественной характеристики элементов системы, безусловно, справедливо. Однако не надо забывать при этом, что отношения должны как-то реализоваться материально. Это означает, во-первых, что не всякая материальная субстанция приемлема при реализации тех или иных отношений¹; во-вторых, для языка из его основной функции, коммуникативной, следует, что материальная природа языковых единиц не может изменяться произвольно, так как иначе нарушится общение. Например, для системы языка и его структуры безразлично, если мы «поменяем местами», скажем, показатели числа в глаголе, если *читает* будет значить *читают*, и наоборот. Однако ясно, что это нарушит взаимопонимание (если не будет предварительно закреплено специальным соглашением). Таким же образом должен существовать предел вариативности материального выражения тех или иных единиц языка. Например, для системы фонем французского языка было бы безразлично, если бы фонема /г/ произносилась как [х], фонологическая структура от этого не изменилась бы, од-

¹ Как говорят, шахматные фигуры могут быть сделаны из чего угодно, при этом король останется королем, а пешка пешкой, т. е. отношения сохраняются. Однако шахматы не могут быть из воды или газа.

нако, скажем, слово *rare*, произнесенное как [хак] (пример С. И. Бернштейна), не было бы понятным.

Таким образом, единицы языка следует непременно изучать в их реальных (материальных) реализациях. Вместе с тем столь же не переменным требованием является рассмотрение всех явлений языка в системе. Любые, даже наиболее, казалось бы, частные языковые явления получают верную интерпретацию только тогда, когда они рассматриваются не сами по себе, а когда во главу угла ставится вопрос о том, какое место в системе занимают данные явления. Приведем простой пример: сравним значение множественного числа существительных в русском языке и в санскрите. Так, санскритское слово *kanuāḥ* переводится на русский язык как 'дочери' (им. пад.). Однако из этого не следует, что значение словоформы *kanuāḥ* совпадает со значением словоформы *дочери*. Дело в том, что эти формы входят в разные грамматические системы: в санскрите существует еще двойственное число, поэтому *kanuāḥ* противопоставлено форме единственного числа (*kanuā* 'дочь') и форме двойственного числа (*kanuē* 'две дочери'), т. е. означает «не одна дочь и не две дочери (больше, чем две)», в то время как словоформа *дочери* по соответствующему грамматическому значению противопоставляется только форме единственного числа *дочь*, т. е. означает «не одна дочь (больше, чем одна)».

§ 13. Следует упомянуть, что термин «структура» употребляется в языкознании и в несколько ином смысле: под структурой понимают также строение единиц языка, например, говорят о структуре слова, структуре предложения. Соответственно структурами называют также формальные конструкции, отражающие связи и отношения внутри языковых единиц. Сами эти единицы, которые в этом случае называют элементами структур, передаются обычно лишь в обобщенном виде, в виде определенных категорий. Например, говорят, что для китайского синтаксиса характерна структура П—С—Д (т. е. подлежащее—сказуемое—дополнение), а для бирманского синтаксиса — структура П—Д—С.

Между элементами структуры (в указанном здесь смысле) имеют место *синтагматические отношения*; между элементами системы, которые не принадлежат одной и той же «линейной» структуре, существуют *парадигматические отношения*.

ЛИТЕРАТУРА

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Под ред. Б. А. Серебrenникова. М., 1972 (гл. 1).

§ 14. Выше было выяснено, что язык представляет собой сложную систему. Что же выступает в качестве элементов тех многих подсистем, которые входят в языковую систему, т. е. системой чего является язык? Обычный ответ гласит: язык есть система знаков. Общее учение о знаках называется *семиотикой*, поэтому все, изложенное в настоящем разделе, относится к семиотическому аспекту изучения языка.

Согласно наиболее распространенной точке зрения знак есть двусторонняя сущность: сочетание материального означающего, иначе десигнатора, и означаемого — значения, закрепленного в языке за данным материальным способом выражения. Означаемое называют иначе десигнатом, или сигнификатом. Простейший пример: морфема *вод* (из слов *вода*, *водяной*, *воды* и т. п.) — это знак, означающим которого выступает соответствующая звуковая оболочка (/vad/, /vad'/ или /vod/ — в зависимости от слова), а означаемым — значение «имеющий отношение к жидкости с такими-то свойствами».

В языке знаками выступают прежде всего морфемы, слова. Для того чтобы производить и воспринимать тексты, нужно владеть не только единицами языка — знаками, но также и правилами, по которым эти знаки функционируют. Поэтому язык определяют как систему знаков и правил их функционирования.

§ 15. Если отвлечься от (очень важных) правил преобразования одних знаков в другие (об этом см. §§ 68, 106—110), то можно выделить два основных типа правил функционирования знаков: правила, относящиеся к синтактике знаков, и правила, относящиеся к прагматике знаков.

Синтактика — это способ сочетания знаков друг с другом. Частным случаем правил синтактики являются правила порядка слов в предложении. Синтактика может самостоятельно передавать определенные значения, ср., например: англ. *John has beaten up Bill* 'Джон избил Билла' и *Bill has beaten up John* 'Билл избил Джона'. В результате изменения порядка слов здесь изменяются синтаксические отношения и в конечном итоге значение предложения. Приведем также пример из русского языка, где происходит изменение значения при взаимной перестановке числительного и существительного: *два дня* и *дня два* (т. е. «примерно два дня»).

Прагматика — это способ употребления знака в зависимости от тех или иных задач человека, использующего его. К области прагматики относится, в частности, стилистика.

§ 16. Особый аспект — отношение знака к тому предмету (свойству, отношению), который он обозначает. Такой пред-

мет называют денотатом, или референтом, знака. Знак, как таковой, как правило, относится не к конкретному предмету, а к целому классу предметов; например, денотатом знака *стол* выступает все множество столов.

Целесообразно различать абстрактные и конкретные знаки: слово как элемент системы — это абстрактный знак, слово как элемент данного текста — это конкретный знак. Означаемое (десигнат) знака всегда абстрактно, будь это знак абстрактный или конкретный². Что же касается денотата, то для абстрактного знака денотатом выступает обычно целый класс объектов (например, *сосна*), для конкретного знака денотатом часто, но не всегда, выступает данный конкретный объект (ср. *Сосна* — *дерево хвойное* и *Сруб* *эту сосну*).

Следует четко представлять себе, что если десигнат — это значение, то денотат — это предмет (или класс предметов). Одному и тому же денотату могут соответствовать разные знаки с разными десигнатами, например, у знаков *автор «Кандида»*, *Франсуа-Мари Аруэ* и *Вольтер* один и тот же денотат.

§ 17. Важно подчеркнуть, что лингвистика изучает знаки и их компоненты, но не денотаты знаков. Иначе говоря, на первый план выступают не факты действительности, а способ их отражения в каждом конкретном языке, а затем и в языке вообще. Например, денотатом временных форм глагола выступает физическое время, законы которого, естественно, едины для всех, они изучаются физикой. Лингвистику, однако, интересует грамматическое время, при этом оказывается, что в одном языке (например, русском) есть три времени — настоящее, прошедшее и будущее, в другом (например, немецком) — настоящее, три прошедших и два будущих, в третьем (например, бирманском) — настоящее-прошедшее и будущее, в четвертом (например, китайском) — настоящее-будущее и два прошедших. В некоторых языках вообще как будто бы нет грамматической категории времени: так, исследователи ряда языков Юго-Восточной Азии, например лаосского, хотя и говорят о «видо-временных» показателях глагола, но относят эти показатели к средствам выражения категории вида, а не времени.

✓ ДВОЙНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В ЯЗЫКЕ. ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ И ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ

§ 18. Наличие двух сторон у языковых знаков — означающего и означаемого — позволяет любой текст и любой его фрагмент рассматривать и, в частности, членить с двух точек зрения:

² Некоторых оговорок требуют знаки, относящиеся к единичным объектам, например *Наполеон*.

с точки зрения того, какие знаки в нем представлены, и с точки зрения характера означающих этих знаков и их сочетаний. С первой из указанных точек зрения текст можно членить на предложения, синтагмы, слова, морфемы. Это называют *первым членением*. Со второй точки зрения текст членится на произносительные группы разного рода, слоги, фонемы. Это называется *вторым членением*, а сам факт существования двух способов членения текста — *двойным членением*.

§ 19. Наиболее существенным видом второго членения выступает членение на фонемы. Необходимость второго членения этого типа, т. е. необходимость особых единиц типа фонем, вытекает из знакового характера языка, а также из относительной ограниченности памяти человека и возможностей его произносительно-слухового аппарата. В самом деле, для выполнения своей основной функции, коммуникативной, язык должен обладать отдельными знаками для всего того, что может послужить предметом сообщения. Ясно, однако, что число таких предметов практически бесконечно, и наличие абсолютно уникального знака со своим неповторимым означающим для каждого из них явно перегрузило бы возможности человеческой памяти и произносительно-слухового аппарата. Поэтому язык «выбирает» иной путь: вырабатывается сравнительно небольшое число элементов, фонем, которые, не являясь знаками, формируют, в разных комбинациях, материальные оболочки (т. е. означающие) чрезвычайно большого числа знаков.

§ 20. Существование двойного членения говорит о том, что, хотя означающие представлены определенными звучаниями, отдельные звуки и значения не соотносятся непосредственно: означающее всегда выделяется как некая глобальная нерасчлененная единица, которой в целом соответствует то или иное значение.

Л. Ельмслев, а за ним и другие лингвисты называют фонемы (и слоги), не являющиеся знаками, «фигурами»³. Принятие этого термина позволяет внести уточнение в определение языка: язык есть система фигур и знаков и правил их функционирования.

§ 21. Если членить текст можно с точки зрения знакового состава и с точки зрения состава означающих, то анализировать текст можно также применительно к тем значениям, т. е. означаемым, которыми характеризуются соответствующие знаки⁴.

³ Точнее, Ельмслев говорил в этом случае о «фигурах выражения», в отличие от «фигур содержания», семантических единиц (об этом см. § 28 и др.).

⁴ Разумеется, членить на элементы значения нельзя, поскольку значение нематериально.

Аспект, связанный со структурой и свойствами означаемых, называется *планом содержания*.

В свою очередь, аспект, связанный со структурой и свойствами означающих, называется *планом выражения*. План выражения — это вся совокупность материальных средств языка, предназначенных для передачи тех или иных значений; означающие знаки, способы их фонетического оформления (например, типы интонации), синтактика знаков принадлежат плану выражения. План выражения, следовательно, более широкое понятие, чем совокупность означающих.

Чрезвычайно важно всегда учитывать, что для языка и соответственно для лингвистики существенны план выражения и план содержания не сами по себе, а в их соотношении. Изучая план выражения, мы должны рассматривать материальные средства языка под таким углом зрения: для чего существуют они в языке, что, т. е. какое значение, призваны выражать эти материальные средства? Изучение плана содержания должно руководствоваться аналогичным подходом, иначе говоря, во главе угла должен находиться вопрос: каким образом, при помощи каких материальных средств выражаются в языке данные значения? Таким образом, и форма, и значения изучаются в составе определенных знаков (а знаки — в составе систем).

§ 22. Неразрывная связь плана выражения и плана содержания не отрицает, однако, их относительной автономности. Такая автономность есть естественное следствие, вытекающее из факта двойного членения, а также из двух существенных свойств знаков: произвольности связи между означающим и означаемым знака и асимметричности этой связи. Тезис о произвольности связи означающего и означаемого констатирует, что, исходя из характера звучания и, шире, типа означающего, нельзя сделать какого-либо вывода относительно типа означаемого. Например, ничто в звучании, скажем, /stol/ не говорит о значении данного слова.

Тезис об асимметричности связи между означающим и означаемым указывает на то, что не существует регулярных соответствий между этими двумя сторонами знака. Одно и то же означающее может соответствовать разным означаемым, что имеет место при омонимии (ср. *рожа* «лицо» и «вид болезни»), полисемии (ср. *грудь* «верхняя передняя часть туловища», «бюст» и «верхняя передняя часть рубашки»), нейтрализации (ср. /rok/ — *рок* и *рог*); одно и то же означаемое может выражаться разными означающими, что характерно для синонимии (ср. *негодяй* и *подлец*).

- Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение.— И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2, М., 1963.
- Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.
- Мартине А. Основы общей лингвистики.—«Новое в лингвистике». Вып. 3. М., 1963.

русские традиции
УРОВНИ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 23. В разделе, раскрывающем понятие языковой системы (§§ 8—10), уже говорилось, что эта система включает многие подсистемы. Когда такие подсистемы соотносятся иерархически, т. е. одна является как бы «управляющей» по отношению к другой, то можно сказать, что каждая подсистема представляет собой особый уровень языка.

Необходимо различать уровни языка (языковой системы) и уровни речевой деятельности. Если уровень языка — это, как сказано выше, отдельная подсистема языка, имеющая свой «ранг» в языковой иерархии, то уровень речевой деятельности — это отдельный «такт», или стадия работы языкового механизма, когда в процессе порождения или восприятия высказывания участвует та или иная конкретная подсистема, конкретный уровень языка. Например, система фонем — это особый, фонологический, уровень языка. На определенной стадии порождения речи происходит воплощение каждого высказывания в звуковой форме; эта стадия и представляет собой фонологический уровень речевой деятельности — точнее, фонологический уровень порождения речи.

Для уровней языка различие между порождением речи и ее восприятием не имеет существенного значения, в то время как для уровней речевой деятельности это различие очень важно, так как одни механизмы «заведуют» порождением, а другие — восприятием речи. Вопрос этот, впрочем, очень мало исследован.

§ 23.1. Необходимость многоуровневого строения вытекает из самой природы языка и речевой деятельности. Речевой акт состоит в передаче некоторого сообщения, некоторой информации или же в восприятии такой информации. Целостный фрагмент информации может быть передан лишь при помощи языковой единицы не меньшей, нежели предложение⁵. Следовательно, для передачи любого осмысленного фрагмента информации необходимо располагать подсистемой, порождающей предложения; иначе говоря, в языковой системе необходим уровень предложений.

≠ единица

⁵ Не случайно школьные грамматики определяют предложение как единицу, «выражающую законченную мысль».

§ 23.2. В свою очередь, для успешного функционирования уровня предложений необходимы определенные нижележащие уровни. Это ясно уже из того, что в противном случае (т. е. если бы уровень предложений был единственным уровнем системы) каждой «законченной мысли» отвечала бы своя уникальная форма, нечто вроде иероглифа для каждого предложения, что, конечно, невозможно. Поэтому должны иметь место по крайней мере еще две подсистемы: подсистема, обеспечивающая построение предложений из отдельных слов, и подсистема, в ведении которой находится формирование звуковой оболочки слов и предложения в целом. Соответственно этим подсистемам выделяются два уровня: уровень слов и фонологический уровень.

Слова реально не являются неразложимыми знаковыми единицами, они сами организованы из мельчайших знаков — морфем. Поэтому существует еще один уровень — уровень морфем.

§ 24. Иерархичность уровней языка часто понимают как отношение интегративности, или конститутивности, с одной стороны, и разложимости — с другой: считают, например, что уровень слов — это более высокий уровень по сравнению с уровнем морфем, поскольку морфемы входят в состав слова (конституируют слово), а слово разложимо на морфемы. Такую, в общем, механистическую картину мы получаем тогда, когда рассматриваем лишь текст в его статике. Однако если привлечь к рассмотрению динамические процессы речевой деятельности, то картина будет иной.

В разделе о языке как функциональной системе уже говорилось, что подсистемы организуются частными результатами, которые должны быть получены в рамках данных подсистем для эффективного функционирования всей системы. Используя понятие уровня, мы получаем, что иерархия уровней есть, с одной стороны, иерархия результатов, а с другой — иерархия условий: для передачи сообщения, как выяснено выше, необходимо предложение, или, другими словами, построение предложения является необходимым условием для передачи информации. В свою очередь, для построения предложения необходимы слова, или, иначе, подбор нужных слов — результат работы соответствующего уровня — есть необходимое условие построения предложения и т. д.

Иерархия уровней проявляется также в том, что более высокий уровень в большой степени обуславливает организацию нижележащего уровня. Так, синтаксическая структура предложения в значительной мере определяет, какие должны быть избраны словоформы; морфологическая структура слова сказывается на выборе фонологических вариантов морфем и т. п. (см. § 27).

§ 25. Каждый уровень вместе с тем обладает известной автономностью, что проявляется в следующих трех аспектах, которые одновременно можно рассматривать как критерии выделения самостоятельных уровней.

Во-первых, свойства единиц каждого данного уровня невыводимы полностью из свойств конституирующих их единиц, которые принадлежат более низкому уровню. Подобно тому как, скажем, специфические качества воды невозможно свести к свойствам водорода и кислорода, характеристики конкретного предложения нельзя вывести из свойств входящих в его состав слов, а особенности слов — из признаков образующих их морфем. (Например, из свойств морфем *пар, о, ход* не вытекает лексическая и грамматическая специфика слова *пароход*.) Каждый новый уровень — это новое качество.

Во-вторых, существование отдельного уровня предполагает что все высказывание целиком и без остатка может быть представлено в терминах единиц этого уровня. Единицы и правила данного уровня (подсистемы) языка выступают как своего рода самостоятельные «языки»: все высказывание можно записать на «языке слов» или на «языке морфем», т. е. рассматривать либо как последовательность слов, либо как последовательность морфем. В этом случае переход от уровня к уровню в речевой деятельности является как бы «переводом», например, с «языка слов» на «язык морфем».

В-третьих, каждый уровень обладает собственной синтактикой. Например, если в немецком языке элементы *frieden* 'мир' и *kampf* 'борьба' сочетаются как морфемы⁶, то правила синтактики состоят в употреблении этих морфем в данном порядке с использованием интерфикса *-s-*: *der Friedenskampf* 'борьба за мир'; если же мы сочетаем слова (*der*) *Frieden* и (*der*) *Kampf*, то правила синтактики другие и состоят в использовании предлога *für* и аккузатива от *der Frieden*: *der Kampf für den Frieden* 'борьба за мир'.

Даже в том случае, когда правила синтактики устанавливаются применительно к означаемым, небезразлично, имеем ли мы дело просто с синтактикой фонем или же с комбинаторикой целостных означаемых. Например, в английском языке одно из правил, регулирующих закономерности фонологической сочетаемости, формулируется так: последовательность /ŋə/ допускается только в том случае, когда /ə/ есть означаемое самостоятельной морфемы со значением деятеля, в остальных случаях употребляется вставка /g/ между /ŋ/ и /ə/ (ср. *longer* /lɒŋgə/ 'длиннее' и *singer* /sɪŋə/ 'певец'). Следовательно, это правило синтактики принадлежит морфологии (или морфофонологии, см. § 56), а не фонологии.

⁶ Строго говоря, *frieden* — двуморфемная единица (*fried-en*), но от этого мы здесь можем отвлечься.

§ 26. Соотношение уровней языка не пропорционально, т. е. нельзя сказать, например, что слово относится к морфеме так, как морфема относится к фонеме. В указанном случае отсутствие пропорциональности особенно наглядно, так как если и слово, и морфема суть знаковые единицы, то фонема — незнаковая единица, поэтому отношение морфемы к фонеме существенно иное, нежели отношение слова к морфеме.

Фонемные (слоговые) комплексы выступают в качестве означающих морфем. Иными словами, эти комплексы являются планом выражения для морфем. Что же касается плана выражения для единиц более высоких уровней, то в качестве такового выступает уже по существу их структура в терминах единиц нижележащих уровней, а именно: план выражения для предложения — это его структура в терминах слов и связей между ними, план выражения слова — его морфемное строение и т. п. Можно сказать, что нижележащий уровень «предоставляет материал» для формирования плана выражения следующего по рангу уровня.

§ 27. Вопрос о числе и качественной характеристике уровней языка и речевой деятельности далек от окончательного решения. Выше было показано, что обязательными компонентами языковой системы выступают уровень предложений, уровень слов, уровень морфем и фонологический уровень. Уровень предложений — это, иначе, синтаксический уровень. На этом уровне языка предложение фигурирует как абстрактная схема, компонентами которой являются синтаксические категории, такие, как члены предложения (подробнее см. § 96 и сл.). Для синтаксического уровня речевой деятельности на первый план выдвигаются правила построения предложения при порождении речи и правила обнаружения «синтаксического скелета» предложения при восприятии речи.

Традиционная морфология включает как уровень слов, так и уровень морфем.

При построении предложения общий смысл, который должен быть им передан, определяет отбор слов из словаря — слов-лексем, т. е. «абстрактных» слов, лишенных конкретной грамматической формы. Свои места в предложении слова должны занять, однако, будучи в определенной грамматической форме, т. е. в виде конкретных словоформ. Из этого следует, очевидно, что уровень слов — это уровень словоформ.

Морфемы в составе словоформ на этой стадии выступают в виде своих основных вариантов, например, слово *ручкой* на данном уровне можно записать как *рук-к-ой*.

На уровне морфем выбираются необходимые варианты каждой морфемы, например, *руч-* вместо *рук-* перед *-к-*.

На фонологическом уровне «уточняется» фонологический облик морфем, в частности, там, где его закономерности не

зависят от морфологии, например, /o/ в окончании *-ой* без ударения заменяется на /a/. Далее фонологический облик всего высказывания получает соответствующую фонетическую интерпретацию.

Так можно представить себе взаимодействие уровней речевой деятельности при порождении речи⁷.

§ 28. Отдельно следует остановиться на вопросе об уровне семантики. Семантика присутствует всюду, где есть знаки: существуют семантические характеристики морфем, слов, синтаксических конструкций, предложений. Проблема, однако, состоит в следующем: можно ли говорить об особых семантических единицах, т. е. не о характеристике знаков в плане содержания, а об односторонних единицах содержания, подобных односторонним единицам выражения — фонемам и их признакам. Существенно, что такие единицы должны были бы иметь языковой, а не логический или психологический характер. По-видимому, именно такой характер имеют категории типа «субъект», «объект», но пока неизвестно, существует ли универсальный набор семантических единиц, при помощи которых можно было бы описать план содержания любого предложения (в одном конкретном языке или во всех языках; ср. § 126).

Языковой характер семантических единиц (категорий) должен проявляться в том, что следует ожидать наличия специальных средств выражения таких категорий (по крайней мере в каком-то одном языке, если речь идет об универсальном, панлингвистическом наборе категорий): как уже говорилось выше, в плане содержания лингвистический интерес представляет то, что имеет определенные соответствия в плане выражения⁸.

Доказательством существования особого «семантического языка», т. е. самостоятельного уровня семантики, считают обычно следующее. Хорошо известно, что один и тот же смысл может быть передан различными высказываниями, например, предложения *Иванов одолжил Петрову эту сумму, Петров занял у Иванова эту сумму, Эта сумма была одолжена Ивановым Петрову* и т. п. имеют один и тот же смысл. Известно также, что человек запоминает обычно смысл сообщения, а не его конкретную языковую форму. Такие факты доказывают, как предполагают, именно то, что существует собственно семантическое представление, одинаковое для всех высказываний, тождественных в смысловом отношении. Соответственно должны существовать особые средства такого семантического представления — семан-

⁷ О взаимодействии уровней речевой деятельности с психолингвистической точки зрения см. § 166 и сл.

⁸ Компоненты плана содержания, имеющие соответствия в плане выражения и взятые как особые единицы, Л. Ельмслев называл «фигурами содержания».

тические единицы и их синтактика. А это, в свою очередь, означает, что есть особый семантический уровень языка и речевой деятельности. Именно из этого мы будем исходить в дальнейшем (подробнее о семантике см. §124 и сл.)

§ 29. В составе уровней обычно можно вычленить определенные подуровни. Так, в рамках фонологического уровня выделяется подуровень слогов; применительно к морфологии языков типа русского уместно говорить об особом подуровне основ и т. п.

В заключение данного раздела необходимо подчеркнуть, что иерархическая сложность системы языка и речевой деятельности, существование целого ряда относительно автономных подсистем, уровней никак не противоречит тезису о языке как о единой системе. Скорее, наоборот: именно расчлененность системы обеспечивает ее цельность, ибо цельность обеспечивается связями, а связи возможны лишь между отдельными и взаимодействующими компонентами в составе системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа.— «Новое в лингвистике». Вып. 4. М., 1965.
- Данеш Ф., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Падучева Е. В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке.— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». 1975, т. 34, № 6.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

§ 30. Прежде чем перейти к описанию основных уровней языковой системы и их функционирования, необходимо остановиться на том, каким может быть лингвистическое описание.

Всякая теоретическая дисциплина имеет перед собой задачу построения *модели* того объекта, который она изучает. Модель — это тоже объект, но специально построенный исследователем¹ с целью познания того или иного фрагмента действительности, т. е. объекта-оригинала. Правильная, адекватная модель создается тогда, когда два эти объекта — модель и оригинал — обладают структурным и/или функциональным подобием. Наличие структурного подобия означает, что объект-оригинал и модель имеют одинаковую структуру, в таких случаях говорят, что они изоморфны друг другу. Наличие функционального подобия говорит о том, что модель способна выполнять те же функции, что и объект-оригинал. Так, если мы моделируем динамическую систему, то модель также должна быть динамической, или действующей, причем результат деятельности модели должен быть (по крайней мере функционально) тем же, что и результат деятельности объекта-оригинала. Например, если мы моделируем мельницу как действующую систему, то наша модель должна быть в состоянии измельчать зерно или какой-то его аналог.

§ 31. Любой объект, вообще говоря, бесконечен по своим свойствам. Исследователь соответственно может моделировать, в зависимости от поставленной задачи, лишь тот или иной аспект объекта. Иными словами, при одном и том же объекте выбираются разные предметы исследования, моделирования.

Точно так же, в зависимости от поставленных задач, могут выбираться способы моделирования. Простое словесное описание какого-либо объекта — это тоже разновидность модели. В другом случае модель может быть натурной, т. е. может воспроизводить объект в том или ином материале. Наконец, модель

¹ Если не учитывать естественных моделей, которые «стихийно» создаются мозгом, психикой человека при отображении внешней действительности (см. § 4.1).

может быть логической или математической, когда, отвлекаясь от всего прочего, исследователь в виде систем формул, уравнений воспроизводит лишь качественные и/или количественные отношения, существенные для объекта-оригинала в данном аспекте.

§ 32. Что же и как моделирует лингвист? Очевидно, основная задача лингвиста состоит в том, чтобы построить модель, которая, с одной стороны, производила бы «правильные» тексты, т. е. не отличающиеся от естественных, и не производила «неправильные» тексты; с другой стороны, модель должна «уметь» давать смысловую интерпретацию любому тексту, не очень отклоняющемуся от «правильного». Если эти условия соблюдены, то модель адекватно отображает речевую деятельность человека в том смысле, что результат ее функционирования не отличается от результатов речевой деятельности человека².

В настоящее время, однако, лингвистика еще не располагает, по существу, возможностями строить модели, которые одновременно были бы способны и строить тексты, и давать им смысловую интерпретацию. Поэтому целесообразно различать модели, которые воспроизводят построение, или порождение, текста, и модели, которые воспроизводят восприятие текста. Модели первого рода можно назвать *порождающими*, модели второго рода — *анализирующими*, или *аналитическими*. Оба эти типа моделей можно объединить в один класс функциональных моделей речевой деятельности.

Порождение текста — это воплощение в данном тексте некоторого смысла, т. е. переход «смысл → текст»³. Анализ, или восприятие, текста — это извлечение определенного смысла из данного текста, или переход «текст → смысл». Соответственно модели речевой деятельности должны устанавливать соотношение «смысл ↔ текст». Порождающая и аналитическая модели воспроизводят каждая одну из сторон речевой деятельности, взятые же вместе они отражают речевую деятельность в целом.

§ 33. Модели речевой деятельности — не единственно возможный тип лингвистических моделей. Для того чтобы осуществлялась речевая деятельность, необходимо наличие языковой системы. Соответственно необходимо ее моделирование. О свойствах системы мы можем судить по результатам ее функционирования, прежде всего по тексту, по его характеристикам.

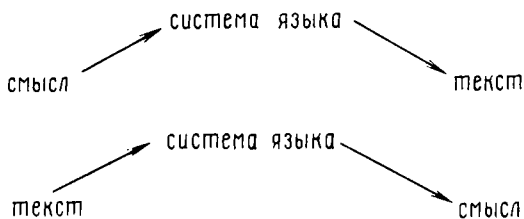
² Функционирование такой действующей модели также можно назвать речевой деятельностью.

³ В отличие от ряда лингвистов, мы понимаем под текстом не совокупность означающих, а определенным образом организованную последовательность двусторонних знаков (конкретных, когда рассматривается данный текст, а не абстрактная модель текста).

Поэтому моделирование системы языка отражает переход «текст → языковая система». Этот тип модели можно назвать *исследовательским*, так как здесь отображается прежде всего деятельность исследователя-лингвиста по выяснению системы языка (см. также ниже).

Речевая деятельность, как уже говорилось, возможна благодаря наличию общезначимой системы языка: при порождении речи необходимый смысл «кодируется» с использованием элементов и правил, которыми располагает языковая система. При восприятии речи анализ текста, его «декодирование» осуществляется путем соотнесения элементов текста с элементами системы и «обработки» их по правилам, имеющимся в этой системе. Поэтому более точно процессы порождения и восприятия речи можно описать в виде схемы:

Схема 1

§ 34. Моделирование как системы языка, так и речевой деятельности может иметь узколингвистический характер или же характер психо- и нейролингвистический.

При узколингвистическом характере моделирования основным критерием адекватности модели является адекватность текста (и его интерпретации), т. е. результата функционирования этой модели. Однако один и тот же текст может быть порожден (иногда и интерпретирован) разными способами. Поэтому собственно лингвистическая модель может оказаться не изоморфной внутренней системе носителей языка, т. е. языку в психолингвистическом смысле; точно так же структура функционирования модели может не воспроизводить структуру деятельности человека.

При психолингвистическом характере моделирования следует добиваться именно такой изоморфности, используя для этого все доступные наблюдению факты речевого поведения, ставя специальные психолингвистические эксперименты⁴.

При нейролингвистическом характере моделирования структура модели должна в определенной степени воспроизводить структуру неврологических механизмов, являющихся материаль-

⁴ Подробнее об этом см. главу «О психолингвистике».

ным субстратом психолингвистической системы. Особенно важны для нейролингвистики свидетельства речевой патологии, т. е. разного рода расстройств языковой системы и речевой деятельности.

§ 35. Особого пояснения требует природа исследовательской модели лингвистического описания. Как было сказано выше, при собственно лингвистическом подходе переход «текст → система языка» отображает процесс выявления языковой системы лингвистом, или, иначе, процесс составления грамматики языка. Можно утверждать, что при психо- и нейролингвистическом подходе этот переход воспроизводит процесс усвоения языка: при стихийном усвоении языка человек (ребенок) должен именно «построить» свою внутреннюю языковую систему. основой же для такого построения выступает «анализ» текста.

§ 36. Разграничение разных типов моделей лингвистического описания необходимо, в частности, и потому, что в лингвистике нередко возникают бесплодные дискуссии именно из-за различия разных типов моделирования. Например, в дескриптивной лингвистике распространен подход к пониманию значения как функции от употребления языковой единицы. Считают, что значение слова есть сумма его окружений (употреблений). Обычно такая точка зрения вызывает следующее возражение: не употребление определяет значение слова, а, напротив, значение слова является тем детерминирующим фактором, от которого зависит его употребление, который обуславливает, в каких окружениях (контекстах) встречается данное слово.

В действительности справедливы обе точки зрения, а возникновение дискуссии объясняется неразличением разных типов лингвистических моделей. В самом деле, при переходе «смысл → текст», который осуществляется «через» систему языка (куда, между прочим, входит и словарь), употребление слова определяется его значением и грамматическими свойствами; однако при переходе «текст → языковая система», т. е. при выявлении системы языка, значение слова выводится из его употребления в текстах. Переводя этот вопрос в психолингвистический план, можно спросить: каким образом ребенок обнаруживает и усваивает все особенности значения слова? Ответом будет: разумеется, по тому, как это слово употребляется в речи, в каких контекстах оно выступает и т. п. В то же время при порождении речи сформировавшаяся система языка, его семантическая структура обуславливают употребление того или иного слова.

§ 37. Модели, о которых здесь идет речь, объединяет то, что все они отражают структуру процессов, а не каких-либо статических объектов. Это в полной мере относится и к иссле-

довательской модели, которая не является моделью языка: она воспроизводит процесс построения модели языка. Сама же модель языка создается в результате применения тех принципов и правил, которые разработаны исследовательской моделью. Дело в том, что языковая система, как таковая, недоступна прямому наблюдению, поэтому единственно возможным методом — это построение системы правил, обеспечивающих переход к языку по данным текста. Такой переход не сводится исключительно к обобщению фактов, представленных в тексте, но включает также выдвижение гипотез относительно природы языковой системы.

В настоящей книге основное внимание уделено исследовательским моделям, что вызвано двумя соображениями: во-первых, именно в этой области лингвистики представлены наиболее основательно разработанные концепции; во-вторых, начинающему лингвисту более всего необходима именно методика исследования языка, а задача исследовательских моделей заключается прежде всего в разработке приемов лингвистического анализа.

Такой анализ с точки зрения разработки исследовательских моделей имеет два аспекта: с одной стороны, исследовательская модель включает «технические» процедуры, предписания практического характера о том, как должен лингвист работать с текстом, чтобы получить в итоге модель языковой системы; с другой стороны, исследовательская модель должна снабжать лингвиста аппаратом теоретических представлений, которые необходимы для описания самой системы языка, для построения ее модели. Разумеется, эти аспекты тесно связаны и в дальнейшем изложении специально не разграничиваются.

§ 38. В заключение главы следует дать наиболее общий ответ на вопрос, что для лингвиста является способом моделирования различных аспектов языковых явлений. Универсального способа здесь не существует. Реально в лингвистических работах центральное место, по-видимому, занимает обычное словесное описание.

Наряду с ним употребляются разного рода таблицы, схемы, деревья (см. § 98), иногда аппарат математической логики, теории множеств (см. «Приложение») и т. п. Эти последние средства моделирования не имеют пока в лингвистике разработанной методики использования, поэтому в данной работе они практически не отражаются.

Существенно учитывать, что о подлинной эффективности, например, математического моделирования языка и речевой деятельности можно говорить тогда, когда математика не просто используется в качестве «языка» для переформулировки уже готовых решений, но когда лингвистическая проблема ставится и решается собственно математическими методами.

Разумеется, уже само использование внешней стороны логического и математического аппарата может оказаться полезным, в силу того что результатом выступает однозначность и компактность описания. Однако при этом следует помнить, что выбор средств моделирования определяется еще и тем, «на кого» оно рассчитано. Если модель должна быть введена в электронную машину, то, естественно, она не может быть словесным описанием. Если же модель рассчитана на использование ее человеком, то уместно позаботиться о том, чтобы такое использование не было излишне осложнено без серьезных на то причин.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

ФОНОЛОГИЯ

§ 39. В фонологии до сих пор были распространены преимущественно исследовательские модели, т. е. модели, которые прежде всего описывают, каким образом можно выяснить систему фонем данного языка. Такие модели предоставляют в распоряжение лингвиста ряд рекомендаций, отвечающих на вопрос: какие операции следует произвести над текстом, чтобы установить систему фонем данного языка?

Поскольку фонемы суть кратчайшие единицы плана выражения, то в качестве первого шага анализа следует расчленить текст на *минимальные сегменты*.

В языкознании существуют направления (прежде всего это относится к дескриптивной лингвистике), представители которых считают, что к сегментации звучащего текста следует подходить как к собственно физической процедуре: нужно отыскать такие признаки акустического порядка, которые позволили бы расчленить звуковую цепь на минимальные сегменты. Очевидно, при этом предполагается, что, коль скоро носитель языка прекрасно слышит, из каких звуков слагается то или иное слово, он всегда может вычленить эти звуки, и необходимо лишь под эти интуитивные знания подвести определенную «материальную базу» в виде упомянутых выше критериев сегментации.

Следует, однако, со всей отчетливостью подчеркнуть: впечатление носителя языка о том, что фонетически текст слагается из отдельных звуков, есть иллюзия. В действительности речевой поток представляет собой непрерывный континуум, где границы между сегментами, соответствующими отдельным фонемам, сплошь и рядом либо вообще отсутствуют¹, либо не выражены сколько-нибудь определенно. Поэтому весьма часто собственно физические критерии сегментации или невозможны, или дают членение речевого потока, не имеющее никаких лингвистических соответствий. Что же касается убежденности носителя языка в том, что он слышит отдельные звуки и границы между ними, то это объясняется знанием языка: зная язык и владея его системой фонем, человек все слышимое в речи воспринимает в терминах членов этой системы; даже в тех (вполне обычных) случаях, когда сам воспринимаемый акустический ре-

¹ Два или более сегментов как бы «сплавляются» в фонетически единое целое.

евого сигнал нечеток, недостаточен, слушающий, опознавая слово благодаря части признаков и контексту, тем самым опознает его звуковой облик и получает иллюзию, что слышит все это «отдельные звуки».

§ 40. Таким образом, подход к фонологической сегментации текста с чисто физической стороны невозможен. Чтобы осуществить указанную сегментацию, фонолог должен привлечь лингвистические критерии. Необходимость привлечения лингвистических критериев вытекает из знаковой природы языка и существования двойного членения. Фонемы не являются знаками, функция же их состоит в том, чтобы формировать знаки (вернее, десигнаторы). Поэтому существенные с лингвистической точки зрения свойства фонем мы сможем выяснить тогда, когда проследим, каким образом фонемы выполняют свою функцию, т. е. каким образом они функционируют в составе знаков. В частности, чтобы выяснить, как речевая цепь членится на минимальные сегменты с фонологической точки зрения, необходимо рассмотреть, как членится она с морфологической точки зрения. При таком подходе фонологическая сегментация оказывается производной от сегментации морфологической. Эту точку зрения последовательно развивает школа Л. В. Щербы.

Описанная концепция практически означает, что для определения фонологической границы нужно выяснить, где проходит граница морфологическая: когда нам необходимо знать, имеем мы дело с фонологически единым сегментом или с последовательностью таких сегментов, следует определить, делим ли данный сегмент морфологической границей. Например, сравним слово *Meister* в немецком языке и слово *майстер* в украинском языке. В обоих словах присутствует звучание [aj] или [aj], немецкий и украинский варианты которого не тождественны², но вполне сопоставимы. В украинском языке это звучание с фонологической точки зрения делится на два минимальных сегмента, [a] и [j], поскольку [aj] представляет собой сочетание, которое может быть расчленено морфологической границей: например, в слове *питај* 'спрашивай' *a* и *й* — это два самостоятельных аффикса. Что же касается немецкого языка, то [aj] здесь фонологически неделимо, является дифтонгом: в немецком языке невозможно найти случай, где бы внутри [aj] проходила морфологическая граница.

Морфологическая граница — это не всегда граница морфемная. Такая граница — с соответствующими следствиями для фонологии — может обеспечиваться и морфологизованными чередованиями наподобие чередований *sing — sang — sung* в английском языке, где наличие чередований свидетельствует о членности указанных слов на [s], [i] (или [æ], [ʌ]) и [ŋ].

² Для немецкого примера более адекватной была бы транскрипция [a̯ɪ].

Следует подчеркнуть, что описанные процедуры по самой своей природе не могут механически применяться к тексту как к «акустическому сигналу». Их использование предполагает, что лингвист владеет информацией о мельчайших значимых единицах языка — морфемах, их границах и взаимоотношениях. Это не означает, однако, что на данной стадии должна быть известна вся морфология: нужен лишь некоторый минимум морфологической информации, необходимый и достаточный для целей фонологического анализа.

§ 41. Последовательно применяя критерий морфологизованной, или функциональной, сегментации, мы получаем текст, расчлененный на фонологически минимальные сегменты, или *фоны*.

Процедура сегментации обеспечивает вычленение минимальных сегментов, однако число фонем заведомо меньше, чем число выделенных таким образом фонов: в речевой цепи фонемы представлены своими вариантами (*аллофонами*), и нужно установить, какие сегменты являются вариантами одной и той же фонемы, или, иначе говоря, какие из сегментов могут быть отождествлены как представители одной фонемы.

§ 41.1. В лингвистике имеются два типа критериев отождествления сегментов. К первому типу принадлежат критерии дополнительной дистрибуции (дополнительного распределения) и свободного варьирования.

Дистрибуцией называют распределение единиц относительно друг друга и/или относительно каких-либо других единиц. Например, дистрибуция звонких согласных в русском языке такова, что они сочетаются с гласными, сонантами, другими звонкими согласными, не сочетаются с глухими согласными и не встречаются в исходе слова перед паузой.

Дополнительная дистрибуция — это такое отношение единиц, когда каждая из них возможна только в своем окружении, контексте и ни в каком другом.

Если обозначить два сегмента через *x* и *y*, а их окружение соответственно через *A—B* и *C—D*, то можно сказать: *x* и *y* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, если *x* встречается в окружении *A—B* и не встречается в окружении *C—D*, а *y*, наоборот, встречается в окружении *C—D* и не встречается в окружении *A—B*. Например, в русском языке [æ] возможно в окружении мягких (*сядь*), но невозможно в окружении твердых, в то время как [a] встречается в окружении твердых (*сад*), но не в окружении мягких.

Из отношения дополнительной дистрибуции следует вывод, что данные сегменты суть варианты одной и той же фонемы. Так, русские [æ] и [a] суть варианты фонемы /a/.

Свободное варьирование — это такое отношение сегментов, когда они поддаются взаимозамене: вместо одного всегда может быть употреблен другой. Например, начальный

[a] в русском языке можно всегда заменить на [ʔa], гласный со смычногортанным началом и наоборот: [апа] и [ʔапа] — она. Отношение свободного варьирования также свидетельствует о принадлежности сегментов одной фонеме. Так, русские [a] и [ʔa] суть варианты фонемы /a/.

§ 41.2. Другой тип критериев отождествления сегментов основан на соображении функционального характера: согласно этому критерию, отождествляются те сегменты, которые чередуются в составе означающего одной и той же морфемы. Например, одна и та же приставка, орфографически передающаяся как *о*, может реализоваться в качестве сегмента [a] или [ʔa] (*осадок*), [a]³ (*осядет*), [ʔa¹], иначе [æ] (*муть осядет*) и т. д. Следовательно, все эти сегменты признаются вариантами фонемы /a/.

Применение этого критерия имеет два ограничения. Первое из них, признаваемое обеими отечественными фонологическими школами, Московской и школой Л. В. Щербы, состоит в том, что отождествлять разрешается только сегменты, находящиеся в отношении так называемого живого фонетического чередования. Под живыми понимаются такие чередования, которые определяются исключительно фонологическим окружением и происходят автоматически при изменении этого окружения. Например, звонкие в русском языке автоматически заменяются глухими перед другими глухими и перед паузой, ср. *разбить* — *рассыпать*, *нога* — *ног* [пок]. Что же касается, например, замены [g] на [ž] (*нога* — *ноженька*), то она не может быть объяснена изменением фонологического контекста⁴, [g] не переходит автоматически в [ž] при изменении фонологического окружения. Соответственно [z] — [s], [g] — [k] — живые фонетические чередования, а [g] — [ž] — нет; это так называемое историческое чередование.

Требование второго ограничения выдвигается школой Щербы. С точки зрения ее представителей, можно отождествлять только такие сегменты, взаимозамена которых всегда вызывается изменением окружения и никогда не нарушает тождества морфемы. Например, замена [t] на [t°] (огубленное [t]) и наоборот всегда вызывается изменением окружения, так как [t°] появляется только перед огубленными гласными, ср. *плита* [p'l'it'a] — *плитой* [p'l'it°oj]; кроме того, нет таких случаев, когда замена [t] на [t°] (или наоборот) давала бы новую морфему. В отличие от этого [g] и [k], например, хотя чередуются в составе одной и той же морфемы в случаях типа *нога* — *ног*, *рога* — *рог*, не могут быть отождествлены, поскольку в других случаях замена [g] на [k] не вызвана изменением контекста и нарушает

³ Малое надписное [i] указывает на особое качество гласного, вызванное наличием i-образного перехода под влиянием соседнего мягкого.

⁴ В русском языке возможно [g] перед [e], например, *гэ* — название буквы.

тождество морфемы, ср. *гол* — *кол*. Московская фонологическая школа не знает этого ограничения и считает возможным и необходимым отождествление звонких и глухих в исходе морфемы в случаях типа *рога* — *рог* и др.

Указанное различие между школами обусловлено тем, что Московская школа не рассматривает фонемы «сами по себе», но всегда лишь в составе означающих определенных морфем, поэтому [k] морфемы *рог* и [k] морфемы *кол* получают разную интерпретацию. Школа Щербы, однако, исходит из того, что фонемы — относительно самостоятельные, автономные единицы, качественная характеристика которых не определяется полностью отнесенностью к той или иной морфеме (см. также ниже, §§ 48.1—48.3).

§ 41.3. Как можно заметить из изложенного выше, два типа критериев отождествления сегментов по существу не противопоставлены. Как свободное варьирование, так и дополнительная дистрибуция отражают разновидности чередования, или мены, сегментов: при свободном варьировании происходит случайная мена сегментов, не вызванная изменением контекста, а в случае дополнительной дистрибуции — вынужденная мена, обусловленная изменением контекста. Следует только добавить, что для отождествления сегментов необходимо, чтобы их мена осуществлялась в составе одной морфемы, и ввести два ограничения, сформулированные выше в § 41.2. В итоге мы получим объединение критериев обоих типов.

§ 42. В результате применения указанных критериев выделяются классы, или группы, фонологически тождественных сегментов. Каждому такому классу соответствует абстрактный объект, который и является *фонемой*. Построение такого абстрактного объекта аналогично в общем тому, как создаются общие понятия, например, березы или сосны, которым в реальной действительности соответствуют различные разновидности конкретных экземпляров этих деревьев. В этом смысле, например, фонема /a/ отдельное существование имеет только как объект лингвистической теории, будучи представлена в реальной действительности своими текстовыми реализациями.

Ситуация несколько иная при психо- и нейролингвистическом подходе. Здесь каждой фонеме соответствует некий элемент психолингвистической системы и отвечающие ему неврологические связи (ср. § 6).

§ 43. Полученное множество фонем, как таковое, представляет собой набор, или инвентарь, но не систему. Чтобы получить систему фонем, необходимо вскрыть связи и отношения между ними. Наиболее распространенным способом установления и представления фонологической структуры языка является описание фонем по их *дифференциальным признакам*. Дифферен-

диальными называют такие признаки, которые различают по крайней мере две фонемы в данном языке. Естественно, что фонемы, характеризующиеся частично сходным набором дифференциальных признаков, объединяются в группы (подклассы); в итоге обнаруживается определенная организация внутри общего класса фонем, т. е. структура этой системы.

Каждой фонеме соответствует свой собственный набор дифференциальных признаков, который отличает ее от любой другой фонемы данного языка. Например, русская фонема /b/ характеризуется следующими дифференциальными признаками: губная (что отличает ее от /d/, /g/), смычная (что отличает ее от /v/), твердая (что отличает ее от /b'/), звонкая (что отличает ее от /p/), неносовая (что отличает ее от /m/) ⁵. Такие признаки, как «губно-губная», «непридыхательная», не являются дифференциальными для фонемы /b/, хотя они реально присущи текстовым реализациям этой фонемы: дело в том, что губно-зубной /v/ данная фонема противопоставлена не как губно-губная губно-зубной, а как смычная — щелевой, придыхательных же в русском языке нет вообще. Признаки такого типа называют *интегральными*.

§ 44. Существует теория, разработанная в основном Р. Jakobson, согласно которой все дифференциальные признаки являются бинарными, или двоичными, т. е. каждый дифференциальный признак может принимать только два значения, например, может быть признак «звонкость/глухость», но не может быть признака «высокий подъем/средний подъем/низкий подъем». Иначе говоря, все существующие оппозиции Р. Jakobson и его сторонники сводят к привативным (см. § 47). Эту концепцию называют теорией *дихотомической фонологии*.

Сторонники обсуждаемой теории полагают, что можно установить такой набор дифференциальных признаков, который бы пригоден для описания фонем любого языка. В настоящее время в литературе высказываются разные точки зрения относительно того, каким должен быть такой набор с количественной и качественной точек зрения. В последних работах содержатся перечни признаков, насчитывающие три-четыре десятка единиц. Однако в первых трудах, посвященных теории дихотомической фонологии, приводится набор из 12 дифференциальных признаков. Именно этот набор дается ниже. Поскольку в дихотомической фонологии важное значение придается установлению акустических и артикуляторных коррелятов дифференциальных признаков (см. § 46), в описание признаков включены

⁵ Логически правильнее говорить не о признаке, например «смычная», а о признаке «смычность/щелинность» (или же, скажем, признаке «тип прегравды»), который принимает два значения: «смычная» и «щелинная» («щелевая»).

также некоторые фонетические характеристики, которые им соответствуют.

§ 44.1. Все признаки делятся на два класса — признаки звучности и признаки тона.

Следующие характеристики относятся к признакам звучности.

1. «Гласность/негласность». Для звуков, которые выступают представителями фонем, обладающих признаком «гласность», характерна четкая формантная структура, т. е. наличие ярко выраженных областей усиления в спектре. Напротив, признак «негласность» не требует наличия четкой формантной структуры.

2. «Согласность/несогласность». Признак «согласность» предполагает общий низкий уровень энергии, признак «несогласность» — общий высокий уровень энергии. С артикуляционной точки зрения здесь важно наличие/отсутствие преграды в головном тракте.

Гласные фонемы характеризуются как гласные, несогласные; согласные фонемы — как негласные, согласные.

Наряду с этим плавные и дрожащие (типа /л/ и /г/) характеризуются как гласные, согласные, так как соответствующие звуки обладают формантной структурой, но относительно низким общим уровнем энергии.

Так называемые глайды — фонемы типа английского, немецкого и т. п. /h/ и гортанной смычки — характеризуются как негласные, несогласные⁶.

3. «Компактность/диффузность». Компактность с акустической точки зрения характеризуется наличием концентрации энергии в центральной части спектра. Это выражается прежде всего в том, что первая форманта занимает высокое положение, а вторая — низкое, они часто смыкаются, образуя одну область усиления. С артикуляторной точки зрения компактные представлены звуками, у которых отношение объема первой полости рта ко второй относительно больше (чем у диффузных). Примером компактных могут служить /a/ среди гласных и /k/ среди согласных.

Диффузность предполагает отсутствие центральной области концентрации энергии в спектре. Обычно первая форманта низкая, а вторая — высокая. К диффузным относятся, например, /i/ среди гласных и /t/ среди согласных.

4. «Напряженность/ненапряженность». Напряженные образуются при большем звуковом давлении, при большем напряжении стенок голосового тракта, они обычно обладают большей длительностью. Среди согласных к напряженным относятся, например, /p/, /t/, /k/ и др. в английском языке (где важна, как считают, именно напряженность, а не участие голоса).

⁶ Можно, однако, заметить, что их выделение из класса согласных выглядит не вполне убедительно.

5. «*Звонкость/глухость*». Фонетическое содержание этого признака, по-видимому, ясно: звонкость предполагает участие в произнесении голоса, работу голосовых связок, а глухость — отсутствие голоса, работы голосовых связок. Этот признак различает, например, русские /d/ — /t/, /b/ — /p/ и т. д.

6. «*Назальность/ртовость*». Акустические корреляты этого признака довольно сложны. Проще описать артикуляторные корреляты, которые состоят во включении/отключении дополнительного носового резонатора. Среди гласных по данному признаку различаются носовые/ртовые гласные французского, польского языков; широко представлены в разных языках носовые/неносовые согласные типа /m/ — /b/, /n/ — /d/ и т. д.

7. «*Прерывность/непрерывность*». С артикуляторной точки зрения признак «прерывность» характеризуется резким приступом, резким размыканием преграды или перерывами фонации. Прерывностью характеризуются смычные и дрожащие, в то время как непрерывные — это щелевые и плавные.

8. «*Резкость/нерезкость*». Резкость предполагает большую по сравнению с нерезкостью интенсивность шума. Резкие смычные — это аффрикаты; например, /t/ отличается от /c/ как нерезкая от резкой. Среди щелевых, например, круглощелевые типа английской /s/ отличаются от плоскощелевых типа английской /θ/.

9. «*Глоттализованность/неглоттализованность*». Этот признак основан на участии в артикуляции дополнительного гортанно-смычного элемента. Наиболее ярким примером противопоставления согласных по этому признаку являются так называемые абруптивы, отмечающиеся в ряде языков Кавказа, например, /tʔ/ в отличие от /t/ в кабардино-черкесском и других языках.

Остальные три признака относятся к тоновым. Это следующие признаки.

10. «*Низкий тон/высокий тон*». С акустической точки зрения звуки низкого тона характеризуются преобладанием концентрации энергии в нижних, а высокого — в высоких областях спектра. Артикуляторно для звуков низкого тона характерен больший объем ртового резонатора и меньшая его расчлененность. Это имеет место при произнесении губных и заднеязычных — в отличие от переднеязычных и среднеязычных. Соответственно /p/, /k/ выступают в качестве низких, а /t/, /č/ — в качестве высоких.

11. «*Бемольность/небемольность*». Бемольность обозначает понижение некоторых или даже всех формант спектра. Обычно это происходит в результате лабиализации — огубления. Считается, что аналогичный эффект вызывает фарингализация (сужение стенок глотки) и веларизация (поднятие задней части языка к нёбу). Бемольные гласные — это огубленные, в отличие от неогубленных, например: /y/ — /i/.

12. «*Диезность/недиезность*». Диезность обозначает повыше-

ние или усиление части высоких формант (начиная со второй). Артикуляторно дизезность выражается прежде всего в палатализации (поднятии средней части языка к нёбу). Русские мягкие согласные отличаются от твердых, как дизезные от простых.

§ 44.2. Результаты фонологического анализа в терминах двоичных дифференциальных признаков принято отражать в виде матрицы — прямоугольной схемы, в левом столбце которой записываются дифференциальные признаки, а в верхней строке — фонемы (или наоборот). На пересечении столбца и строки ставится знак «плюс», если для данной фонемы признак принимает положительное значение, знак «минус», если признак принимает отрицательное значение, и знак «нуль», если для данной фонемы признак избыточен, иррелевантен (является интегральным или вообще не может быть применен для характеристики фонемы). Ниже приведен фрагмент матрицы для части согласных фонем русского языка (см. табл.).

Т а б л и ц а

Фонемы	j	t	d	t'	d'	n	n'	c
Дифференциальные признаки								
Гласность/негласность	—	—	—	—	—	—	—	—
Согласность/несогласность	—	+	+	+	+	+	+	+
Резкость/нерезкость	0	—	—	—	—	—	—	+
Звонкость/глухость	0	—	+	—	+	0	0	0
Назальность/ртомость	0	—	—	—	—	+	+	0
Прерывность/непрерывность	0	+	+	+	+	0	0	+
Низкий тон/высокий тон	0	—	—	—	—	—	—	—
Дизезность/недизезность	0	—	—	+	+	—	+	0

§ 44.3. Следует отметить, что принцип бинарности — сведение всех признаков к двоичным и, следовательно, всех оппозиций к привативным — в литературе не раз подвергался критике. Указывалось, что с чисто логической точки зрения не составляет, разумеется, труда расчленить признак типа «высокий/средний/низкий подъем» на двоичные признаки: «высокий/невысокий» и «низкий/ненизкий» («средний» при этом окажется «невысоким» и «ненизким»), однако вряд ли это будет оправданным с лингвистической точки зрения, так как лингвистически интересным

является именно трюичность данного признака⁷, отличающая его от подлинно двоичных признаков типа «назальность/ртомость».

В ряде работ указывается также на то, что соотношение дифференциальных признаков с их акустическими и артикуляторными коррелятами в действительности гораздо сложнее, нежели это описывается в трудах по дихотомической фонологии (ср. § 46).

§ 45. Возможность описания каждой фонемы через ее дифференциальные признаки породила ныне широко распространенное определение фонемы как «пучка дифференциальных признаков». Такое понимание фонемы, однако, неприемлемо по двум по крайней мере причинам. Во-первых, если фонема — пучок дифференциальных признаков, то дифференциальные признаки должны выделяться до того, как установлен состав фонем, а это явно невозможно, поскольку невозможно определение признака объекта до определения самого объекта, носителя данного признака. Во-вторых, признаки принципиально нелинейны, т. е. лишены протяженности; соответственно нелинейным должен оказаться и пучок таких признаков — фонема. Функция же фонем состоит в том, чтобы формировать означающие морфем, которые принципиально линейны, поэтому при понимании фонемы как пучка дифференциальных признаков трудно объяснить переход от фонемы к означающему морфемы.

§ 46. Необходимо подчеркнуть, что традиционные названия дифференциальных признаков типа «звонкость» и «мягкость» не следует понимать как свидетельство их собственно физической, фонетической природы. Дифференциальные признаки столь же абстрактны, сколь абстрактны сами фонемы. Их обозначения в общем условны⁸. Дифференциальные признаки имеют фонетические корреляты, причем для фонем разных классов один и тот же дифференциальный признак может характеризоваться разными фонетическими коррелятами. Например, в русском языке фонологическому признаку «мягкость» фонетически отвечает: для щелевых согласных — усиление (в сравнении с аналогичными твердыми) полосы 2000—3000 гц и ослабление полосы 1000—2000 гц; для носовых и /r'/, /b'/ — наличие i-образного переходного участка к гласному; для переднеязычных и заднеязычных смычных неносовых — появление специфической щелевой фазы.

⁷ Можно привести такую аналогию: признак деления на расы можно разбить на два двоичных «черный/нечерный» и «белый/небелый», однако сомнительно, чтобы это было оправдано с точки зрения антропологии.

⁸ Вспомним, что в старых русских грамматиках твердые назывались «дебелыми», а, в соответствии с древнеиндийской традицией, ретрофлексные называются «церебральными», т. е. «мозговыми», «головными».

§ 47. В системе фонемы находятся в отношении *оппозиции*. Оппозиции можно усматривать не только между отдельными фонемами, но также между подсистемами фонологической системы.

Из существующих типов оппозиции наиболее важными являются привативные и пропорциональные. Привативная оппозиция существует между двумя фонемами, из которых одна характеризуется наличием, а другая — отсутствием данного дифференциального признака, т. е. одна характеризуется положительным, а другая — отрицательным значением признака. Например, в русском языке /m/ — /b/ находятся в отношении привативной оппозиции, так как /m/ — носовая, а /b/ — неносовая. То же самое можно сказать о глухих и звонких (звонких/незвонких), твердых и мягких (мягких/немягких) и т. п.

Член оппозиции, который отмечен присутствием (положительным значением) признака, называется *маркированным*; член оппозиции, для которого данный признак отсутствует (принимает отрицательное значение), именуется *немаркированным*.

Пропорциональные оппозиции важны потому, что именно они дают ясно проявляющиеся группировки фонем: под пропорциональными понимаются оппозиции, существующие между несколькими парами фонем. Каждая из пар данной группы характеризуется одним и тем же дифференциальным признаком. Получаются как бы пропорции типа /b/ : /p/ = /d/ : /t/ = /z/ : /s/ = /ž/ : /š/ и т. д., так как все члены пар противопоставлены по признаку «звонкость/глухость»: для первого члена пары этот признак получает положительное значение («звонкая»), для второго — отрицательное значение («глухая»). Соответственно в фонологической системе выделяются подклассы звонких и глухих фонем.

§ 48. Выше освещался исследовательский подход к фонологии. Остановимся теперь на некоторых вопросах, связанных с аналитическим подходом, т. е. таким, который описывает переход «текст → смысл».

Здесь прежде всего интересен вопрос о фонологической трактовке сегментов в слабой позиции, который является основным пунктом расхождения фонологических школ. Слабая позиция — это позиция, в которой возможны не все фонемы, входящие в данную оппозицию. Сильной называют такую позицию, в которой возможны все фонемы, входящие в данную оппозицию. Так, в русском языке конец слова — это слабая позиция с точки зрения звонкости/глухости, поскольку звонкие здесь невозможны.

Вопрос о фонологической трактовке сегментов принадлежит именно аналитическому аспекту: чтобы придать смысловую интерпретацию отрезку текста, необходимо предварительно, как

утверждалось выше, соотносить его элементы с единицами системы; для звуковых сегментов это означает их соотнесение с членами системы фонем, т. е. осуществление их фонологической интерпретации (трактовки).

§ 48.1. Проиллюстрируем проблему фонологической трактовки сегментов в слабой позиции на примере русских шумных смычных. В русских словах типа *рог*, с точки зрения представителей школы Л. В. Щербы, в абсолютном исходе присутствует фонема /k/, а с точки зрения приверженцев Московской школы, — фонема /g/. По мнению представителей школы Л. В. Щербы, фонологическая интерпретация такого конечного сегмента как /k/ определяется тем, что коль скоро в системе фонем русского языка есть фонема /k/ и известны ее дифференциальные признаки, то, обнаружив в тексте сегмент с соответствующими признаками (вернее, их коррелятами), следует фиксировать фонему /k/.

§ 48.2. Концепция Московской школы в данном вопросе основывается, по существу, на двух соображениях. Первое состоит в том, что качественная определенность каждой фонемы вытекает из ее противопоставленности другим фонемам, т. е. из оппозиций, в которые она входит. Если же в данной позиции противопоставления нет и быть не может (конечному сегменту [k] не противопоставлен конечный сегмент [g]), то дать фонологическую интерпретацию такому сегменту, рассматривая только данную позицию, невозможно.

Чтобы решить этот вопрос, принимается, что фонологическая интерпретация сегмента в слабой позиции определяется фонологической интерпретацией сегмента, с которым он чередуется в сильной позиции в составе той же морфемы⁹. Поэтому конечная фонема слова *рог*, по мнению представителей Московской школы, определяется как /g/, поскольку конечный [k] в слабой позиции здесь чередуется с [g] в сильной позиции: *рог-рога*. Иначе говоря, [k] в *рог* — это вариант фонемы /g/, а [k] в *рок* — это вариант фонемы /k/.

Это и является вторым соображением, обосновывающим позицию Московской школы. Его можно упрощенно сформулировать так: «одна морфема — одна фонема», т. е. из тождества морфемы следует тождество фонемного состава ее означающего¹⁰.

⁹ Для тех случаев, когда невозможно перевести сегмент в сильную позицию ввиду отсутствия чередования, вводится понятие *гиперфонемы* — сложной единицы, объединяющей две или более фонемы, которые не противопоставлены в данной позиции и выбор между которыми невозможен. Например, первая гласная в слове *стакал* представляет гиперфонему /o/a/: это не /e/, не /u/, которые могут встречаться в данной позиции, но нельзя определить, /o/ это или /a/, поскольку невозможно перевести данный гласный в сильную позицию.

¹⁰ Само тождество морфемы в плане выражения определяется при этом живыми фонетическими чередованиями (см. § 41.2).

§ 48.3. Указанные соображения, на которых основана позиция Московской школы, связаны, очевидно, с неразличением подходов — аналитического и исследовательского.

Прежде всего нужно заметить, что оппозиции — это отношения фонем в системе. Когда мы решаем вопрос о фонологической интерпретации сегмента, то это, как говорилось выше, есть одна из процедур в рамках перехода «текст → смысл», осуществляемого через заданную систему: уже известна система, известны оппозиции и дифференциальные признаки, остается соотнести с ними признаки сегмента текста (что и является основным принципом подхода школы Щербы); тогда конечный [k] будет признан представителем фонемы /k/ вне зависимости от того, возможен ли в данной позиции [g].

Что касается тезиса «одна морфема — одна фонема», то здесь также аналитический подход смешивается с исследовательским, а кроме того, наблюдается неразличение идентификации фонем и идентификации морфем. Сегменты действительно отождествляются на основе тождества морфемы (см. об этом выше, §§ 41.2, 41.3). Но это — процедура, принадлежащая исследовательскому подходу, фонологическая же трактовка сегмента заключается в отождествлении его не с другим сегментом текста, а с элементом системы — фонемой.

Когда же для достижения фонологической трактовки сегмента обращаются к сильной позиции, то в этом случае не сегмент в слабой позиции отождествляется с одной из фонем системы, а вариант морфемы, означающее которого содержит этот сегмент, идентифицируется с другим вариантом морфемы: вариант /gok/ — с вариантом /gog/ (ср. также ниже). Поэтому данная процедура, по существу, выходит за рамки фонологии.

§ 48.4. Особую позицию в данном вопросе, в известной степени промежуточную между позициями Московской школы и школой Л. В. Щербы, занимает Р. И. Аванесов¹¹.

Р. И. Аванесов решает вопрос о фонологической трактовке сегмента в зависимости от того, рассматривается этот сегмент в составе словоформы или морфемы. Р. И. Аванесов расценивает фонему как минимальный элемент (сегмент) звуковой оболочки словоформы и считает, что тождество (т. е. сохранение) словоформы определяет тождество фонем, образующих ее звуковую оболочку. Поэтому в словоформе *rog* отмечаются фонемы /г-о-к/, а в слове *рога* — фонемы /г-о-г-ъ/¹². Вместе с тем утверждается, что фонема /k/ из *rog* не эквивалентна фонеме /k/,

¹¹ Здесь следует отметить, что концепция Р. И. Аванесова положена в основу описания фонетики в последней академической «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970).

¹² Для единообразия мы используем косые скобки не только для транскрибирования «сильных» фонем, но также при записи «слабых» фонем и фонемных рядов (Р. И. Аванесов для всех видов транскрипции использует квадратные скобки).

например, в слове *кот*: первая является слабой фонемой, так как она находится в слабой позиции, а начальная фонема слова *кот* — это сильная фонема, так как она находится в сильной позиции¹³. По этой же причине конечная /k/ в слове *рог* не эквивалентна /g/ в слове *рога*, если мы берем их в составе словоформ.

Когда же мы рассматриваем минимальные сегменты в составе морфемы, то, по Аванесову, вступает в силу иной закон: из тождества морфемы следует тождество фонемных рядов — минимальным элементом морфемы выступает именно фонемный ряд, под которым понимается совокупность сильных и слабых фонем, чередующихся в данной позиции в составе данной морфемы без нарушения ее тождества¹⁴ (если таких чередований нет, то фонемный ряд может включать одну фонему — сильную или слабую). Так, конечным элементом морфемы *рог* является фонемный ряд /g/ — /k/ — /g'/ (ср. *рога* — *рог* — *о роге*). Сильная фонема «возглавляет» фонемный ряд. Например, в морфеме *вог* начальный элемент представлен фонемным рядом /v/, состоящим из одной сильной фонемы, а в морфеме *стакан* третий элемент представлен фонемным рядом, состоящим из одной слабой фонемы /ъ/.

В систему фонем языка входят только сильные фонемы. Что же касается слабых фонем, то они всегда выступают лишь в составе звуковых оболочек словоформ и как члены тех или иных фонемных рядов. Фонемный ряд, по Аванесову, есть единица, связывающая фонологические единицы и морфологические.

Если в звуковые оболочки словоформ входят лишь сильные фонемы, то не только, как сказано выше, из тождества словоформ следует тождество фонемного состава их звуковых оболочек, но и наоборот, из тождества фонемного состава звуковых оболочек следует тождество словоформ. Если же в формировании звуковых оболочек словоформ участвуют также и слабые фонемы, то из их тождества, как правило, не следует тождество словоформ: такие слабые фонемы обычно принадлежат разным фонемным рядам, а это, в свою очередь, означает, что соответствующие словоформы включают разные морфемы. Например, звуковые оболочки словоформ *валы* и *волы* тождественны, но если учесть их морфемное строение, то окажется, что первый гласный первой словоформы входит в фонемный ряд /a/ — /Λ/ — /ъ/, а тот же гласный во второй словоформе входит в фонемный ряд /o/ — /Λ/ — /ъ/. Таким образом, здесь представлены две омонимичные словоформы, но, очевидно, неомонимичные последовательности морфем.

§ 48.5. В концепции Р. И. Аванесова, по существу, отсутству-

¹³ Аналогичным образом конечный гласный в слове *рога* — это слабая фонема /ъ/, не эквивалентная ударной /a/.

¹⁴ Тождество морфемы, как и в учении Московской фонологической школы, определяется живыми фонетическими чередованиями.

ет последовательное различие аналитического и исследовательского подходов, а также разграничение отождествления фонем и отождествления морфем.

С одной стороны, в изложенной теории исследуется вопрос об отождествлении сегментов друг с другом на основании тождества/нетождества морфемы и словоформы. Это — операция, принадлежащая исследовательскому подходу, и здесь Аванесов, по-видимому, не признает, что в результате анализа можно говорить о фонемах, как таковых, которые, будучи членами системы, выполняют конституирующую функцию. Иначе не было бы надобности утверждать, что кроме фонем, которые являются членами системы и обладают конституирующей функцией (сильные фонемы), есть еще фонемы (слабые), которые также выполняют конституирующую функцию, но членами системы не являются. Иначе говоря, как и представители Московской школы, Аванесов не только начинает со значимых единиц, но и в конце анализа не выделяет фонему как независимую единицу, как член собственной системы.

С другой стороны, в теории Р. И. Аванесова исследуется вопрос, к какому элементу относится сегмент в данной позиции, а это уже сфера аналитического подхода. Поскольку, как уже было сказано, не всякий сегмент, по Аванесову, может быть отождествлен непосредственно с элементом системы, то некоторые из них — сегменты в слабой позиции — идентифицируются с одним из фонемных рядов, т. е., по существу, отождествляются морфемы, а не фонемы (так как фонемный ряд не существует вне морфемы).

Различие с подходом Московской школы состоит здесь в том, что для представителей Московской школы *rog* и *rok*, по-видимому, не омонимы: если под омонимами понимать единицы с совпадающим планом выражения и различающимся планом содержания, то план выражения, согласно точке зрения представителей Московской школы, здесь различается — /gog/ и /gok/; для Р. И. Аванесова эти единицы — омонимы как словоформы (планом выражения этих словоформ является одна и та же последовательность сильных и слабых фонем), но не омонимы как морфемы (так как конечные элементы представлены разными фонемными рядами).

И в концепции Московской школы, и в концепции Аванесова (во втором случае) план выражения оказывается не соотнесен с восприятием: невозможно отрицать, что *rog* и *rok* вне контекста не различаются в восприятии.

§ 48.6. Существенно иное решение предлагает для фонологической интерпретации сегментов в слабой позиции Пражская школа. Согласно концепции Пражской школы, здесь происходит *нейтрализация* оппозиции глухих и звонких фонем, т. е. исчезновение противопоставления их друг другу. В результате нельзя утверждать ни того, что в данной позиции представлены звон-

кие фонемы, ни того, что там представлены глухие фонемы. Вместо этого следует говорить о соответствующих архифонемах. Архифонема — это общее фонологическое содержание фонем, противопоставленность которых в данной позиции нейтрализуется; указанное общее фонологическое содержание описывается теми дифференциальными признаками, которые остаются, если вычесть признак (или признаки), по которому происходит нейтрализация. Так, результат нейтрализации /g/ и /k/ — появление в абсолютном исходе архифонемы /K/, характеризующейся признаками «заднеязычная, смычная, твердая», т. е. теми признаками, которые являются общими для /g/ и /k/ при их противопоставленности по признаку «звонкость/глухость».

Чтобы оценить эту концепцию, рассмотрим понятие нейтрализации. Нейтрализация — это контекстуально обусловленное уничтожение оппозиции, такое положение, когда под влиянием контекста, т. е. в слабой с данной точки зрения позиции, утрачивается различие между двумя (или более) единицами, которые в другом контексте, в сильной позиции, противопоставлены. Что же перестает различаться, скажем, в нашем примере? Перестают различаться морфемы: эти морфемы противопоставлены в вариантах *рог-а* — *рок-а*, но перестают различаться в варианте /gok/ — *рог* и *рок*. Что же касается фонем, то различие между ними вообще не может быть утрачено, так как для этого требуется совпадение означающих при возникающей неоднозначности означаемого, но у фонем нет означающего и означаемого, это единицы незнаковые.

При замене варианта /gok/ на вариант /gok/ происходит нейтрализация морфем, вызванная чередованием фонем, которое, в свою очередь, обусловлено контекстом, позицией¹⁵. Такова точка зрения школы Щербы. Понятие архифонемы оказывается, таким образом, излишним.

§ 49. До сих пор рассматривались вопросы традиционной фонологии. Однако существует целый ряд языков, среди них китайский, вьетнамский, бирманский и многие другие, к фонологическим единицам которых само понятие фонемы, строго говоря, неприменимо.

Эти языки, так называемые слоговые, можно выделить, если ввести следующие два признака, которые для удобства сформулируем в виде вопросов: (А) возможны ли в данном языке морфемы, означающие которых представлены единицами, меньшими, чем слог? (В) возможна ли в данном языке ресиллабация,

¹⁵ Такой нейтрализации не произойдет, если в языке не окажется морфемы, с которой мог бы совпасть своим означающим вариант, полученный в результате контекстуально обусловленного чередования фонем. Например, при замене /g/ на /k/ в *лог* нейтрализации не будет, поскольку морфемы *лок* в русском языке не существует (во всяком случае, если не считать редких слов *локомотия*, *локомоторный* и некоторых других).

т. е. перемещение слоговой границы?¹⁶ Для современных индоевропейских, тюркских, финно-угорских и других языков признак (А) принимает положительное значение. Так, в русском языке имеются морфемы *в, к, л, мэд*, которые фонологически меньше слога. Как показывают примеры, приведенные в прим. 16, для русского языка признак (В) также принимает положительное значение, ресиллабация здесь возможна. Аналогично обстоит дело и в других индоевропейских, тюркских, финно-угорских языках.

Что же касается большинства языков Китая и Индокитая, то для этих языков значения обоих признаков отрицательны. Морфемы, которые фонологически были бы меньше слога, здесь невозможны. Точно так же невозможна ресиллабация. Например, во вьетнамском языке сочетание */bak/+ap/* дает */bak-ap/*, а не **/ba-kap/*, как это было бы, например, в русском языке.

§ 50. Из признака (А) следует, что минимальной единицей, способной сформировать означаемое морфемы, в слоговых языках выступает слог, а не фонема (что имеет место в русском и других языках).

Однако с точки зрения функциональной сегментации слог в слоговых языках не является нечленимой единицей. Хотя из признаков (А) и (В) следует невозможность морфемной границы внутри слога, в слоговых языках наблюдаются морфологизованные чередования, полуповторы и некоторые другие явления, в которых участвуют отдельные элементы слога, а не слог как целое. В результате возникает возможность усматривать морфологическую и отсюда фонологическую границу внутри слога. Например, в бирманском языке имеются пары типа */ña/* 'падать' — */ñ'a/* 'ронять', где каузатив образуется за счет чередования согласных.

Во всех таких случаях морфологическая граница делит слог на две части: инициаль, т. е. начальный согласный (реже группу согласных), и финаль, т. е. остальную часть слога, независимо от степени ее фонетической сложности. Например, китайский слог */xɿap/* членился на инициаль */x/* и финаль */ɿap/*.

Таким образом, если в неслоговых языках типа русского фонема является минимальной единицей и с точки зрения конститутивности, или способности формировать означаемые морфемы, и с точки зрения функциональной сегментации, то в слоговых языках единицей, минимальной по конститутивности, является слог, а единицами, минимальными с точки зрения сегментации, выступают инициаль и финаль. Поскольку указанные два свой-

¹⁶ Ресиллабация может быть двух типов: либо слоговая граница неоднозначна, например, *поч-та* и *по-чта*, либо слоговая отнесенность (принадлежность) согласного изменяется при сочетании этого слога с другими слогами, например, *ток*, но *то-ка*: */k/* отрывается от */to/*, объединяясь с */a/* в слоге */ka/*.

ства принадлежат к числу существенных, можно утверждать, что полного аналога фонемы в слоговых языках нет.

§ 51. В фонологии принято различать сегментные и супрасегментные, или просодические, единицы (средства). К числу сегментных единиц относятся фонемы, слоги, для слоговых языков — инициали и финали. Просодические средства выступают как разного рода способы организации сегментных единиц в более крупные единства, а также для различения языковых знаков. К области просодики относятся ударение, тон, интонация.

§ 51.1. Сущность ударения состоит в выделении каким-либо фонетическим способом одного из слогов многосложного слова¹⁷. В языках типа русского это сопровождается одновременной редуцией всех остальных слогов, чем достигается, в частности, фонетическое единство слова и его относительная выделенность в потоке речи.

От ударения следует четко отличать тон. В литературе по общему языкознанию китайский, например, язык нередко определяется как язык с политоническим ударением, что неверно. Тон есть характеристика, прежде всего мелодическая, каждого слога в слове. Зная тон одного слога слова, нельзя, в общем случае, определить тон другого слога (слов). Ударение же есть характеристика одного из слогов слова; зная место ударения и число слогов, можно определить просодические характеристики остальных слогов слова.

Для политонического ударения характерно, что ударный слог может выделяться несколькими, функционально самостоятельными способами. Это может сказываться на смысловоразличении. Например, в шведском языке слова *regel* 'правило' и *regel* 'задвигка' не омонимы, хотя в обоих случаях ударен первый слог: в первом слове он характеризуется относительно ровным тоном голоса, а во втором — отчетливым понижением тона.

Тоны различают лексические (реже грамматические) значения, например, в бирманском языке: *sa*¹ 'начинать', *sa*² 'письмо', *sa*³ 'есть', *sa*⁴ 'быть острым (о пище)'. Для ударения различение лексических значений слов (типа *мука* — *мука* в русском языке) явно относится к побочным функциям.

§ 51.2. Интонация является основным способом фонетической организации потока речи. Не случайно изучение интонации называют «синтаксической фонетикой». Средствами интонации выступают изменение мелодики, длительности, интенсивности, ритма, паузирования. Интонационные контуры, создаваемые разными типами интонации, могут быть означивающими самостоятельных знаков. Например, определенного типа повышение

¹⁷ В односложных словах, по крайней мере изолированных, единственный слог всегда ударен.

основного тона голоса в разных языках, в частности в русском, является означающим знака, означаемым которого выступает грамматическое значение вопросительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы.— А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка.— А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем.— «Вопросы языкознания». 1966, № 1.
- Гордина М. В. О различных функциональных звуковых единицах языка.— «Исследования по фонологии». М., 1966.
- Зиндер Л. Р. Основные фонологические школы.— Вопросы общего языкознания. М., 1967.
- Касевич В. Б. О соотношении незнаковых и знаковых единиц в слоговых и неслоговых языках.— Проблемы семантики. М., 1974.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи.— «Новое в лингвистике». Вып. 2, М., 1962.

МОРФОЛОГИЯ

ПРЕДМЕТ МОРФОЛОГИИ

§ 52. Прежде всего необходимо выяснить, что является предметом изучения морфологии. Для этого, в свою очередь, требуется определить, где проходит граница между морфологией и синтаксисом.

Различие между этими аспектами традиционно трактуется так: морфология — это грамматика слова, синтаксис — это грамматика словосочетания и предложения. Согласно этому взгляду все категории, выражаемые в пределах слова, принадлежат морфологии, а категории, выражаемые вне слова, относятся к синтаксису.

Одновременно с этим нередко принимается за истинное утверждение, что синтаксис — это сфера выражения отношений между словами, в то время как морфология не связана с указанной функцией.

Однако оба этих подхода, по видимому, не могут быть адекватными одновременно. В самом деле, с одной стороны, падеж традиционно считается морфологической категорией (он выражается в пределах слова), вместе с тем основная функция падежа безусловно связана с выражением отношений между словами в предложении, а это есть функция синтаксическая.

С другой стороны, во всех аналитических формах (см. § 72.1) грамматическое значение выражается вне слова, т. е. как бы «синтаксически», однако эти формы — типа русск. (*буду*) *читать*¹ — явно принадлежат по своим функциям морфологии, они не связаны с выражением отношений между словами в предложении.

§ 53. Представляется целесообразным иной подход: к морфологии относится наряду с классификацией слов и словообразованием² изучение любых форм слов и соответствующих грам-

¹ Употребление скобок здесь означает, что *буду* выступает в качестве внешнего знака (признака) формы, а не ее компонента, см. об этом § 72.1.

² Причисление к морфологии этих двух аспектов спорно. Словообразование иногда выделяют в качестве особой дисциплины, не включаемой в морфологию. Классификацию слов абсолютное большинство лингвистов относит к морфологии, однако это — условность, так как основанием классификации могут быть и синтаксические признаки (см. § 78). В принципе классификация слов могла бы рассматриваться в самостоятельном разделе грамматики.

матических категорий. Все формы слова — не только типа *читал, ногой*, но и типа (*буду*) *читать* — принадлежат к области морфологии. По выполняемым функциям они могут отличаться: одни формы слова не связаны с выражением отношений между словами (например, словоформы числа, времени, вида) — эти формы и соответствующие им категории являются собственно морфологическими; другие формы предназначены в первую очередь именно для того, чтобы выразить отношения между словами — эти формы и соответствующие им категории принадлежат к сфере «синтаксически ориентированной» морфологии. К этим последним относятся, например, падежные формы.

УРОВЕНЬ МОРФЕМ

§ 54. Основной единицей данного уровня является *морфема*. Морфема — минимальная значащая единица, минимальный знак. Отсюда следует, что членение текста на морфемы осуществляется так, чтобы в результате получались единицы, где отдельному означаемому соответствовало бы свое означаемое, и дальнейшая сегментация с тем же результатом была бы невозможна. Например, такая единица, как *нога*, не является минимальной. Ее можно расчленить на две: *ног* и *а*, где и /*паг*/ и /*а*/ соответствуют свои означаемые. Означаемое морфемы *а* поддается дальнейшему анализу (хотя и не линейной сегментации): в составе этого комплексного содержания вычленяются значения единственного числа, именительного падежа, однако каждому этому значению не соответствует свое отдельное означаемое. Поэтому *а* — минимальный знак. Следует учитывать, что планом содержания морфемы может быть определенная функция, например, интерфикс *-о-* в слове *пароход* — морфема, так как здесь налицо особая грамматическая функция.

Означаемое морфемы *теперь* можно членить, выделяя два слога или пять фонем, однако вычлененным единицам ничто не соответствует в плане содержания. Поэтому *теперь* — тоже минимальный знак.

Существует и специальная процедура членения на морфемы с использованием так называемого «квадрата Гринберга».

Суть указанного метода состоит в том, что, когда возникает вопрос о членимости некоторой единицы, подбираются три другие единицы, которые вместе с данной составляют пропорцию, или «квадрат», демонстрирующий неуникальность, повторяемость каждой из двух составляющих этой единицы. Например, из существования пропорции («квадрата») типа *учитель : учить = читатель : читать* следует членение соответствующих слов на *учи-, чита-, -тель, -ть*. Чтобы далее разделить, скажем, *чита-*, составляем пропорцию *читать : читка = качать : качка*, которая доказывает отдельность *чит-* и соответственно *-а-*.

§ 55. После сегментации текста на морфемы возникает проблема, аналогичная той, о которой уже говорилось применительно к фонологии: отождествление минимальных значащих сегментов, или морфов, как вариантов (алломорфов) одной морфемы. Способы решения этой проблемы также аналогичны соответствующим фонологическим процедурам: в качестве критериев отождествления принимаются отношения свободного варьирования и дополнительной дистрибуции. Вводится и важное дополнение, связанное с тем, что морфема, в отличие от фонемы,— знаковая единица: отождествляются только сегменты с общим планом содержания.

Например, единицы *рук-*, *рук'-*, *руч-* суть алломорфы одной и той же морфемы, так как они обладают общим планом содержания и находятся в отношении дополнительной дистрибуции: *рук-* появляется перед *-а*, *-у*, *-ой*, \emptyset (*рук*), *-ам*, *-ами*, *-ах*, *-о* (*рукомойник*); *рук'-*— перед *-и*, *-е*; *руч-*— перед *-к-*, *-н-*, *-еньк-*, *-онк-*, и взаимозамена вариантов невозможна. Отождествляются и, например, *-ой*—*-ою*, как обладающие общим означаемым и находящиеся с грамматической точки зрения в отношении свободного варьирования: ср. *рукой*—*рукою*.

§ 56. Алломорфы одной и той же морфемы неравноправны: один из всех вариантов является основным. В качестве основного выступает такой вариант, из которого можно по определенным правилам, путем указания на контекст, вывести все остальные варианты. Так, для морфемы, о которой шла речь в предыдущем параграфе, основным вариантом является алломорф *рук-*, так как модификации, наблюдаемые во всех остальных вариантах, могут быть представлены как результат влияния контекста (*рук'-* появляется в силу влияния контекста *-и*, *-е* и т. д.). Если бы в качестве основного варианта был избран, например, вариант *руч-*, то, исходя из этого варианта, невозможно было бы, в частности, получить алломорф *рук-*; ср. *ночь*—*ночами*—(*о*) *ночах*, где *ч* не переходит в *к*.

Дисциплина, которая занимается установлением основных вариантов морфем и правил перехода от основного варианта ко всем остальным алломорфам, называется *морфофонологией*, или *фономорфологией*. В задачи морфофонологии входит также установление основных закономерностей, характерных для фонологического строения десигнаторов морфем разных классов (к закономерностям этого типа относится, например, обычная трехсогласность семитского корня, двусложность большинства индонезийских основ и т. п.).

§ 57. Все морфемы можно разделить на два больших класса: класс знаменательных (лексических) морфем и класс служебных (грамматических). Так, в слове *рука* первая морфема, *рук-*—знаменательная, а вторая, *-а*—служебная.

Существует немало случаев, когда отнесенность морфем к знаменательным или служебным, как в приведенном выше примере, не вызывает сомнений. Но велико и число неочевидных случаев, когда требуются специальные критерии, процедуры для решения такого вопроса. По существу это более широкая проблема — проблема соотношения в языке грамматики и лексики: что должно включаться в описание правил функционирования тех или иных единиц, а что — в словарь данного языка.

§ 57.1. Следует учитывать, что различие между лексикой и грамматикой в языке, если его рассматривать с точки зрения значения, отнюдь не самоочевидно. Об этом говорит уже несоответствие систем грамматических категорий в разных языках: то, что в одном языке выражается безусловно грамматически, в другом выражается столь же безусловно лексически. Примерами могут служить значения английских форм *Indefinite* и *Continuous*, различия между которыми в русском языке могут быть выражены только описательно, т. е. лексически, или особые очные и заочные наклонения глагола в корейском языке, передающие соответственно значение присутствия или отсутствия говорящего при совершении описываемого события, что тоже в большинстве других языков может быть выражено лишь лексическими средствами. Например, в русский перевод корейского предложения *Аму до эпсыптеда* приходится вводить дополнительные лексические элементы, скажем, 'Я сам видел, что там никого нет'; хотя в корейском оригинале выделенные слова отсутствуют, значение «очности»: по-корейски выражено глагольной формой.

§ 57.2. Говорят, что грамматические значения более абстрактны и образуют более четкую систему противопоставлений, в то время как лексические значения более конкретны и менее системны. Это в общем верно, но трудно определить необходимую степень абстрактности, равно как и меру системности. Данный критерий становится особенно ненадежным, если мы имеем дело с такими стройными, легко обозримыми системами, как системы терминов родства, или же с несомненно лексическими единицами типа местоимений, числительных, для которых характерна высокая абстрактность передаваемых ими значений.

§ 57.3. Существуют и попытки решить проблему разграничения грамматики и лексики с точки зрения не только значения, но и формы. Большой интерес в этой связи представляет концепция, согласно которой в качестве грамматического выступает значение обязательное — обязательное в том смысле, что оно выражается всякий раз, когда употребляется слово данного класса. Например, значение интенсивности действия в русском языке не является обязательным: употребляя глагол типа *бежит*, мы не должны использовать какое-либо языковое средство, уточняющее интенсивность, скорость действия, в данном случае бега. В отличие от этого временная отнесенность действия

должна быть обязательно выражена при употреблении русского глагола в личной форме, любой такой глагол должен быть отнесен к настоящему, прошедшему или будущему времени. Поэтому время в русском языке есть грамматическая категория, а морфемы, выражающие это значение, суть служебные морфемы. Значение же интенсивности действия относится к сфере лексической семантики.

Указанная концепция, однако, плохо согласуется с фактами многих восточных языков, в частности языков Китая и Юго-Восточной Азии. В этих языках обычны случаи, когда употребление той или иной морфемы, грамматичность которой не вызывает сомнений, не является обязательным. Например, по-бирмански, в зависимости от разного рода условий (наличия восполняющего контекста и т. п.), можно сказать $\text{тy}^2 \text{саou}^4 \text{пха}^4 \text{тэ}^2$ и $\text{тy}^2 \text{ха}^2 \text{саou}^4 \text{коу}^2 \text{пха}^4 \text{тэ}^2$ 'Он читает книгу', где ха^2 и коу^2 — показатели соответственно подлежащего и дополнения. В первом из предложений значения субъектности и объектности остаются невыраженными.

§ 57.4. Наиболее обоснованным из существующих является, вероятно, подход, требующий формального определения разницы между знаменательными и служебными морфемами. При таком подходе оставляются попытки определить однозначно специфику грамматического значения, предлагается выявить вместо этого формальную специфику служебных морфем и, опираясь на уже выделенный класс таких морфем, констатировать, что грамматическое значение — это значение, которое передается грамматическими (служебными) морфемами.

При формальном подходе к разграничению служебных и знаменательных морфем обычно используется следующая процедура. Служебными признаются такие морфемы, окружение которых заменяется легко, т. е. морфема или морфемы, выступающие в качестве окружения для интересующей нас морфемы, могут быть заменены любыми из большого числа других морфем; сами же служебные морфемы могут заменяться лишь морфемами из количественно и качественно строго ограниченного списка. Например, морфема *рук-* в слове *рука*, являющаяся окружением для морфемы *-а*, может быть заменена любой из практически неограниченного перечня других морфем (*ног-*, *сосн-*, *волн-*, *пищ-* и т. д.), в то время как другие падежные окончания, которые возможны вместо самой морфемы *-а*, составляют весьма ограниченный список³.

Указанное свойство служебных морфем называют иногда регулярностью их употребления. Служебные морфемы обслуживают большие, «открытые» классы морфем и регулярно употребляются в соответствующих окружениях. При формули-

³ И он остается таковым, даже если к нему добавить словообразовательные суффиксы.

ровке языковых правил употребление служебных морфем оговаривается точно, конкретно, в то время как для знаменательных морфем дается обычно лишь указание на принадлежность к соответствующему классу, например можно сформулировать такое правило: «для образования именного составного сказуемого следует употребить глагол *быть* в необходимой форме и существительное или прилагательное в именительном или творительном падеже», где *быть* — служебная морфема, а указание на конкретные падежи подразумевает вполне определенные служебные морфемы, падежные окончания.

§ 58. После выявления служебных морфем знаменательные морфемы выделяются остаточно. Знаменательные морфемы — это корни⁴.

Необходимо учитывать, впрочем, что двоичная классификация на знаменательные и служебные морфемы не всегда оказывается достаточной. Не столь редки случаи, когда в языке существует класс морфем, члены которого отвечают критерию, изложенному выше, т. е. обладают регулярностью употребления, но по каким-либо иным свойствам, которые данным критерием не учитываются, сближаются со знаменательными морфемами. В таких случаях целесообразно выделять особый класс полуслужебных морфем.

Наличие особых полуслужебных морфем обычно обусловлено исторически. Известно, например, что во многих языках окончания финитных форм глагола восходят к личным местоимениям. Поскольку процесс перехода местоимений в глагольные флексии был, разумеется, постепенным, необходимо допустить существование такого периода, когда их статус был в определенной степени промежуточным: они уже достаточно далеко продвинулись на пути грамматикализации, но еще не «оторвались» полностью от класса местоимений, сохраняя какие-то их черты. В германистике нередко выделяют особую категорию полуаффиксов, т. е. полуслужебных морфем, функционально аналогичных аффиксам (об аффиксах см. § 59.2). Полуаффиксы типа *mann* в словах *Seemann* 'морьяк', *Panzermann* 'танкист' в современном немецком языке, как полагают, не утратили полностью своих связей с соответствующими полнозначными словами (для приведенных примеров это слово *Mann* 'человек').

§ 59. С формальной точки зрения служебные морфемы могут классифицироваться по двум признакам: по степени их связан-

⁴ Обратное неверно: всякая знаменательная морфема является корнем, но не всякий корень — знаменательная морфема, так как корни есть также у изменяемых служебных слов наподобие немецких артиклей, спрягаемых вспомогательных глаголов в разных языках и т. п.

ности со знаменательными морфемами; по их расположению относительно знаменательных морфем.

Любая служебная морфема употребляется не самостоятельно, а в сочетании со знаменательной морфемой или несколькими такими морфемами. Ниже мы для простоты будем рассматривать преимущественно сочетания, состоящие из одной знаменательной и одной служебной морфемы.

По степени связанности служебной морфемы со знаменательной среди служебных морфем можно выделить служебные слова и аффиксы⁵.

§ 59.1. Служебные слова — это грамматические морфемы, которые могут отделяться от «своей» знаменательной морфемы другими лексическими единицами, в том числе и такими, с которыми данная служебная морфема не способна вступать в непосредственную грамматическую связь. Например, артикль в английском, французском языках — это служебное слово, ср. англ. *a pencil* 'карандаш' — *a red pencil* 'красный карандаш', франц. *une affaire* 'дело' — *une mince affaire* 'незначительное дело'. В приведенных примерах между артиклем и знаменательной единицей, к которой он относится, вставлены другие лексические элементы, причем артикль с этими последними грамматически не связан⁶.

Из сказанного выше должно быть ясным, что отношение между служебным словом и той лексической единицей, с которой оно грамматически связано, — это всегда отношение двух слов, служебного и знаменательного.

§ 59.2. Аффиксы — это служебные морфемы, которые не могут отделяться от «своей» знаменательной морфемы другими корнями. Например, конечная морфема *-а* в *стола*, *-щик* в *пильщик*, начальная морфема *из-* в *избить* — все это аффиксы.

Различаются флективные и агглютинативные аффиксы. В целом отличие между ними скорее морфонологическое и семантическое, чем собственно морфологическое.

С точки зрения морфонологии агглютинативные аффиксы характеризуются автоматичностью и простотой фонемных изменений на стыках со знаменательными морфемами и друг с другом, причем эти изменения не приводят к стиранию морфемных границ. Присоединение флективных аффиксов, напротив, нередко сопровождается разнообразными взаимными изменениями корня и аффикса, при этом могут стираться морфемные границы. Такое явление называют фузией. Ср. турецк. *at* 'лошадь' — *atlar* 'лошади' (мн. ч.) и русск. *дети* — *детский* [d'eck'ij]

⁵ Здесь и ниже для простоты берутся лишь одноморфемные неизменяемые служебные слова.

⁶ На возможность вставки могут влиять закономерности порядка слов в данном языке: так, при препозитивности артикля и постпозитивности определения — ситуация, характерная для французского языка, — вставки типа тех, что фигурируют в приведенных примерах, конечно невозможны.

С семантической точки зрения агглютинативные аффиксы однозначны, в то время как флективные аффиксы имеют несколько значений одновременно. Например, турецк. *-lar* указывает только на множественное число, а русск. *-и* — одновременно на множественное число и именительный падеж. Кроме того, агглютинативные аффиксы стандартны: для выражения данного грамматического значения всегда употребляется данный аффикс, для флективных же аффиксов типична синонимия. Например, множественное число существительного в турецком языке всегда передается аффиксом *-lar* (в разных вариантах), ср. с этим *голоса, волосы, колосья* и т. д. в русском языке.

§ 59.3. В разных языках — тюркских, индийских (индоарийских и дравидийских), японском и др. — существуют аффиксы, традиционно относимые к агглютинативным, которые, однако, заметно выделяются именно морфологической спецификой. Эти аффиксы могут оформлять последовательности «однородных» корней (основ): аффикс не повторяется при каждой из лексических единиц, а как бы «выносится за скобки». Весьма существенно, что в таких случаях знаменательные единицы, оформленные одним аффиксом, нередко способны иметь собственные зависимые слова, а также соединяться посредством союзов. Простейший пример — употребление показателя множественного числа существительных в турецком языке, ср. *bayan ve baylar* 'дамы и господа'. В этом сочетании аффикс *lar* относится одновременно к *bayan* 'дама' и *bay* 'господин', между которыми стоит союз, т. е. отдельное служебное слово — *ve* 'и'. Во-первых, можно сказать, что последовательность морфем *bayanlar* 'дамы' здесь «разорвана» морфемами *ve* и *bay*. Во-вторых, с одной из этих последних, а именно *ve* 'и', показатель множественного числа *-lar* явно не вступает в грамматическую связь.

В подобных случаях и морфологический статус аффикса, и характеристика всего сочетания, вообще говоря, остаются неясными (в частности, не вполне ясно, где проходят границы слов).

Вполне возможно, что служебные морфемы обсуждаемого здесь типа составляют особый класс, в известном смысле промежуточный по отношению к собственно агглютинативным аффиксам, с одной стороны, и служебным словам — с другой. Подобно служебным словам, они могут относиться к знаменательным элементам, отделенным от них некоторыми другими морфемами, но, в отличие от подлинных служебных слов, не могут примыкать к знаменательным единицам, с которыми не находятся в грамматической связи.

§ 59.4. На признаке расположения служебной морфемы относительно знаменательной основана известная классификация аффиксов на префиксы, постфиксы, инфиксы, конфи́ксы (цирку́мфиксы), интерфиксы, трансфиксы. Среди служебных слов

по этому же признаку выделяются проклитики (в частности, предлоги) и энклитики (в частности, послелогои).

Особые категории служебных слов составляют связки, союзы, вспомогательные глаголы и некоторые другие.

УРОВЕНЬ СЛОВ

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОВА

§ 60. Единицей более высокого уровня по отношению к морфеме является *слово*. С точки зрения морфемного строения знаменательное слово представляет собой либо одну знаменательную морфему, либо последовательность знаменательных морфем, либо сочетание знаменательной морфемы (морфем) со служебной морфемой (морфемами) определенного типа.

Важность проблемы выделения и определения слова, удельный вес этой проблемы во многом зависят от того, построение какой лингвистической модели нас интересует. Так, при создании порождающих моделей исследователь практически не сталкивается с трудностями этого рода, поскольку слова «берутся» из словаря, где не может быть вопроса «слово или не слово?», «одно или два слова?».

Для аналитических моделей проблема слова возникает лишь в тех случаях, когда неоднозначность в членении текста на слова может повлечь за собой неоднозначность в смысловой интерпретации текста. Обычные примеры такого рода — английские пары типа *a name* 'имя' — *an aim* 'цель', *an old maid* 'старая горничная' — *an oldmaid* 'старая дева'. Можно вспомнить также изощренную санскритскую поэму Кавираджи «Рагхавапандавия» (XII в.), которая читается как переложение «Рамаяны» или «Махабхараты», в зависимости от того или иного способа членения на лексические единицы.

Совершенно очевидно, что наибольшую остроту проблема определения и выделения слова имеет для исследовательского подхода: цель моделирования в этом случае состоит в построении языковой системы, компонентом которой является словарь. Следовательно, отправляясь от текста, записанного как последовательность морфем, знаменательных и служебных, нужно в каждом случае решить, где проходят границы слова, какая из последовательностей морфем является одним словом, а какая — двумя или более.

§ 61. Существует много различных критериев определения границ слова. Некоторые из них выделяют слово с чисто внешней стороны. К таким критериям относятся признаки так называемого графического слова и фонетического слова.

Графическое слово — это слово на письме или в печати, оп-

ределенное как отрезок текста от пробела до пробела. Такое выделение слова может быть полезным для некоторых практических задач, например, для автоматической обработки текста. Нужно, однако, учитывать, что в ряде восточных языков (а также в древних текстах на индоевропейских и некоторых других языках) слова не отделяются пробелами, или же расположение пробелов носит более или менее случайный характер.

Фонетическое слово — это отрезок текста, выделяемый по каким-либо фонетическим признакам, например объединяемый одним ударением, сферой действия сингармонизма и т. п. Как графическое, так и фонетическое слово может материально совпадать со словом, определенным в соответствии с грамматическими критериями и интуицией носителей языка, но такого совпадения может и не быть. Это — особые единицы, лишь косвенно соотносящиеся с «настоящим» словом, т. е. словом с грамматической точки зрения. Так, в качестве одного фонетического слова могут выступать даже целые предложения, например, предложение *Сядь на стул!* может произноситься с одним ударением, т. е. как одно фонетическое слово.

§ 62. Из собственно грамматических критериев выделения слова известностью в отечественной лингвистике пользуется критерий цельнооформленности А. И. Смирницкого. Согласно этому критерию сочетание морфем признается одним словом, если грамматическое оформление при помощи соответствующей служебной морфемы получает все сочетание в целом, а не каждый из его членов. Например, *иван-чай* — это одно слово, так как при склонении все сочетание в целом оформляется одной флексией: *иван-чая, иван-чаю*, а не **ивана-чая, *ивану-чаю*.

В противном случае, когда каждый член сочетания получает свое оформление, — это называется раздельнооформленностью — сочетание признается двумя словами. Например, *город-герой* — это два слова, ср. *города-героя, городу-герою* и т. д.

Критерий цельнооформленности применим к тем языкам и случаям, где существуют развитые средства грамматического оформления слов. В тех же случаях, когда оформление вообще невозможно, вопрос либо остается открытым, либо получает решение в пользу признания сочетания сложным словом. Например, в английском сочетании (*a*) *silver spoon* для *silver* вообще немислимо какое бы то ни было оформление, поэтому, естественно, сочетание оказывается цельнооформленным, ср. *silver spoons*. Однако признание этого сочетания сложным словом было бы в высшей степени сомнительным. Некоторые авторы, однако, признают сложными словами сочетания типа *stone wall, speech sound* в английском языке, что также неубедительно.

§ 63. Другой критерий выделения слова — это возможность использования данного сочетания морфем в качестве предложения⁷. Иначе говоря, слово определяется здесь как потенциальное наименьшее предложение (высказывание). Например, английское сочетание *topsy-turvey* 'вверх тормашками' — это одно слово, так как в качестве высказывания (например, в качестве ответа на вопрос *how?* 'как?' или *in what way?* 'каким образом?') может фигурировать только сочетание в целом, но не его компоненты. В отличие от этого, например, сочетание *морская свинка*, несмотря на идиоматичность (что часто также признается критерием выделения слова), образовано двумя словами, так как каждое из них может фигурировать как высказывание.

Последний критерий также обнаруживает ряд ограничений. Так, например, в языках, где имеются артикли, существительные обычно не могут употребляться в качестве высказываний без артикля, однако из этого вряд ли следует, что сочетание с артиклем всегда представляет собой единое слово. Неприменим этот критерий в тех случаях, когда, сочетаясь с данным служебным словом, знаменательное слово должно принимать специфическую форму, свойственную только сочетанию этого типа. Так, в русском языке применение этого критерия к сочетаниям существительных в предложном падеже с предлогом дает парадоксальные результаты: сочетание типа *в городе* оказывается одним словом, так как *городе* не может фигурировать в качестве отдельного высказывания.

Как правило, не могут употребляться в качестве высказываний служебные слова.

В то же время, пользуясь указанным критерием, иногда пришлось бы членить на слова такие сочетания, как *радиостанция* в русском языке, *йин²маун³* 'шофер' в бирманском языке (*йин²* 'машина' и *маун³* 'водить машину' употребляются самостоятельно), *хочэ* 'поезд' в китайском языке (*хо* 'огонь' и *чэ* 'повозка' также могут употребляться самостоятельно).

§ 64. К числу существенных критериев следует отнести критерий возможности вставки. Согласно этому критерию, если сочетание морфем не допускает вставки между ними других знаменательных морфем, то данное сочетание является словом. Например, сочетание *мать-и-мачеха* не допускает вставки каких бы то ни было морфем, следовательно, такое сочетание является сложным словом. Напротив, английское сочетание *stone wall* не есть сложное слово, так как здесь возможны вставки, и сочетание приобретает, например, следующий вид: *stone-of-Carrara wall* 'стена из каррарского камня'.

Этот критерий, однако, также не является универсальным.

⁷ Правильнее, впрочем, говорить не о предложении, а о высказывании.

С одной стороны, имеются случаи, когда вставка знаменательных морфем возможна, несмотря на в общем очевидную целостность слова. В первую очередь это относится к так называемым отделяемым приставкам в немецком языке. Примером может служить употребление глагола *auffressen* 'съесть' (о животных) в предложении: *Dann warf der Bär einen grossen Fisch an Land und frass ihn mit Appetit auf*. 'Затем медведь вытащил на берег большую рыбу и с аппетитом съел ее'.

С другой стороны, вставка затруднительна в случае идиоматических сочетаний типа *морская свинка, львиный зев* (название цветка).

Следует заметить, что упомянутые выше немецкие глаголы с отделяемыми приставками объективно представляют особо сложную проблему. Возможность вставки, а также перестановки компонентов, нарушающей цельность образований этого типа, нельзя игнорировать при определении их морфологического статуса. Известны два пути разрешения этой трудности. Первый состоит в том, что образования типа *auffressen, eintreten* признаются не словами, а сочетаниями соответствующих глаголов с наречиями (наречия *auf, ein* употребляются в немецком языке, хотя и редко). Такое решение противоречит, однако, интуиции, равно как и немецкой лексикографической практике.

Другой путь решения проблемы заключается во введении особого понятия аналитического слова. Аналитическое слово можно было бы определить как единицу, которая возникает в том случае, когда словообразующая морфема⁸ (здесь отделяемая приставка) является служебным словом. При таком решении мы сталкиваемся, однако, с тем очевидным парадоксом, что слово (пусть и аналитическое) оказывается состоящим из двух слов — знаменательного и служебного.

Вопрос этот, таким образом, остается открытым⁹. Как и во многих других случаях, сложность проблемы вызвана историческим развитием языка: каков бы ни был современный статус отделяемых приставок, происходят они от несомненных наречий, позднее в значительной степени утративших самостоятельность, однако не до конца.

§ 65. Содержание изложенных критериев (с учетом также некоторых более частных признаков) можно подытожить следующим образом.

1. Слово обладает известной самостоятельностью, выражающейся в том, что оно может, с большей или меньшей степенью свободы, перемещаться в пределах некоторого отрезка текста (фразы); знаменательное слово обычно может употребляться

⁸ О словообразующих морфемах см. § 68.3.

⁹ Сходные проблемы возникают при интерпретации русских слов типа *никто, ничто*, допускающих вставку; ср. *ни к кому, ни к чему*, хотя здесь это вставка служебной, а не знаменательной морфемы.

изолированно. В отличие от этого часть слова не может свободно перемещаться по фразе, порядок частей слова относительно друг друга также не может меняться. Кроме того, слова могут иметь самостоятельное грамматическое оформление, в то время как части слов не могут иметь такого оформления.

2. Слово обладает внутренней цельностью. Это выражается в том, что части слова не могут быть отделены друг от друга вставкой других знаменательных единиц (или служебных слов), в то время как между словами возможна вставка теоретически неограниченной последовательности знаменательных единиц.

К этим традиционным критериям можно добавить еще один, также представляющийся существенным: возможность самостоятельных синтаксических связей. Если знаменательная единица, входящая в некоторое сочетание, способна иметь собственные синтаксические связи, т. е. не относящиеся к сочетанию в целом, то такая единица вычленяется в качестве отдельного слова. Применение данного критерия, в частности, дает дополнительные основания для доказательства того, что английские сочетания типа *stone wall* не являются сложными словами, ср., например, *red-button shoes* 'туфли с красными пуговицами' или *Carrara-stone wall* 'стена из каррарского камня', где первые компоненты имеют собственные определения.

§ 66. Практически для всех перечисленных критериев существенен вопрос о так называемой остаточной выделительности. Если применительно к одному из компонентов сочетания установлен по какому-либо критерию статус слова, то другой компонент сочетания также выделяется — остаточно — как отдельное слово, вне зависимости от того, отвечает ли он соответствующему критерию. Например, в сочетании *англо-русский* компонент *русский* может употребляться в качестве высказывания, поэтому, согласно критерию употребляемости в качестве высказывания, должен считаться самостоятельным словом. Компонент *англо-* не может использоваться как высказывание, тем не менее, по принципу остаточной выделительности, за ним также должен быть признан статус слова¹⁰.

По существу, принцип остаточной выделительности исходит из того, что сочетаться друг с другом могут только единицы одного уровня, поэтому уже самым рассмотрением сочетания данных единиц мы утверждаем их принадлежность к одному и тому же уровню. Следовательно, достаточно доказать, что хотя бы одна из них принадлежит к уровню слов, т. е. является словом, тогда относительно другой этот вопрос решается автоматически.

¹⁰ Иногда единицы типа *англо-* относят к особому разряду «связанных слов».

Практические возможности принципа остаточной выделяемости не следует, однако, переоценивать, хотя бы потому что большинство известных критериев выделения слов (допустимость вставки, наличие цельнооформленности) основаны на операциях, применяемых к обоим компонентам сочетания одновременно. Таким образом, фактически редко приходится устанавливать лексическую самостоятельность одного компонента, не доказывая одновременно лексической самостоятельности другого.

§ 67. Как следует из изложенного выше, имеющиеся критерии выделения слова не являются универсальными. Тем не менее было бы неоправданно заключить, что слово — единица «призрачная», что реальны лишь морфемы и их дистрибуция. По существу, при обсуждении проблемы слова речь идет о том, что значимые единицы, которые в языке обладают определенной самостоятельностью, могут состоять из двух (и более) тесно связанных морфем. По-видимому, это положение не может вызвать возражений; соответственно критерии выделения слова основаны либо на признаке самостоятельности слова, либо на признаке наличия тесной связи между компонентами, его составляющими.

Когда факты языка не укладываются в рамки принятых определений слова, это очень часто объясняется историческим развитием языка, в частности сращением словосочетаний (ср. обсуждение проблемы немецких отделяемых приставок в § 64). Иногда для выделения особых пограничных случаев, появление которых объясняется эволюцией языка или какими-либо иными причинами, целесообразно вводить особую промежуточную категорию «связанных словосочетаний» или «несобственно сложных слов».

Наконец, говоря о применимости критериев выделения слова, нужно учитывать, что иногда положительное и отрицательное значения признака, лежащего в основе критерия, неравноценны: например, из наличия раздельнооформленности следует, что данная последовательность — словосочетание, но отсутствие раздельнооформленности не свидетельствует о том, что перед нами — слово (ср. английские примеры типа *silver spoon* в §§ 62 и 64).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

§ 68. В языкознании, как уже упоминалось ранее, принято различать слова как словоформы и слова как лексемы. Слово может выступать в разных грамматических формах (словоформах). Набор всех форм данного слова составляет его парадигму. Например, словоформы *стола*, *столу* и т. д. все при-

надлежат одной и той же лексеме. Именно лексема (материально — ее основной вариант)¹¹ является членом словаря.

Текст, расчлененный на слова, представляет собой последовательность словоформ. Необходимо, следовательно, выяснить, какие из них тождественны с точки зрения принадлежности к одной и той же лексеме (т. е. свести словоформы в лексемы).

Разумеется, этой проблемы не существует в тех случаях, когда слова содержат разные знаменательные морфемы (корни): ясно, что слова *стол* и *стул* принадлежат разным лексемам. Проблема возникает тогда, когда совпадают знаменательные морфемы слов. В этом случае вопрос стоит так: являются данные единицы разными словами или же разными формами одного слова (лексемы)?

Поскольку разные слова с одним корнем скорее всего образованы один от другого (или оба — от какого-либо третьего), то сформулированный вопрос предстает как вопрос о разграничении словообразования и формообразования. Например, если в тексте имеются слова *идти* и *идуший*, то необходимо выяснить, являются они разными словами или же формами одного и того же слова. От решения этого вопроса зависит, что следует включать в словарь, а что — не следует.

§ 68.1. В общем виде отличие словообразования от формообразования описывается следующим образом: если можно обнаружить правило, по которому словоформы данного типа регулярно образуются от словоформ другого типа, то перед нами — случай формообразования. Так, в русском языке причастия настоящего времени регулярно образуются от основ глаголов настоящего времени несовершенного вида, поэтому причастия являются формами соответствующих глаголов, а не самостоятельными словами: *идуший* есть форма глагола *идти*, *живущий* есть форма глагола *жить* и т. д. Именно поэтому причастия не включаются в словарь: в словарь входят глаголы (их основные варианты, инфинитивы), а в грамматику включается правило образования причастий.

Можно сказать, что для формообразования типична большая унифицированность служебных морфем, образующих соответствующие формы, обычно выбор той или иной морфемы (варианта морфемы) определяется окружением. В плане содержания для формообразования характерна передача весьма широких, абстрактных значений.

¹¹ Принцип выбора основного варианта слова, в общем, тот же, что и упоминавшийся ранее (см. § 56) принцип выбора основного варианта морфемы: возможность вывести по определенным правилам все остальные варианты, т. е. формы (хотя применительно к слову данная проблема имеет свою сложность, которые мы здесь не обсуждаем).

В отличие от этого словообразовательные средства языка не обнаруживают столь же регулярных соответствий, позволяющих говорить об особых парадигмах. Словообразование отличается большей специализированностью и меньшей унифицированностью соответствующих служебных морфем, выбор этих морфем часто не обусловлен строго окружением. Типичным примером могут служить аффиксы, образующие в русском языке названия жителей разных городов: ср. *москвич*, *ленинградец*, *одессит*, *пермяк*, *львовянин*. В плане содержания для словообразовательных средств характерна передача относительно узких значений. Нередко значение, передаваемое словообразовательным средством, может быть выражено отдельным знаменательным словом, например: *ленинградец* = *житель Ленинграда*, *столик* = *маленький стол*. В сфере формообразования такие случаи встречаются редко, поскольку при формообразовании сохраняется лексическое значение слова.

§ 68.2. Четкую грань между формообразованием и словообразованием провести не всегда легко. В особенности это относится к флективным языкам, где развита синонимия аффиксов, а парадигмы часто бывают дефектными: и то и другое нарушает регулярность, стандартность формообразовательных процессов, сближая их тем самым со словообразовательными. В русском языке особую сложность представляет разграничение формообразования и словообразования применительно к категории вида (см. об этом § 82 и сл.).

Семантически сходные явления могут в одних языках относиться к словообразованию, а в других — к формообразованию. Например, в русском языке *усыплять* — это отдельное слово, произведенное от глагола *спать*, т. е. образование *усыплять* от *спать* представляет собой факт словообразования. В отличие от этого в бирманском языке *эй⁴ сэй²* 'усыплять' — это не отдельное слово, а форма (каузативная) глагола *эй⁴* 'спать', так как аналогичные формы могут быть образованы от любого бирманского глагола (например, *пйо³* 'говорить' — *пйо³ сэй²* 'заставлять говорить').

§ 68.3. Аффиксы, которые образуют новые слова, называются словообразующими (словообразовательными). Словообразовательные процессы включают не только приращение, но и опущение аффиксов (обычно формообразующих). Например, для образования слова *учитель* от слова *учить* следует отбросить окончание инфинитива и прибавить суффикс *-тель*. Для образования слова *бег* от слова *бегать* необходимо опустить окончание инфинитива вместе с тематическим гласным *-а-*, при этом автоматически прибавляется нулевое окончание (не являющееся словообразующим средством).

Слово, от которого образуется другое слово, называется производящим; говорят также о производящей основе, если центральной единицей, фигурирующей в словообра-

зовательном процессе, является основа. Слово, возникшее в результате словообразовательного процесса (деривации), называют производным.

Сложные слова являются результатом словообразовательного процесса, в ходе которого происходит сложение корней, основ или словоформ; одновременно с этим может использоваться также и аффиксация. Например, образование слова *волнолом* — это сложение корней (полученных путем отбрасывания окончаний слов *волна* и *ломать*) плюс интерфиксация; образование слова *gutheissen* 'одобрять' в немецком языке — это сложение основ; образование слова *сиюминутный* в русском языке — это сложение слов. Основосложение и словосложение, впрочем, не всегда можно разграничить.

Особый случай словообразования — словообразование по конверсии. При конверсивном словообразовании основной вариант слова, принадлежащий словарю, остается материально тем же, но меняется набор словоформ, которые можно образовать от него, т. е. изменяется парадигма слова, или же только его синтактика. Например, англ. *dog* 'собака' имеет парадигму *dog — dogs*, а *dog* 'выслеживать', 'преследовать' — парадигму *dog — dogging — dogged* и т. д. Предлог *соразмерно* в русском языке образуется путем изменения синтактики: наречие *соразмерно* сочетается только с глаголом, а предлог *соразмерно* — также и с существительным, например, *платить соразмерно тарифу*.

Имеется и несколько иное понимание конверсии, согласно которому конверсия есть образование слова без помощи специальной словообразующей аффиксации¹². В соответствии с таким пониманием конверсии образование имени *Александра* от *Александр* есть случай конверсии, так как *-а* в *Александра* не представляет собой словообразующий аффикс (ср. *волна*, *гора* и т. п.). Здесь, как мы видим, основной вариант производного слова отличается от основного варианта производящего слова.

§ 68.4. Грамматику интересуют лишь такие словообразовательные процессы, которые являются продуктивными. Продуктивность означает, что в современном языке с помощью данного процесса могут образовываться новые слова. Например, русский суффикс *-тух* не является продуктивным, хотя есть вполне недвусмысленно членившиеся слова *пастух* (от *паста*), *петух* (от *петь*), *питьух* (от *пить*): нельзя, по аналогии с ними, образовать, скажем, от глагола *нести* существительное **нестух*. Суффиксы *-чик*, *-тель*, префикс *анти-* безусловно продуктивны; вероятно, продуктивным можно считать и суффикс *-арь*; ср. современные образования типа жаргонного *технарь*.

¹² Общее требование о том, что при словообразовании по конверсии изменяется парадигма и/или синтактика слова, при указанном понимании конверсии сохраняется.

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ И КЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ.
ЧАСТИ РЕЧИ.
ПОДКЛАССЫ СЛОВ

§ 69. Слова могут быть грамматически противопоставлены как лексемы и как словоформы. В первом случае говорят о *классифицирующих*, или *лексико-грамматических*, категориях, во втором — о *словоизменятельных*, или *формообразующих*, категориях. Классифицирующие категории отражают распределение слов по грамматическим классам, а формообразующие — распределение словоформ по парадигмам. Примерами классифицирующих категорий могут служить части речи, категория рода существительного, примерами формообразующих категорий — категории числа, падежа.

Грамматическая категория — как классифицирующая, так и формообразующая — представляет собой единство грамматического содержания и грамматического выражения. Наличие грамматической категории можно констатировать только тогда, когда в языке существует регулярное соответствие между данным грамматическим значением и формальным способом его выражения, и при этом имеется противопоставление (оппозиция) по крайней мере двух членов — двух классов слов для классифицирующей категории или двух форм для формообразующей категории. Если данный язык не располагает грамматическим способом выражения какого-либо значения, то в нем отсутствует и соответствующая грамматическая категория. Например, в русском языке, разумеется, можно выразить различие между действием, совершающимся в первый раз, и действием, происходящим не в первый раз, однако специальных грамматических средств для этого не имеется, поэтому нет и соответствующей глагольной категории. А в диалекте Вилла Альта индейского языка сапотек такие средства есть — соответственно существует и глагольная категория повторного/неповторного действия.

В языке не может быть «одного времени», «одного вида», «одного рода», ибо такое положение означало бы, что в данном языке категории времени, вида, рода нет вообще: как отмечалось выше, категория создается противопоставлением форм или классов слов.

§ 70. Иногда различают общие и частные категории. Общая категория охватывает все члены данного противопоставления, частная категория характеризует каждый из его членов. Например, категория падежа — общая категория, категория родительного падежа — частная категория.

План содержания частной грамматической категории определяют как *граммему*. Так, план содержания окончания в глаголе *ходит* включает четыре грамлемы: настоящего времени, единственного числа, 3-го лица, изъявительного наклонения.

§ 71. Если в языке имеется определенная формообразующая категория, то каждое изменение слова соответствующего класса или подкласса должно выражаться в терминах членов этой категории. Например, каждая форма существительного в русском языке определяется как принадлежащая тому или иному падежу (не может быть словоформы существительного, которая стояла бы вне падежного противопоставления). То же относится к категории лица, времени глагола и т. п.

Нарушать этот закон может только *нейтрализация*, т. е. такое снятие противопоставления, которое имеет четкую контекстуальную или парадигматическую обусловленность. Например, в русском языке глаголы прошедшего времени лишены противопоставления по лицу — *нейтрализация по лицу «привязана»* к формам прошедшего времени (и некоторым другим), т. е. обусловлена парадигматически.

§ 72. В плане выражения форма слова может создаваться разными способами: употреблением аффикса, флективного или агглютинативного, служебного слова, редупликацией (повтором), использованием внутренней флексии, просодических средств (ударения, тона) или изменением синтактики слова.

§ 72.1. В случае использования аффикса образуется *синтетическая форма* слова, а в случае употребления служебного слова — *аналитическая*, или *сложная*. Например, стоящее и прошедшее время глагола в русском языке образуется синтетически, а будущее время несовершенного вида — аналитически: *читаю, читал, но буду читать*. Форму *буду читать* называют аналитической, поскольку она образуется употреблением служебного слова, т. е. грамматическое значение выражается отдельно от лексического, и сложной, поскольку она сама слагается из двух форм: формы служебного слова и формы знаменательного слова. По-видимому, правильнее говорить не о форме *буду читать* (как это делается традиционно), а о форме слова *читать*, показателем которой является служебное слово *буду*, само в эту форму не входящее: слово *буду* есть лишь знак того, что глагол *читать* употреблен здесь в форме будущего времени (и соответствующего вида, лица, числа, наклонения). Разницу между синтетическими и аналитическими формами можно тогда описать так: в синтетических формах значение категории находится свое материальное выражение внутри самого слова, в аналитических — вне его.

§ 72.2. Вне слова передается значение категории и в том случае, когда оно выражается изменением синтактики — практически изменением окружения слова. Например, в бирманском языке каузативная форма глагола может образовываться именно таким способом: при употреблении прямого дополнения глагол выступает в каузативной форме (*ка³ коу² пйа¹ти²* 'показывают фильм'), при невозможности употребить прямое дополнение

глагол выступает в некаузативной форме (*ка³ти² п¹а¹ти²* 'фильм показывается').

§ 72. 3. Особый способ выражения частной грамматической категории — использование нулевого показателя (окончания, служебного слова и т. д.). Нулевой показатель — это значимое отсутствие всех показателей, посредством которых формируются другие члены данной парадигмы. Например, в слове *рук* именно отсутствие всех других окончаний сигнализирует о значении множественного числа родительного падежа. Без парадигмы, таким образом, не может быть и нулевого показателя, поскольку отсутствие показателя значимо только тогда, когда оно противостоит наличию определенных показателей.

Иначе можно сказать, что возможность появления нулевого показателя вызывается обязательностью данного состава языковой единицы: если, например, слово обязательно состоит из основы и окончания, то отсутствие материально выраженного окончания — это тоже окончание, только нулевое. В отличие от этого, приставка не есть обязательный компонент русского слова, поэтому отсутствие приставки в словах *работать* (ср. *поработать*), *плыть* (ср. *приплыть*) нельзя трактовать как нулевую приставку.

Некоторые авторы полагают, что о нулевом показателе можно говорить только тогда, когда то же категориальное значение может передаваться ненулевым показателем, например слово *рук* имеет нулевое окончание именно потому, что в других парадигмах тот же родительный падеж множественного числа выражается ненулевым показателем, ср. *столов*.

§ 73. В плане содержания формообразующие категории характеризуются тем, что изменение слова здесь ограничивается сферой собственно грамматики; употребление соответствующего показателя не приводит к появлению новой единицы словаря.

§ 74. Единство категории в плане выражения обеспечивается тем, что выбор показателя категории или его варианта обусловлен либо контекстом, либо лексико-грамматическим подклассом слова. Например, в английском языке для выражения множественного числа существительного выбирается вариант аффикса */-s/*, */-z/*, */-iz/* в зависимости от последней фонемы означаемого корня; обусловленность лексико-грамматическим подклассом хорошо иллюстрируется выбором падежных показателей в русском языке в зависимости от рода и типа склонения.

В плане содержания единство категории нередко понимают как характерность для нее инвариантного значения, т. е. такой общей семантики, по отношению к которой все реально зафиксированные значения определенного круга форм выступают в качестве вариантов. Иначе говоря, утверждая ин-

вариантность плана содержания формообразующей категории, предполагают, что в основе ее лежит одна семантическая оппозиция, и в терминах членов этой оппозиции может быть описан план содержания всех форм данной категории во всех их употреблениях. Так, по мнению некоторых авторов, инвариантное значение, которое передает в русском языке категория существительного, традиционно именуемая категорией числа, в действительности определяется оппозицией «нерасчлененность/расчлененность». Например, словоформы *сани*, *ножницы* явно не передают значения множественности, однако в обоих случаях обозначаются предметы, для которых характерна «расчлененность». Значение множественности при таком подходе объявляется вариантом, частным случаем значения расчлененности¹³, а значение единичности признается вариантом значения нерасчлененности.

§ 74.1. Описанная точка зрения, по крайней мере при ее абсолютизации, по-видимому, в определенной степени упрощает и идеализирует действительную картину. Нередко «приведение к общему знаменателю» — инвариантному значению — всех частных значений выглядит насилием над языковым материалом. В русском языке можно указать на случаи употребления множественного числа, где сведение частного значения к значению расчлененности вряд ли возможно. Например, трудно усмотреть значение расчлененности в словоформах типа *сумерки*, *поминки*.

§ 74.2. Следует иметь в виду и возможную разницу между узколингвистическим и психоллингвистическим моделированием: если мы заинтересованы в воспроизведении внутренней языковой системы носителей языка, то нужно учитывать, что строгий «логизирующий» подход, уместный для собственно лингвистики, вообще говоря, несвойствен стихийному языковому мышлению: здесь более обычны ассоциации по смежности и т. п. Соответственно при психоллингвистическом моделировании нет оснований стремиться к непререкаемой инвариантности значений грамматических категорий.

§ 74.3. В любом случае нужно не забывать о том, что основная функция языка — коммуникативная. В частности, из этого следует, что, выясняя значение грамматической формы, мы должны исходить из того, что хочет сообщить говорящий употреблением данной формы, т. е. как он интерпретирует некоторый факт действительности, а не непосредственно из того, какие явления реальной действительности отражает такое формоупотребление. В противном случае произойдет подмена изучения десигнатов изучением денотатов (см. § 17). Очевидно, употребляя форму *столы*, носитель русского языка имеет в виду

¹³ Поскольку множественность предполагает ряд отдельных предметов, т. е. также своего рода расчлененность.

неединичность соответствующих предметов, а вовсе не то, что они представляют собой расчлененный ряд.

§ 74.4. Если невозможно вывести такое общее значение, которое естественно охватывало бы все частные, то план содержания грамматической категории приходится представлять как сложную семантическую систему, или, как говорят, *семантическое поле с ядром и периферией*. Ядром является основное значение. Обычно это такое значение, которое в наименьшей степени зависит от контекста. Второстепенные, или *побочные*, значения, напротив, обнаруживают определенную зависимость от контекста. Например, значение прошедшего времени совершенного вида для русских словоформ на *-л* типа *поверил, испугался* — это основное значение: для его реализации не требуется особого контекста. Значение же экспрессивного отрицания факта, обычно применительно к будущему времени, приобретает этими формами в контекстах *так и...; как же,...*: *Так он и поверил!; Как же, испугался я!*

§ 75. Выше уже было дано определение классифицирующих категорий в их отличии от формообразующих. В следующих ниже параграфах классифицирующие категории будут рассмотрены несколько более подробно применительно к их важнейшей разновидности — категории частей речи. Будет также затронут вопрос о подклассах слов.

Части речи — это достаточно крупные классы слов, выделяемые в данном языке по грамматическим признакам. Слова, принадлежащие к разным частям речи (и, шире, к разным классам слов), отличаются своими парадигмами и/или синтактикой (см. также ниже). В этом и заключается сущность любой классификации.

Важно подчеркнуть, что выделение частей речи, как и определение самого инвентаря языковых единиц, — не самоцель: признаки, по которым производится классификация слов, их распределение по частям речи, должны выбираться таким образом, чтобы полученный способ группировки слов по классам наиболее эффективно обслуживал синтез и анализ речи. Классификация слов — это грамматика словаря; определяя принадлежность слова к тому или иному классу, мы не решаем самостоятельную логическую задачу, а получаем в итоге информацию в словаре о том, как грамматически используется данное слово, какими грамматическими свойствами оно обладает. Признаки, по которым осуществляется классификация, «обратимы»: они служат для отнесения слова к той или иной части речи, а знание того, к какой части речи принадлежит слово, дает нам информацию о его грамматических признаках.

§ 76. Требование к любой классификации — не допускать пересечения классов. Иначе говоря, каждое слово в рамках

данной классификации должно относиться к одному-единственному классу, ни одно слово не может принадлежать одновременно двум или нескольким классам. Если какие-либо слова последовательно характеризуются сочетанием признаков, по которым выделяются два самостоятельных класса, то из этого не следует, что они одновременно принадлежат обоим этим классам: скорее, они образуют третий, самостоятельный класс.

Сказанное выше не отрицает возможности одновременного использования разных классификаций. В конечном итоге нас интересуют все грамматически существенные признаки слова, которые должны быть указаны в словаре, чтобы словарь содержал основную информацию об употреблении этого слова. Использование таких признаков может реализоваться в разных классификациях, в том числе и перекрещивающихся. Например, для слова *пальто* важно указать, что оно не имеет падежных окончаний; в то же время отнесение некоторого слова к классу наречий означает, в частности, что оно не склоняется, т. е. тоже не обладает падежными окончаниями. Следовательно, по данному признаку слова типа *пальто* объединяются с наречиями. Тем не менее по общему набору признаков, который определяет уже другую классификацию, класс существительных и класс наречий не пересекаются.

§ 77. Классификация слов есть классификация лексем, а не словоформ. Поэтому, формулируя признаки, выступающие в качестве основания классификации, нужно четко оговаривать, действительны они для любой формы данного слова или же только для каких-то определенных форм. Так, обычно во флективных языках типа русского глаголы выделяются как слова, которые спрягаются, а существительные — как слова, которые склоняются. Однако причастие — тоже глагол (глагольная словоформа), хотя причастие склоняется, а спряжение причастия представлено лишь дефектной парадигмой времени. Следовательно, указывая основание классификации, необходимо уточнить, что полная парадигма спряжения как признак отнесения к данному классу характерна только для финитных форм глагола.

§ 78. Основанием классификации, как указывалось выше, могут выступать любые существенные грамматические признаки — морфологические, синтаксические и иные. Пример использования синтаксических признаков как основы классификации по частям речи дает китайский и аналогичные ему языки. В кита́йском языке выделяют имя и предикатив, которые разграничиваются по следующему признаку: предикатив может выступать сказуемым без связки, а имя — не может. В свою очередь, общий класс предикатива делится на класс глагола и класс рилагательного: глагол, выступая в качестве определения к

имени, всегда должен принимать форму на *-ды*, а прилагательное — лишь в некоторых особых случаях.

§ 79. На этом же примере можно видеть наличие еще одной проблемы, которую можно назвать «проблемой соотношения класса и подкласса». Под частями речи обычно понимаются наиболее крупные классы слов, выделяемые по грамматическим признакам. Соответственно что для китайского языка следует считать частями речи: предикатив или же глагол и прилагательное? В первом случае глагол и прилагательное будут не самостоятельными частями речи, а подклассами предикатива, наподобие, например, подклассов переходных и непереходных глаголов, выделенных в составе класса глагола как части речи. Во втором случае предикатив будет либо вспомогательным классом, выделяемым в процессе классификации, но не фигурирующим в окончательном перечне классов, либо надклассом, группой частей речи.

По-видимому, решение этого вопроса зависит от характера используемых признаков: если два класса одновременно выделяются по некоторому признаку (как это и имеет место в китайском языке), то тем самым определяется их «равноправность», и или оба они должны считаться частями речи, или оба — подгруппами (надгруппами) частей речи. Если же по данному признаку выделяется только один класс, а все остальные слова составляют «остаток», то, разумеется, нет никаких оснований считать этот «остаток» самостоятельной частью речи.

В китайском языке предикатив явно не составляет «остатка» по отношению к имени: имя и предикатив выделяются одновременно по одному признаку. Поскольку за именем при этом закрепляется статус части речи, то и предикатив должен быть признан наравне с именем частью речи. Глагол и прилагательное в этом случае окажутся подклассами предикатива, а не самостоятельными частями речи.

§ 80. Проблема выделения подклассов слов очень важна, поскольку, чем более дробные подклассы мы в состоянии выделить, тем богаче грамматическая информация о каждом слове. Эффективное разбиение на подклассы достигается прежде всего изучением дистрибуции слов. Почти каждое знаменательное слово может выступать в качестве ядра, т. е. главного слова, которому подчиняются другие слова, составляющие его окружение. Например, в словосочетании *очень хорошо* ядром является слово *хорошо*, а *очень* составляет его окружение, в словосочетании *читать книгу* ядро — слово *читать*, а его окружение *книгу*. Особенно важную роль играет так называемое оптимальное окружение, т. е. такое минимальное окружение, которое должно иметь данное ядро вне контекста.

В один подкласс объединяются слова, которые, выступая в качестве ядра, имеют однотипное — количественно и качественно — оптимальное окружение. Например, в классе глаголов один подкласс составляют все глаголы, имеющие оптимальное окружение из одного имени — существительного или местоимения (*стонать, дышать, кипеть* и т. д.), другой подкласс образуют глаголы с окружением из двух имен — в именительном и винительном падежах (*бить, ласкать* и т. д.), третий подкласс составляют глаголы с окружением из двух имен — в именительном падеже и винительном с предлогом *в* (*вцепляться, влюбляться, вгрызаться* и т. д.; этот подкласс выделяется одновременно по словообразовательному признаку — наличию приставки *в*) и т. д.

Подклассы могут выделяться также по признаку вхождения слова в данный тип окружения. Например, слова *кружок, полк, школа, общество* и т. п. не являются одушевленными именами (ср. *Я люблю свой полк при Я люблю своего брата*), однако, подобно одушевленным именам, они могут употребляться в дательном падеже в окружении глаголов типа *подарить* (*Писатель подарил школе свои книги*), в именительном падеже при глаголах типа *восхищаться, презирать* (*Школа восхищается вами*) и т. п. Тем самым они составляют особый подкласс имен существительных.

Признаки подкласса очень часто не имеют внешнего выражения в самом слове, их можно выяснить только посредством тщательного изучения текстовых реализаций слов. Соответственно, зная подкласс (подклассы), к которому (которым) принадлежит слово, мы знаем закономерности его сочетаемости, а отсюда и правила употребления.

§ 81. Особую сложность составляет вопрос о характеристике плана содержания классифицирующих категорий вообще и частей речи в частности: каким образом можно описать значение категории женского рода или категории существительного? Можно лишь сказать, что это абстрактные грамматические значения, реальность которых вытекает из реальности самих группировок слов: поскольку в языке все в конечном счете предназначено для выражения смысла, существенные грамматические явления, даже такие формальные, как классифицирующие категории, в той или иной мере семантизируются. Семантическая характеристика классов слов зависит от денотативной отнесенности типичных представителей этих классов, однако никоим образом не определяется этой отнесенностью полностью. Так, *бег, краснота* с точки зрения денотативной отнесенности представляют собой обозначения процесса (действия) и качества (признака, свойства) соответственно, в то же время с грамматической точки зрения оба эти слова передают значения предметности.

- Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
 Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
 Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
 Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов.— «Вопросы языкознания». 1960, № 1.
 Щерба Л. В. О частях речи в русском языке.— Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1951.
 Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании.— Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
 Яхонтов С. Е. Методы выделения грамматических единиц.— Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Важнейшие морфологические категории

Категория вида и способа действия
 Категория времени

§ 82. Сравним такие глагольные пары русского языка, как *образовать* — *образовывать*, *закричать* — *кричать*. Первый член каждой пары представлен глаголом совершенного вида, второй — глаголом несовершенного вида. Однако если в первой паре невозможно усмотреть какое-либо дополнительное различие, кроме собственно видового, то во второй паре первый глагол передает, кроме того, значение начинательности, а второй глагол лишен этого значения. Считают, что глаголы типа *закричать* отличаются от глаголов типа *кричать* так называемым способом действия. Категория способа действия отражает группировку глаголов по признаку типа протекания действия, выделяя начинательные глаголы (*закричать*, *запеть*, *загоревать* и др.), ограничительные (*попеть*, *покричать*, *погоревать* и др.), одноактные (*крикнуть* и др.) и т. д.

§ 82.1. Категории вида и способа действия, особенно существенные для славянских языков, в частности для русского, иногда рассматриваются в рамках более широкой категории — а с п е к т у а л ь н о с т и. Однако внутри такой категории, если ее выделять, вид и способ действия необходимо четко разграничивать: эти две категории относительно близки в семантическом плане, в плане содержания; однако вид — это формообразующая категория, а способ действия, как явствует из изложенного выше, — классифицирующая, тесно связанная также со словообразованием, так как слова одного класса обычно являются производными (дериватами) от слов другого класса.

§ 82.2. Таким образом, в рассматриваемых нами глагольных парах *образовывать* есть форма глагола *образовать*: здесь имеет место имперфективация (т. е. образование несовершенного вида) глагола путем употребления постфикса (суффикса) *-ыва-*. С точки зрения лексического значения *образовывать* и об-

разовать полностью тождественны. Эти словоформы различаются исключительно грамматическим значением: форма совершенного вида представляет действие как целостное, неделимое, поэтому несоотносимое с фазами (начало, продолжение, конец), в то время как форма несовершенного вида не содержит таких ограничений в передаваемом ею грамматическом значении¹⁴.

Существуют в русском языке и другие средства имперфективации, ср., например: *решить* — *решать*, *избежать* — *избегать*, *положить* — *класть* и т. д. Единство в плане выражения здесь относительное: наряду с показателями, являющимися алломорфами (-ыва-/ива, -ва-/ева-), широко представлены синонимичные морфемы, равным образом выступающие средством имперфективации, а также сопровождающее аффиксацию морфонологическое чередование и супплетивные формы (ср. примеры, приведенные выше). Для некоторых глаголов имперфективация осуществляется не путем прибавления суффикса, а путем устранения префикса, например: *оштрафовать* — *штрафовать*.

§ 82.3. В отличие от чисто видовых пар типа *образовать* — *образовывать* в паре типа *закричать* — *кричать* не представлены формы одного и того же слова. Хотя *кричать* — это глагол несовершенного вида, он не является формой глагола *закричать* (или наоборот). Глагол *закричать* представляет собой самостоятельное слово, образованное от глагола *кричать*, так же как, скажем, *перепрыгнуть* — это самостоятельное слово, образованное от глагола *прыгнуть*. Следовательно, здесь налицо процесс словообразования. Образование слова посредством префикса *за-* вносит новое значение — начинательности, поэтому *кричать* и *закричать* лексически не тождественны.

Поскольку в русском языке существует целый класс глаголов с префиксом *за-*, характеризующихся теми же правилами образования и той же семантикой (*закричать*, *запеть*, *загоревать*, *затопать*, *задышать* и т. п.), можно говорить об особой классифицирующей категории начинательных глаголов. Это производные глаголы, каждый из которых отличается от исходного (производящего) способом действия, в данном случае — начинательным.

§ 82.4. Что же касается соотношения по виду, то следует сказать, что начинательные глаголы (как и большинство производных глаголов, различающихся способом действия) — это глаголы совершенного вида, которые форм несовершенного вида не имеют, т. е. являются глаголами *perfectiva tantum*. Встречаются, впрочем, и пары типа *закипеть* — *закипать*, *загореться* — *загораться*.

Соответствующие им исходные глаголы (глаголы «общего» способа действия) являются, как правило, глаголами несовер-

¹⁴ Именно поэтому можно сказать *начать образовывать*, но нельзя сказать **начать образовать*.

шенного вида, которые не имеют формы совершенного вида, т. е. являются глаголами *imperfectiva tantum*. Соотношение глаголов и глагольных словоформ, используемых здесь для иллюстрации, можно представить при помощи таблиц (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Образовывать — образовать

Способ действия Вид	Общий	Начинательный
Совершенный	<i>образовать</i>	—
Несовершенный . . .	<i>образовывать</i>	—

Таблица 2

Кричать — закричать

Способ действия Вид	Общий	Начинательный
Совершенный	—	<i>закричать</i>
Несовершенный . . .	<i>кричать</i>	—

Таблица 3

Кипеть — закипеть — закипать

Способ действия Вид	Общий	Начинательный
Совершенный	—	<i>закипеть</i>
Несовершенный . . .	<i>кипеть</i>	<i>закипать</i>

§ 82.5. В итоге можно констатировать, что каждая глагольная словоформа русского языка должна быть охарактеризована с точки зрения категории вида, однако в значительном числе случаев целые классы глаголов представлены дефектной парадигмой вида, т. е. обладают формой или только совершенного вида, или только несовершенного. В особенности это относится к классам глаголов, противопоставленным в рамках категории способа действия.

Важно подчеркнуть, что говорить тем не менее о существо-

вании в русском языке формообразующей категории вида можно только лишь потому, что существует достаточно большое количество глаголов, имеющих обе формы вида — и форму совершенного, и форму несовершенного вида, т. е. образование видовых форм обладает известной регулярностью (ср. § 68.1).

В принципе ситуация аналогичная той, которая наблюдается в сфере категории числа: слова *сани, ножницы, брюки* и др. характеризуются как существительные в форме множественного числа (*pluralia tantum*), хотя у них нет формы единственного числа, а слова *добро, позор* и др. являются существительными в форме единственного числа (*singularia tantum*), хотя они лишены формы множественного числа, — и эти утверждения справедливы в силу того, что в русском языке имеется достаточно количество слов, которым свойственны обе формы числа, например: *рука — руки, нож — ножи, окно — окна* и др.

§ 83. Одной из важнейших морфологических категорий глагола является категория времени. Временные формы могут образовываться любыми морфологическими средствами — аффиксами, служебными словами и т. д.

В плане содержания категория времени выражает отношение действия к моменту речи или к какому-либо другому моменту с точки зрения предшествования, одновременности или следования.

§ 83.1. Различают абсолютные и относительные времена. Абсолютное время выражает отношение действия к моменту речи, например, формы глаголов в предложениях *Я работаю, Я работал, Я буду работать* отличаются именно соотносительностью действия с моментом речи, указывают соответственно на его одновременность с моментом речи, предшествование моменту речи, следование за моментом речи.

Относительное время выражает отношение действия к какому-либо другому моменту, чаще всего ко времени протекания другого действия. Например, в предложении *Я слышал, как она ходит по комнате* настоящее время глагола *ходить* показывает, что это действие было одновременным с действием, выраженным глаголом *слышать* (в то время как это последнее предшествовало моменту речи).

§ 83.2. В русском языке нет специальных форм относительных времен. Применительно к русскому языку следует говорить об относительном употреблении форм абсолютных времен.

В английском и французском языках относительное употребление временных форм может иметь специальное формальное выражение: когда форма будущего времени употребляется относительно, т. е. в значении следования не за моментом речи, а за временем другого действия (в прошлом), то используется специальная форма «будущего в прошедшем» (*Future in the*

Past, futur dans la passé). Например, в английском языке ср. *He will come* 'Он придет', но *I thought he would come* 'Я думал, что он придет' (*would come* — форма «будущего в прошедшем»).

§ 83.3. В ряде языков существуют специальные формы относительных времен (не являющиеся производными от форм абсолютных времен, как «будущее в прошедшем» английского и французского языков). Такие формы могут иметь чисто относительный характер, т. е. выражать, например, значение предшествования или следования само по себе, безразлично, по отношению к какому именно моменту, но могут обладать и смешанным, абсолютно-относительным характером.

К первому типу принадлежат, по мнению некоторых исследователей, времена японского языка, которые и называются соответственно предшествующим и не предшествующим, так как эти формы выражают предшествование или не предшествование, как таковое, по отношению к любому данному моменту. Например, форма предшествующего времени *синда* от глагола *сину* 'умирать' в разных контекстах может означать и 'умер', и 'когда умрет...', и 'умирает (но еще не умер)' — во всех случаях обозначается предшествование некоторому моменту, хотя отношение к моменту речи везде разное. В отличие от формы на *-та/-да* форма на *-у* всегда передает не предшествование некоторому моменту, т. е. одновременность или следование (опять-таки не обязательно по отношению к моменту речи).

Любопытно, что видовые формы деепричастия в русском языке используются именно для указания на одновременность/неодновременность, безотносительно к моменту речи: ср. *гуляя, встретил*; *гуляя, встречаю*; *гуляя, встречу* и *погуляв, встретил*; *погуляв, встречаю*; *погуляв, встречу*.

Ко второму типу — к абсолютно-относительным временам — относятся такие частные глагольные категории, как Plusquam-perfekt в немецком, plus-que-parfait, passé antérieur во французском языке, Futurum II в немецком и futur antérieur во французском языке. Эти времена специально указывают на отношение одного действия к другому (предшествование); в этом проявляется их относительный характер. Но такое предшествование обязательно «привязано» к соответствующему времени по отношению к моменту речи, т. е. это всегда предшествование в пределах либо абсолютного прошедшего, либо абсолютного будущего; в этом проявляется абсолютный характер времен указанного типа. Ср., например, употребление таких форм в немецком языке: *Nachdem die Oktoberrevolution gesiegt hatte, ging unser Volk zum Aufbau einer neuen Gesellschaft über* 'После того как победила Октябрьская революция, наш народ приступил к строительству нового общества'. Здесь форма плюсквамперфекта от глагола *siegen* 'побеждать' обозначает действие, предшествующее действию, выраженному претеритом

от глагола *übergehen* 'приступать'. Но применительно к будущему времени предшествование не может быть выражено тем же способом; в этом случае употребляется Futurum II (или перфект), например: *Viel brennender wird das Problem werden, wie die Menschheit sich selbst und ihre Errungenschaften rettet, wenn die drohenden Gefahren eingetreten sein werden, von denen ich in meinen Buche gesprochen habe* 'Гораздо актуальнее станет проблема, каким образом человечество спасет себя и свои достижения, когда осуществляются те угрозы, о которых я говорил в моей книге'.

§ 84. Категории времени и вида часто оказываются взаимосвязанными. Такая связь может быть двоякого рода.

Первый случай представляет собой по существу своего рода синкретическое, т. е. одновременное, выражение самостоятельных категорий вида и времени в пределах одной и той же глагольной формы¹⁵. По-видимому, такой тип взаимодействия вида и времени представлен в английском языке, где можно говорить о наличии трех времен — настоящего, прошедшего и будущего и четырех видов — общего, продолженного, перфектного и перфектно-продолженного. В каждой финитной (также и инфинитивной) форме английского глагола одновременно реализуются и одна из частных категорий времени, и одна из частных категорий вида. Например, форма *(have) written* передает настоящее время и перфектный вид, форма *(have been) writing* — настоящее время и перфектно-продолженный вид, а форма *(was) writing* — прошедшее время и продолженный вид и т. д.¹⁶.

Другой тип взаимодействия категорий вида и времени заключается в том, что в данном языке определенные глагольные формы по своей семантике не являются ни чисто временными, ни чисто видовыми: обычно это временные в своей основе формы, «осложненные», как принято говорить в таких случаях, значениями типа видовых. Такого рода формы и соответственно категории называют видо-временными.

Видо-временные категории свойственны, вероятно, китайскому языку. В китайском языке выделяются две формы прошедшего времени, которые отличаются друг от друга именно значениями типа видовых: одна из этих форм (образующаяся при помощи суффикса *-ла*) имеет дополнительное значение завершенности действия, другая же (показатель которой — суффикс *-го*) лишена этого семантического оттенка, она никак не связывает действие в прошлом с настоящим; данная форма нередко

¹⁵ Наподобие того как, например, число и падеж существительного в русском языке выражаются одним и тем же окончанием.

¹⁶ Надо отметить, что такой анализ расходится с традиционными представлениями о шестнадцати глагольных временах в английском языке.

обозначает повторяющиеся в прошлом действия. Например: *Кэжэнь лай-ла* 'Гости пришли' — *Кэжэнь лай-го* 'Гости приходили'.

Категория залога

§ 85. Категорию залога обычно относят к морфологии. Это верно в том смысле, что пассивная, рефлексивная и другие формы глагола в тех языках, в которых они имеются, представляют собой члены глагольной парадигмы (вернее, в противопоставлении активу образуют особые парадигмы, входящие в общую парадигму глагола). Однако в отличие от категорий вида и времени, относительно независимых от синтаксиса, среди залоговых форм в разных языках лишь немногие можно описать практически без выхода из сферы морфологии (см. ниже, § 87).

В общем же случае формами залога считают такие глагольные формы, которые заменяют друг друга, когда изменяется соответствие между единицами семантики и синтаксиса — прежде всего между субъектом и объектом, с одной стороны, и подлежащим и дополнением — с другой (ср. § 136). Например, в предложении *Плотники строят дом* употреблена активная форма глагола. Здесь субъекту соответствует подлежащее, а объекту — дополнение. В случае же изменения этого соответствия таким образом, что субъекту будет отвечать дополнение, а объекту — подлежащее, нужно будет употребить другую форму глагола, пассивную: *Дом строится плотниками*. Если сравнить эти два предложения в целом, то мы увидим, что замена актива на пассив сопровождается здесь не только изменением соответствия между семантическими (субъект, объект) и синтаксическими (подлежащее, дополнение) категориями, но также заменой синтаксических функций, выполняемых данными конкретными словами, и морфологических форм этих слов.

§ 86. Существуют языки, где замена формы, традиционно считающейся залоговой, не требует изменения форм зависимых от глагола слов, хотя их функции меняются. Так, в японском языке при пассивной форме некоторых глаголов употребляются подлежащее и дополнение, выраженные существительными в тех же падежах, что и при активной форме. Например: *Ину-ва кодомо-ни оицукита* 'Собака догнала ребенка', *Кодомо-ва ину-ни оицукарэта* 'Ребенка догнала собака' (букв. 'Ребенок догнан собакой'); здесь в обоих предложениях подлежащее имеет форму, маркированную служебным словом *-ва*, а дополнение — форму дательного падежа (показатель *-ни*), хотя соотношение субъекта и объекта, с одной стороны, и подлежащего и дополнения — с другой, различно. Еще более типично такое положение для тагальского языка, ср. *Ang bata ay bumabasa ng aklat*

‘Ребенок читает книгу’ и *Ang aklat ay binabasa ng bata* ‘Книга читается ребенком’; здесь изменяется только форма глагола и отнесение так называемых артиклей *ang* и *ng*, служащих показателями членов предложения, к словам *bata* ‘ребенок’ и *aklat* ‘книга’, но взаимное оформление подлежащего и дополнения не меняется.

§ 87. В некоторых языках замена залоговой формы не только не требует замены форм зависимых слов, но и не сопровождается изменением соотношения семантических и синтаксических категорий. Вместо этого варьирует отношение, которое можно было бы назвать субъективной направленностью действия: употребление соответствующего залога обозначает, что действие совершается в интересах субъекта или, напротив, объекта. Таковы те случаи функционирования формы медиума в древнегреческом языке, когда данная форма показывает, что действие совершается субъектом в своих интересах, например: *Κορίνθιοι παρεχούσιντο στρατιάν* ‘Коринфяне стали снаряжать войско [для себя]’.

Особый залог, называемый *ātmanepada*, который систематически используется для выражения указанного значения, имеется в санскрите. Например: *paśunā yajati* ‘[Он] приносит в жертву животное [для кого-нибудь]’, *paśunā yajate* ‘[Он] приносит в жертву животное [для самого себя]’; во втором предложении употреблена форма залога *ātmanepada*.

В бирманском языке наличие при глаголе модификатора *-нэй³* указывает на то, что действие совершается в интересах другого лица, например: *ту² са² оу⁴ вэ² тэ²* ‘Он купил книгу’, *ту² са² оу⁴ вэ² нэй³ тэ²* ‘Он купил книгу [для кого-нибудь]’.

Только в последних случаях — типа древнегреческого медиума от отдельных глаголов в некоторых предложениях, форм *ātmanepada* в санскрите, использования бирманского модификатора *-нэй³* — мы имеем дело с залогом, который можно описать, не выходя за пределы собственно морфологии.

Категория падежа

§ 88. Подобно глагольной категории залога именная категория падежа для полного своего описания требует выхода за рамки собственно морфологии: центральная функция основных падежей состоит в том, чтобы выразить отношения между словами в предложении. Тем не менее падеж относится к морфологии постольку, поскольку падежные формы образуют парадигмы имен.

§ 89. Часто возникает вопрос о границах категории падежа. Здесь следует различать два аспекта. Первый состоит в том,

что вопрос о границах категории падежа обсуждается с точки зрения значения, передаваемого соответствующими именными формами, и синтаксической функции, которую данные формы выполняют. Например, все исследователи признают, что в венгерском языке форма *kalapot* 'шляпу' есть падежная форма (аккузатив) существительного *kalap* 'шляпа', но не все согласны с тем, что форма так называемого темпоралиса есть равным образом падежная форма, например, что (*nyolc*) *órákor* 'в (восемь) часов' есть падеж слова *óra* 'час': считают, что здесь выражается более узкое, конкретное значение по сравнению с абстрактными значениями падежей типа аккузатива, к тому же темпоралис никогда не функционирует чисто синтаксически, т. е. никогда не служит для выражения только отношений между словами в предложении.

Однако при принятом нами понимании морфологии (см. § 53) форму типа венгерского темпоралиса можно «изъять» из падежной парадигмы только при условии, если будет доказано, что она отличается чисто морфологически от прочих падежных форм, например, если мы обнаружим, что показатель *-kor* может быть употреблен совместно с другим, «несомненно падежным», показателем. Если же *-kor* входит в систему взаимосоключающих показателей (аффиксов) — а ситуация в венгерском языке именно такова, — то из этого должно следовать, что темпоралис — такой же падеж, как и номинатив, аккузатив и др., независимо от выражаемого им значения и выполняемых синтаксических функций.

То же относится к вокативу (звательной форме), который многими исследователями не включается в падежную парадигму. Формы типа *чоловіче* в украинском языке, *deva* 'боже' в санскрите должны быть признаны падежными, поскольку с собственно морфологической точки зрения замена формы *чоловік* на *чоловіче*, *devaḥ* (именительный падеж) на *deva* ничем не отличается от замены *чоловік* на *чоловіку*, *devaḥ* на *devāya* (дательный падеж) — и те, и другие формы образованы аффиксами (окончаниями), одинаково противопоставленными друг другу и, следовательно, формирующими одну парадигму.

§ 90. Со вторым аспектом обсуждаемой проблемы мы сталкиваемся тогда, когда вопрос о границах категории падежа обсуждается с точки зрения способа образования именных форм — синтетического или аналитического.

Традиционно считается, что падежными являются только формы, образуемые аффиксами — флективными или агглютинативными. Поэтому, например, *Петра́* в русском языке и *Petri* в латинском — это падежные формы, а *de Pierre* во французском языке и *of Peter* в английском не являются падежными формами.

Однако и в этом случае следует исходить из возможности

установить парадигму единообразно противопоставленных друг другу форм, а не из способа образования этих форм. Соответственно в английском языке можно выделить два падежа — общий и притяжательный (*Peter* 'Петр', *Peter's* 'Петра'), хотя притяжательный падеж образуется аналитически, т. е. посредством служебного слова; ср. традиционные примеры типа *the king of England's hat* 'шляпа короля Англии', где -s относится к *the king* или *the tutor who teaches me's theory* 'теория преподавателя, который учит меня', где -s относится к *the tutor*.

Что же касается предлога *of* в английском языке, то он не образует падежной формы: об этом говорит возможность употребления *of* и с общим, и с притяжательным падежом, ср., например: *the friend of Peter* 'друг Петра' и *a friend of Peter's* 'один из друзей Петра'. Предлог *of* входит в тот же ряд, что и *in*, *at* 'в', *to* 'к', *through* 'через', *with* 'с', *without* 'без' и др., а применительно к сочетаниям этих предлогов с именами вообще трудно говорить о наличии определенной парадигмы.

Точно таким же образом вряд ли можно выделить падежные формы во французском языке, где все синтаксические отношения обсуждаемого здесь типа выражаются (если отвлечься от порядка слов) посредством предлогов: нет каких-либо морфологических оснований ограничивать *de* от *dans* 'в', *à* 'к', *à travers* 'через', *sans* 'без' и др.— все они исключают друг друга; кроме того, как и в случае с английскими предлогами, трудно говорить о сколько-нибудь определенной парадигме, которую образовывали бы сочетания этих предлогов с именами.

§ 91. Итак, если в языке существуют два ряда показателей, выражающих отношения между словами в предложении, и они могут употребляться одновременно, то показатели одного ряда обычно являются падежными, а показатели другого ряда — предложными или послеложными. Если же существует только один ряд таких показателей, то вопрос о наличии/отсутствии падежных форм в данном языке решается в зависимости от того, можно ли усмотреть систему противопоставлений, т. е. особую парадигму, в сочетаниях имен с данными показателями, а не от того, являются ли они флективными, агглютинативными или аналитическими (служебными словами). Наличие в языке такой парадигмы дает основание говорить о категории падежа, даже если падежные формы выражаются вне слова — служебными словами.

§ 92. Основная функция большинства падежных форм — обозначение отношений между словами в предложении. Однако это не единственная их функция: во-первых, некоторые падежные формы наряду с этим могут передавать особую семантику, непосредственно не связанную с синтаксисом, во-вторых, существ-

вуют и такие падежи, которые вообще «непричастны» к синтаксису¹⁷.

Так, первичной функцией винительного падежа в русском языке является функция обозначения того, что имя, стоящее в данном падеже, является прямым дополнением по отношению к сказуемому, выраженному переходным глаголом. Например: *рубить дерево, читать книгу, любить брата*. В таком употреблении форма винительного падежа не передает ничего «сверх» чисто синтаксического отношения.

Наряду с этим винительный падеж употребляется в таких словосочетаниях, как *работать всю ночь, гулять в солнечный день*. Эти функции винительного падежа, которые Е. Курилович называет адвербиальными (наречными), являются для данного падежа вторичными; здесь винительный падеж представляет собой не просто способ связи глагола-сказуемого с именем-дополнением: он участвует в передаче особой семантики — значения времени.

Предложный падеж русского языка выполняет в основном адвербиальные функции: он не только (и даже не столько) обозначает связь слов в предложении, а выражает, преимущественно в зависимости от предлога, ту или иную особую семантику: места, например *лежать на диване*, темы, например *рассказать о летчиках* и т. д.

Когда падеж выполняет синтаксические функции, его употребление, как правило, обязательно: без слова в данном падеже предложение неполно, и, кроме того, эта форма является единственно возможной в соответствующей позиции. Например, употребление слова в винительном падеже при глаголе *рубить* обязательно, и никакая другая форма не может занимать данную синтаксическую позицию. При глаголе *назначать* наряду с винительным падежом необходимо имя в творительном падеже (например, *назначать преподавателя математики завучем*), которое также нельзя опустить и невозможно заменить именем в форме другого падежа.

Когда же падеж выполняет адвербиальные функции, его употребление обычно необязательно: отсутствие слова в данном падеже не ведет к эллиптичности (неполноте) предложения, и место этой формы может быть занято другой формой (или сочетанием падежной формы с предлогом). Например, в предложении *Он шел весь день* слово в винительном падеже (разумеется, с его определением) можно опустить вообще, и это не приведет к эллиптичности предложения, можно и заменить данное слово словами в других падежных формах или сочетаниями таких форм с предлогами, например: *Он шел лесом, Он шел в город, Он шел по улице* и т. д.

¹⁷ Иначе говоря, такие падежи равноценны «чисто синтаксическим» падежам только с морфологической точки зрения (так как все они входят в одну парадигму), но существенно отличаются в плане употребления.

§ 93. Существует теория, наиболее полно разработанная Р. Якобсоном, согласно которой каждый падеж выражает одно общее значение, а значения, передаваемые данным падежом в каждом конкретном типе его употребления, являются вариантами такого общего значения (ср. § 74 и сл.). Общее значение описывается в терминах дифференциальных признаков — наподобие того как фонемы в фонологии описываются посредством наборов дифференциальных признаков.

Так, для русского языка Р. Якобсон устанавливает следующий перечень дифференциальных признаков, комбинируя которые можно, как предполагается, описать любой русский падеж: «объемность/необъемность», «периферийность/непериферийность», «направленность/ненаправленность». Основой для установления этих признаков является, как утверждает Якобсон, указание на границу участия означенного предмета в вещественном содержании высказывания. Например, винительный отличается от дательного как непериферийный от периферийного, так как на предмет, обозначенный словом в форме винительного падежа, действие распространяется непосредственно (*давать книгу*), а на предмет, переданный словом в дательном падеже, действие распространяется лишь косвенно: этот предмет существует «на периферии» данного действия; дательный падеж, по словам Р. Якобсона, выражает независимое от действия существование предмета (*давать книгу брату*).

Родительный и предложный падежи отличаются от всех остальных необъемных падежей как объемные, поскольку они указывают на «границу участия» данного предмета в действии и, шире, «в вещественном содержании высказывания». Например, *принести чашку чая* — здесь указывается «объем» (не весь чай, а чашку чая), *лежать на диване* (т. е. «занимать определенное место в пространстве, ограниченный объем»).

Винительный и дательный падежи выделяются как направленные, так как только они связаны с выражением направленности действия, и т. д.

В итоге, несколько упрощая схему Якобсона, можно сказать, что именительный падеж в этой системе выступает как ненаправленный, непериферийный, необъемный; винительный падеж — как направленный, непериферийный, необъемный; дательный — как необъемный, периферийный, направленный; творительный — как необъемный, периферийный, ненаправленный; предложный — как объемный, периферийный, ненаправленный; родительный — как объемный, непериферийный, ненаправленный.

Следует отметить, что система, предлагаемая Р. Якобсоном, во многом искусственна. Например, лишь с очень большой натяжкой можно признать, что дательный падеж в словосочетании *мне хочется* выражает значение «периферийности», что в словосочетании *чтение книги* значение родительного падежа отлича-

ется «объемностью» по сравнению с «необъемностью» винительного падежа в словосочетании *читать книгу*. Такие примеры можно легко умножить.

Главный же недостаток изложенной концепции заключается, по-видимому, в следующем. Якобсон анализирует значения падежей так, как если бы они были полностью подобны формам времени, вида или числа, т. е. таким формам, которые в значительной мере независимы от синтаксиса. По существу, он исследует лексико-семантический контекст, в котором употребляются те или иные падежи, «минуя» их синтаксические функции. При этом на равных основаниях рассматривается употребление винительного падежа при глаголах типа *любить* (например, *брата*), где соответствующее значение передается синтаксической функцией, а падеж есть лишь средство выражения этой функции, и употребление предложного падежа в сочетаниях типа *резвиться на траве*, где падеж в сочетании с предлогом действительно передает собственное, особое значение (места).

В концепции Р. Якобсона не учитывается, таким образом, сформулированное Е. Куриловичем важнейшее различие между синтаксическим и адвербиальным употреблением падежей: в первом случае падеж вообще «неинформативен», т. е. не несет собственного значения, его употребление автоматически и выполняет «техническую» роль, тогда как во втором случае употребление падежа действительно призвано передавать те или иные собственные значения (ср. выше, § 92).

При таком радикальном различии употребления падежей (когда один и тот же падеж может употребляться и синтаксически, и адвербиально) вообще едва ли возможно говорить о наличии каких-либо общих значений для каждого падежа.

Наконец, следует отметить, что только чисто адвербиальные падежи и адвербиальные функции прочих падежей могут быть описаны в пределах морфологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
Володин А. П. Падеж: форма и значение или значение и форма? — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. М., 1974.
Курилович Е. Проблема классификации падежей. — Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
Сыромятников Н. А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
Холодович А. А. Время, вид и аспект в современном японском языке. — «Вестник Ленинградского университета». 1960, № 14, вып. 3.

СИНТАКСИС

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 94. Сфера синтаксиса — синтагматические отношения между словами и отношения между группами слов. Они могут быть выражены различными средствами, как собственно синтаксическими (прежде всего порядком слов), так и морфологическими (например, падежными окончаниями) и фонологическими (интонацией).

Вполне очевидно, что синтаксис является основным компонентом грамматики: закономерности строения, построения и восприятия текста — это прежде всего закономерности синтаксические.

Поскольку лингвистика до сих пор мало занималась закономерностями текста в целом, приходится говорить не столько о тексте, сколько о его основной единице — предложении и его компонентах. Таким образом, центральным вопросом синтаксиса оказывается вопрос о структуре предложения, ее порождении и восприятии.

Существует целый ряд теорий, по-разному трактующих вопрос о структуре предложения. Рассмотрим следующие из них: теорию членов предложения, теорию Теньера, теорию зависимостей, теорию непосредственно составляющих.

§ 95. Введем предварительно некоторые общие понятия, которые необходимы для дальнейшего изложения.

Начнем с понятия конструкции. Конструкция — это любое сочетание слов или групп слов, обладающих непосредственной связью. Например, в предложении *Я купил новую книгу* сочетание *я купил* представляет собой конструкцию, *купил книгу* — тоже конструкция, конструкцией является и все предложение. В то же время *я книгу* не представляет собой конструкцию, *купил новую* — тоже, так как связь между словами здесь не непосредственная, а опосредованная (через слово *книгу*).

§ 95.1. Понятие конструкции, как можно видеть, дается через понятие *связи* (непосредственной), которое, в свою очередь, определяется через понятие *валентности*: связь — это реализованная валентность.

Валентность есть способность языкового элемента (или группы таких элементов) сочетаться с другим языковым элементом

того же уровня (или их группой); причем эта способность обуславливается внутренними формально-семантическими свойствами данного элемента (группы элементов). Например, глагол *рубить* трехвалентен. При сочетании его с существительным в именительном падеже (*человек рубит*) реализуется одна из валентностей и устанавливается соответственно одна связь; в случае его употребления с существительным в винительном падеже (*рубит дерево*) реализуется вторая валентность и устанавливается вторая связь; наконец, при сочетании с существительным в творительном падеже (*рубит топором*) реализуется третья валентность и устанавливается третья связь.

§ 95.2. Далее, в составе предложения целесообразно различать таксономические и функциональные единицы. Таксономические единицы — это все отдельные слова (словоформы) в составе предложения. Функциональная единица — это таксономическая единица или сочетание таксономических единиц, которые выполняют в предложении определенную синтаксическую функцию. Например, в предложении *Он уехал в город* четыре таксономические единицы (*он, уехал, в, город*) и три функциональные (*он, уехал, в город*).

Понятие синтаксической функции плохо поддается определению. Можно сказать, что синтаксическая функция — это отношение единицы к предложению, в состав которого она входит. Например, в предложении *Птицы летят* слово *птицы* относится к предложению как подлежащее (в рамках определенных понятий и терминов), а слово *летят* — как сказуемое. Для выяснения некоторых синтаксических функций достаточны рамки конструкции меньшего объема, нежели предложения, ср. *большая птица*, где синтаксическая функция слова *большая* — определение к имени *птица* — ясна в рамках данной конструкции, т. е. вне предложения.

Существующие теории синтаксической структуры предложения различаются преимущественно тем, какими синтаксическими единицами они оперируют и какие связи между этими единицами устанавливают.

§ 96. Теория членов предложения оперирует функциональными единицами. Член предложения — это не что иное, как функциональная единица. Функции, выполняемые такими единицами (функция подлежащего, дополнения и т. д.), в традиционной грамматике фактически не определяются. Те определения, которые иногда принимаются, обычно неудовлетворительны. Так, подлежащее определяют как «то, о чем говорится в предложении». Однако, например, в предложении *Стол она вытерла* говорится, по-видимому, о столе.

§ 96.1. Здесь необходимо сделать отступление. Дело в том, что существуют по крайней мере два способа описания членения предложения: один способ — это представление собственно син-

таксической структуры предложения¹; второй способ — это так называемое актуальное членение предложения. Актуальное членение предложения отражает его структуру со следующей точки зрения: что из сообщаемого, по мнению говорящего, слушающему уже известно, а что является новым, неизвестным. (Или, при несколько иной ситуации, говорящий выбирает нечто в качестве исходного пункта высказывания; в развернутом лексическом выражении это может носить характер вступления типа *Что касается...* и т. п.) Соответственно предложение делится на две части: тему (или данное) и рему (или новое). В предложении *Стол она вытерла* в качестве темы выступает слово *стол* (*что касается стола...*), а в качестве ремы *она вытерла* (*...то она его вытерла*).

В некоторых языках, например в тагальском, членение предложения на тему и рему имеет специальные формальные способы выражения, «наслаивающиеся» на собственно синтаксические, однако в большинстве языков такие специальные способы, по-видимому, отсутствуют. Тем более становится необходимым тщательно различать в этих языках собственно синтаксическое и актуальное членение предложения. Тема предложения и его подлежащее часто совпадают, но, разумеется, это необязательно (ср. приведенный пример). «То, о чем говорится в предложении» — это скорее определение темы предложения, а не подлежащего. Таким образом, указанное определение подлежащего смешивает синтаксическое и актуальное членение предложения.

§ 96.2. Определения подлежащего и других членов предложения по способу оформления, т. е. обычно по их морфологии, в принципе не могут быть универсальными, так как морфология языков существенно различается, и даже в пределах одного языка один и тот же член предложения, в частности подлежащее, может иметь разные типы оформления. Например, в аварском языке форма подлежащего определяется лексико-грамматическим подклассом глагола-сказуемого: при глаголах активного воздействия подлежащее стоит в эргативном падеже, при глаголах чувствования — в дательном падеже, при глаголах восприятия — в так называемом местном покоя, при глаголах обладания — в родительном, при непереходных глаголах — в абсолютном падеже. В хинди оформление подлежащего может зависеть от видо-временной характеристики глагола-сказуемого; ср.: *larḱā ciṭṭhī likhtā hai* 'Мальчик пишет письмо' и *larḱe ne ciṭṭhī likhī hai* 'Мальчик уже написал письмо'.

§ 97. Итак, единицы традиционной грамматики членов предложения носят функциональный характер, универсальной формальной методики для их выделения и определения не имеется. Что касается связей, то традиционная грамматика членов пред-

¹ Этот способ будет варьировать в зависимости от выбранной теории.

ложения в своем наиболее распространенном варианте оперирует двумя типами связей: взаимоподчинительными и подчинительными. Взаимоподчинительная связь, согласно этой концепции, существует между подлежащим и сказуемым: ни подлежащее, ни сказуемое не обладает абсолютным старшинством: они имеют один и тот же ранг в синтаксической иерархии; по существу, связь между ними можно было бы считать ненаправленной, т. е. лишенной элемента подчинения.

Подчинительные связи существуют между подлежащим, сказуемым и другими членами предложения, а также между этими последними (например, между дополнением и определением к нему). Частным случаем подчинительной связи является управление, при котором управляющее слово требует наличия другого слова в определенной форме, например, переходный глагол требует наличия существительного в форме винительного падежа (*рубить дерево*).

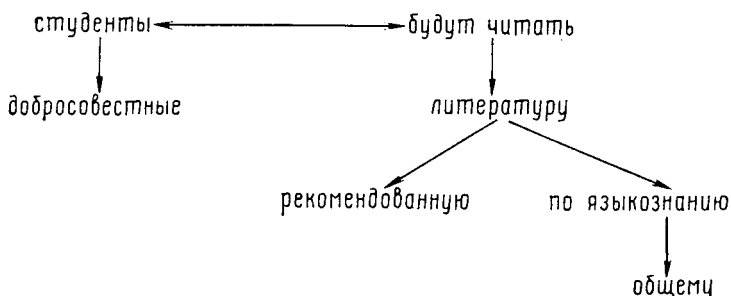
Иерархичность синтаксической структуры в традиционной грамматике проявляется не только в признании подчинительных связей, но и в выделении главных членов предложения — подлежащего и сказуемого — и второстепенных членов — всех остальных. Внутри класса второстепенных членов иерархия практически не устанавливается², такие разные члены предложения, как дополнения и определения (ср. §§ 100.2—100.3), в равной мере признаются второстепенными.

§ 98. Синтаксическую структуру предложения можно изобразить посредством синтаксического дерева³. Дерево — это графическое представление структуры конструкции, элементами которого являются точки, соединенные линиями (при ненаправленных связях) или стрелками (при направленных, т. е. подчинительных, связях). Точки называются узлами, они соответствуют синтаксическим единицам. Линии (стрелки) именуется ветвями дерева, они отображают синтаксические связи. Вершиной дерева является такой его узел, из которого стрелки только исходят, но входить в него не могут. Вершина соответствует синтаксической единице, которая не выступает в качестве подчиненной по отношению к какой бы то ни было другой синтаксической единице.

§ 99. Для традиционной грамматики членов предложения синтаксическая структура предложения *Добросовестные студенты будут читать рекомендованную литературу по общему языкознанию* изображается в виде приведенного ниже дерева:

² Если не считать выделения прямого и косвенного дополнения.

³ Понятие дерева заимствовано из математической теории графов, однако его трактовка, как и употребление относящихся к нему терминов, в математике, по сравнению с лингвистикой, имеют свои особенности, на чем мы здесь не можем останавливаться.

В дереве, изображенном на схеме 1, отсутствует вершина (при другом определении можно было бы сказать, что здесь две вершины). Двусторонненность стрелки указывает на взаимоподчинительную связь.

§ 100. Иной подход представлен в *грамматике Теньера*. Эта грамматика также оперирует функциональными единицами, однако здесь признается существование лишь одного типа связи — подчинительного.

Вершиной предложения, согласно данной концепции, выступает глагол-сказуемое, все остальные синтаксические единицы, входящие в предложение, подчиняются ему непосредственно или опосредованно.

§ 100.1. Подчиненные синтаксические единицы делятся прежде всего на актанты и сирконстанты. Актанты — это такие функциональные единицы, присутствие которых отражает обязательные валентности глагола-сказуемого, т. е. валентности, которые должны быть заполнены в неэллиптическом предложении. Сирконстанты — это функциональные единицы, присутствие которых отражает факультативные валентности глагола-сказуемого. Например, в предложении *Завтра я подарю тебе книгу* слова *я, тебе, книгу* являются актантами, так как без них предложение будет неполным, эллиптическим, а слово *завтра* — сирконстантом, поскольку его отсутствие не превращает предложение в эллиптическое.

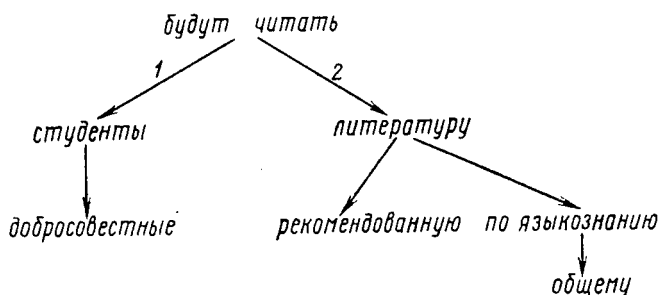
Граница между актантами и сирконстантами не всегда очевидна. Например, в предложениях *Петя ест кашу, Катя шьет платье* слова *кашу, платье* можно опустить, однако ясно, что синтаксически слова этого типа гораздо ближе несомненным актантам в предложениях типа *Петя рубит дрова, Катя моет посуду*, нежели сирконстантам наподобие *завтра*. Иногда указанное затруднение преодолевается тем, что глаголы *есть, шить* и другие расщепляют на два грамматических омонима каждый — на переходный глагол и непереходный глагол, тогда

оказывается, что опустить слова *кашу, платье* и другие невозможно.

§ 100.2. Между актантами устанавливается иерархия: выделяются I актанта, II актанта, III актанта и т. д. В предложении *Завтра я подарю тебе книгу* I актанта — *я*, II актанта — *книгу*, III актанта — *тебе*. Это различие между актантами определяется их «степенью необходимости»: по определению, присутствие всех актанта обязательно, однако легко видеть, что опущение разных актанта в различной степени сказывается на полноте синтаксической структуры, например: *Я подарю книгу* — в меньшей степени «ущербное» предложение, чем *Я подарю тебе*. Соответственно *книгу* — это II актанта, а *тебе* — III актанта.

Предложение, синтаксическая структура которого в терминах традиционной грамматики приводилась выше (см. схему 1), в грамматике Теньера получает описание в виде дерева, отличающегося от первого:

Схема 2°

Иерархия синтаксических связей и соответственно актанта отражается цифровыми индексами на ветвях дерева.

§ 100.3. Актанта и сирконстанты грамматики Теньера практически эквивалентны членам предложения. Через понятие актанта и сирконстанта можно определить основные члены предложения, а именно: подлежащее и дополнение — это актанта, обстоятельства — сирконстанты.

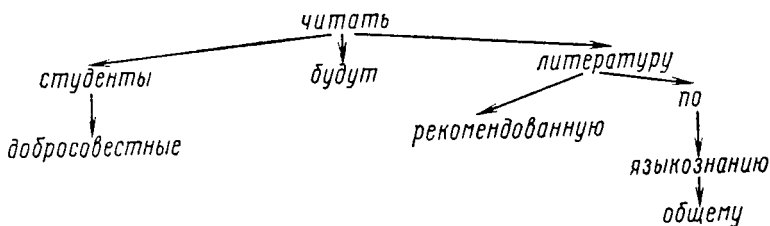
Можно, далее, попытаться уточнить понятие подлежащего, определив его как I актанта или подвид I актанта. Последняя оговорка необходима, ввиду того что, например, в русской грамматической традиции слово *лодку* в предложении *Течением унесло лодку* не признается подлежащим, хотя это несомненно I актанта. При снятии ограничений такого рода понятия подлежащего и I актанта можно считать эквивалентными.

Определения в грамматике Теньера составляют особый класс функциональных единиц. Их отличительная черта заключается в том, что если актанта и сирконстанты подчиняются непосредственно глаголу-сказуемому, то определения подчиняются актантам, сирконстантам или друг другу.

§ 100.4. Для грамматик, оперирующих функциональными единицами, в ряде случаев возникает проблема, которую можно сформулировать как вопрос: «один или два члена предложения?». В частности, это относится к различным типам синтаксического каузатива (наподобие каузатива, образуемого англ. *let*, франц. *faire*, нем. *lassen*), к семантически пустым глаголам типа русск. *выносить* (решение), *оказывать* (помощь). Преобладающая тенденция состоит в том, чтобы считать такие сочетания единичными членами предложения.

§ 101. *Грамматика зависимостей* оперирует таксономическими единицами (иначе можно было бы сказать, что эта теория отождествляет таксономические единицы с функциональными)⁴. Все связи в грамматике зависимостей рассматриваются как подчинительные. В качестве вершины синтаксического дерева здесь признается глагол-сказуемое или его знаменательная часть, если сказуемое выражено аналитической формой глагола. Служебные слова при существительных большинство авторов признают управляющими, а сами существительные — подчиненными. Узлы синтаксического дерева характеризуются в терминах классов слов, т. е. как существительное, вспомогательный глагол и др.⁵. Ниже приводится синтаксическое дерево для уже использованного предложения с точки зрения грамматики зависимостей:

Схема 3

§ 102. *Грамматика непосредственно составляющих* оперирует единицами, которые называются непосредственно составляющими (НС). Под НС понимается каждая из двух конструкций максимального объема, которые можно выделить в составе предложения и далее в составе каждой НС. Пределом такого членения у большинства авторов служит не слово, а морфема.

Связи в грамматике НС выступают как ненаправленные, так как синтаксическая структура здесь устанавливается путем по-

⁴ Здесь имеется в виду грамматика зависимостей в узком смысле. В более широком смысле под грамматикой зависимостей иногда понимают любую грамматику, оперирующую направленными связями.

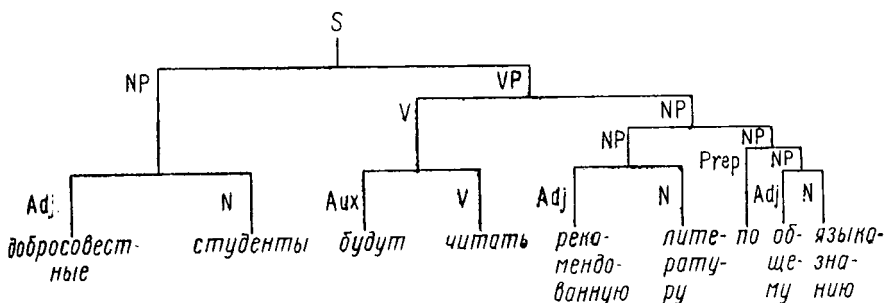
⁵ На схеме 3 эта характеристика не отражена.

следовательного линейного членения, а не путем выяснения собственно синтаксической иерархии.

НС определяются в терминах грамматических классов как NP (*noun-phrase*) — именная составляющая, VP (*verb-phrase*) — глагольная составляющая, N (*noun*) — существительное, V (*verb*) — глагол, Aux (*auxiliary*) — служебное слово, обычно служебный глагол, Adj (*adjective*) — прилагательное, P_{prep} (*preposition*) — предлог и т. д.

Графическое представление уже известного нам предложения в терминах НС приводится ниже⁶:

Схема 4

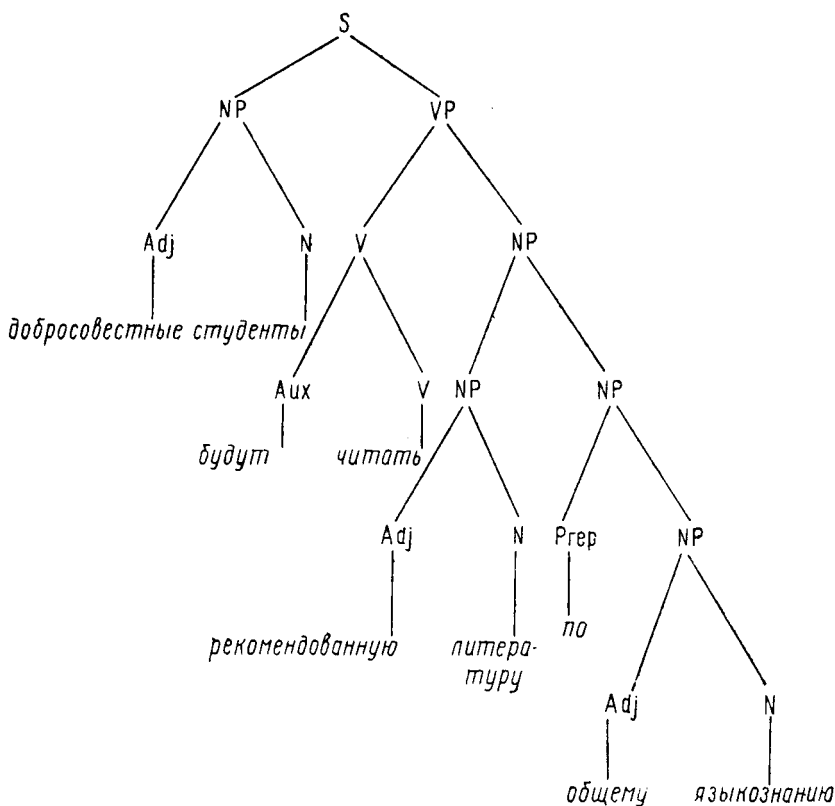
Синтаксическая структура в терминах НС может быть изображена также в виде дерева (схема 5).

Последовательность единиц, которые не могут быть далее расчленены на НС, называется терминальной цепочкой. В нашем примере терминальная цепочка для простоты представлена последовательностью слов (а не морфем).

§ 102.1. Грамматика НС, как можно видеть, обладает целым рядом черт, существенно отличающих ее от прочих теорий и соответственно способом представления синтаксической структуры предложения. Если каждая из грамматик, основные принципы которых изложены выше, оперирует какой-то одной по своему типу и «формату» единицей, то грамматика НС использует в качестве элементов синтаксической структуры последовательности словоформ, обладающие разной сложностью, которые входят одна в другую. Это является следствием того, что грамматика НС дает не статическую картину предложения, его готовую схему, а как бы динамический анализ, который строится как последовательность шагов по разложению предложения на его составляющие.

§ 102.2. С этим связано и другое обстоятельство. В грамматике членов предложения, грамматике Теньера, грамматике

⁶ Во избежание введения дополнительных символов составляющая *рекомендованную* помечена на схемах 4, 5 как Adj; начальный символ S (*sentence*) — предложение.

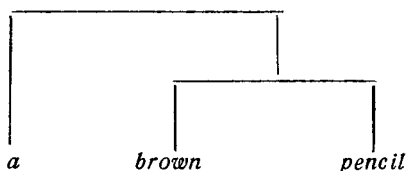
зависимостей синтаксическая структура предложения слабо отражает его линейную структуру (т. е. порядок слов): зная синтаксическую структуру, мы тем не менее не обладаем сколько-нибудь достаточной информацией о том, каков порядок слов в данном предложении. Поэтому для исчерпывающего синтаксического описания информация о синтаксической структуре предложения должна быть здесь дополнена отдельным указанием на его линейную структуру.

В отличие от этих трех синтаксических концепций грамматика НС, поскольку она исходит из последовательного линейного членения предложения, отражает одновременно и его синтаксическую, и линейную структуры. В то же время приверженность принципу линейного членения приводит к тому, что такая структура далеко не всегда является собственно синтаксической: членами структуры нередко выступают цепочки словоформ, функциональная роль которых с синтаксической точки зрения неясна. Еще более существенно, что связи между такими це-

почками никак синтаксически не уточняются и не дифференцируются, а сами они характеризуются не в синтаксических терминах, а в терминах частей речи и их синтаксических аналогов (именных, глагольных и других групп).

§ 102.3. Авторы, работающие в рамках грамматики НС, сталкиваются с трудностями в тех случаях, когда принцип линейного соседства входит в противоречие с собственно синтаксическими связями в предложении. Это хорошо иллюстрируется на примерах словосочетаний с артиклем. Например, по принципам грамматики НС структура словосочетания *a brown pencil* должна описываться так:

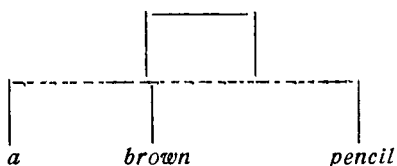
Схема 6

Однако ясно, что артикль непосредственно относится к слову *pencil*, что не находит отражения в структуре НС.

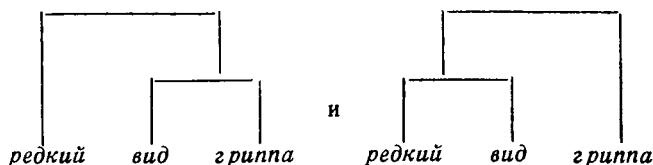
В ситуациях типа описанных выше некоторые авторы считают необходимым вводить так называемые «разрывные» составляющие, т. е. отражать в структуре тот факт, что не находящиеся в соседстве («разорванные») единицы тесно связаны синтаксически. В этом случае английское словосочетание *a brown pencil* схематически может быть изображено иначе:

Схема 7

§ 102.4. Трудности возникают также в тех случаях, когда нет оснований для выбора того или иного способа членения по НС. Например, словосочетание *редкий вид гриппа* может иметь два равнозначных синтаксических представления:

Схема 8

В подобных ситуациях некоторые авторы предлагают не двоичное, а троичное членение:

Схема 9

Однако это явное отступление от одного из основных принципов анализа по НС (так же, впрочем, как и введение «разрывных» составляющих).

§ 103. К общим трудностям всех грамматик относится вопрос о том, какое место в синтаксической структуре должны занимать однородные члены предложения. Для грамматики НС этот вопрос труден потому, что число однородных членов не ограничивается двумя, при большем же их количестве отсутствуют основания для предпочтения того или иного способа последовательного двоичного разбиения. Для остальных грамматик проблема однородных членов вызывает трудности, ввиду того что связь между ними не может трактоваться как подчинительная.

Все грамматики, кроме грамматики НС, по той же причине не располагают средствами для описания случаев приложения (типа, например, *Иван-царевич*).

Для грамматик, не оперирующих понятием функциональной единицы (члена предложения), особую сложность представляет проблема сложного предложения, в частности сложноподчиненного. Традиционная же грамматика интерпретирует придаточное предложение как единицу, функционально эквивалентную простому члену предложения, но обладающему собственной внутренней структурой.

Заметим, однако, что традиционные взгляды на структуру сложноподчиненного предложения не вполне последовательны: если, например, в предложении *Я знаю, что он пришел* в качестве дополнения выступает придаточное *он пришел*, то вряд ли можно говорить, как это обычно делается, о «главном» предложении *Я знаю*, ибо тогда оказывается, что главное предложение данного типа всегда и принципиально неполно. Здесь целесообразнее, возможно, пользоваться понятием включающего предложения, которое возникло в китаеведении: все предложение *Я знаю, что он пришел* — включающее, а один из его членов, дополнение, в свою очередь, выражен предложением⁷.

⁷ Специфика включающих предложений в китайском, бирманском, тайском и подобных им языках заключается в том, что аналоги русских придаточных предложений в этих языках — так называемые членные предложения — вводятся в точности теми же грамматическими средствами, что

Самостоятельная синтаксическая единица *Я знаю* в этом случае не выделяется; можно было бы лишь констатировать существование предложения *Я знаю...* (с пустой позицией дополнения)⁸, но это требует совершенно иного общего подхода к описанию синтаксиса.

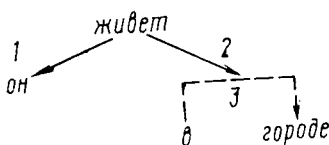
§ 104. Безусловно существен следующий вопрос: как следует интерпретировать саму по себе множественность моделей синтаксического описания? В принципе на этот вопрос может быть два ответа: либо только одна из моделей является адекватной (и она нуждается лишь в развитии и усовершенствовании, чтобы ее преимущества перед другими стали очевидными), либо каждая из моделей отражает какой-то особый аспект синтаксической структуры предложения.

По-видимому, справедлив второй из этих ответов. В самом деле, вряд ли подлежит сомнению, что единицы, традиционно именуемые членами предложения, представляют собой «синтаксические реальности». Именно эти единицы лежат в основе традиционной грамматики членов предложения и грамматики Теньера.

Но в то же время «синтаксическую реальность» являет собой не только, например, словосочетание *в городе* (и его связь как члена предложения со всем предложением *Он живет в городе* и глаголом-сказуемым), реальна и связь между *в* и *городе* внутри словосочетания. Именно эту связь описывает грамматика зависимостей.

Нетрудно совместить дерево грамматики Теньера с деревом грамматики зависимостей, например, таким образом, как показано в приведенной ниже схеме:

Схема 10

Имеются и попытки продемонстрировать эквивалентность грамматики зависимостей и грамматики НС, однако это сложнее, и обсуждение данной проблемы не может быть здесь предпринято.

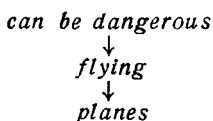
и отдельные слова, выполняющие соответствующие синтаксические функции, ср., например, бирм. $tu^2kou^2\ ti^1ti^2$ '[Я] знаю его' и $tu^2\ ya^4ti^2kou^2\ ti^1ti^2$ '[Я] знаю, что он пришел'. Здесь и дополнение, выраженное отдельным словом tu^2 'он', и дополнение, выраженное предложением $tu^2\ ya^4ti^2$ 'он пришел', одинаково оформлены служебным словом kou^2 .

⁸ В трансформационно-порождающей грамматике такое предложение называется матричным.

§ 105. Грамматика НС, как уже указывалось ранее, в значительной степени «стоит особняком» в ряду синтаксических теорий. В частности, выше отмечался ее динамический характер. Из этого следует, что если остальные грамматики из числа представленных здесь в большей степени относятся к исследовательскому моделированию, то грамматика НС может рассматриваться как относящаяся к моделированию речевой деятельности. Вероятно, грамматика НС преимущественно отражает восприятие речи. Об этом говорит следующее обстоятельство. Имеются предложения, которые синтаксически омонимичны в том смысле, что они имеют разные синтаксические структуры в терминах грамматики членов предложения или зависимостей, но материально совпадают. Соответственно они не различаются и в восприятии без опоры на контекст. Именно такие предложения, как оказывается, обладают одной и той же синтаксической структурой в терминах НС. Иначе говоря, анализ по НС, который демонстрирует идентичность таких предложений, отражает их реальную неразличимость с точки зрения восприятия. Не исключено, что человек при восприятии предложения использует какой-то аналог анализа по НС (см. § 173.2 и сл.).

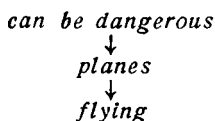
Иллюстрацией может служить известный пример Н. Хомского: *Flying planes can be dangerous*. Здесь имеется реально два предложения-омонима. Одно предложение имеет значение 'Пилотировать самолеты может оказаться опасным', ему соответствует приведенное ниже дерево в грамматике Теньера:

Схема 11

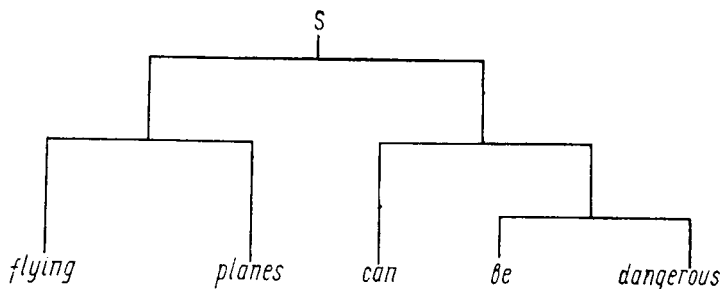

Другое предложение интерпретируется как 'Летающие самолеты могут оказаться опасными', оно отражается синтаксическим деревом в грамматике Теньера по-иному:

Схема 12

Однако в обоих случаях синтаксическая структура в грамматике НС будет одной и той же:

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ

§ 106. До недавнего времени в синтаксисе изучались преимущественно различные типы предложений, взятые изолированно, на взаимосвязь этих типов обращалось сравнительно мало внимания. Соответственно сфера синтаксиса обнаруживала в лингвистических описаниях существенно меньшую системность, нежели сферы морфологии и фонологии. В настоящее время активно разрабатываются различные методы выяснения и описания взаимосвязи, взаимодействия синтаксических структур, иначе говоря, изучаются проблемы синтаксической парадигматики.

§ 107. Как уже говорилось ранее (см. § 13), парадигматические отношения — это отношения элементов в рамках системы. Парадигматические отношения в синтаксисе — это отношения между структурными типами (подтипами) предложений и правила перехода от одних предложений к другим.

Отношения между предложениями реализуются прежде всего в рамках синтаксических парадигм — противопоставленных рядов синтаксических структур, аналогичных в определенной степени морфологическим парадигмам, образующимся противопоставленными рядами словоформ. Например, синтаксическую парадигму образуют структуры, соответствующие предложениям разных коммуникативных типов: повествовательному, вопросительному, побудительному, например: *Ты спишь. — Ты спишь? (Спишь ли ты?) — Спи!*

Заметим, что самостоятельным членом парадигмы может быть лишь предложение, отличающееся синтаксически; отличия же сугубо морфологические (например, во времени и числе) не дают нового члена парадигмы.

Члены синтаксической парадигмы отличаются друг от друга только грамматически (синтаксически), а не значением входящих в них знаменательных слов.

Каждый структурный тип предложения входит обычно в несколько рядов противопоставлений, являясь, таким образом, одновременно членом нескольких парадигм. Например, структурный тип, лежащий в основе предложения *Плотники строят дом*, с одной стороны, противопоставлен вопросительному и побудительному типам, с другой же — пассивному (*Дом строится плотниками*). Соответственно возникает проблема описания отношений не только внутри синтаксических парадигм, но и между ними.

§ 108. Если отношения между членами синтаксической парадигмы аналогичны формообразовательным связям в морфологии, то словообразовательным связям аналогичны деривационные отношения. Деривационные отношения имеют место между предложениями, которые можно рассматривать как произведенные одно от другого, причем производное предложение отличается от исходного не только синтаксически, но и лексически. Такие отношения целесообразно описывать как правила перехода от одного предложения к другому, или правила синтаксической деривации. Поскольку правила синтаксической деривации больше связаны с конкретным лексическим наполнением синтаксической структуры, они сравнительно более «чувствительны» к лексемному составу предложений, нежели правила, описывающие переход от одного члена синтаксической парадигмы к другому.

Правила синтаксической деривации описывают, в частности, каким образом производится распространение предложения или, напротив, его «свертывание» (обратная деривация), например: *Человек рубит дерево* → *Человек рубит дерево топором* → *Человек в куртке рубит дерево острым топором* и т. д. или же: *Женщины шьет платье* → *Женщина шьет*.

К правилам синтаксической деривации следует отнести, вероятно, и правила образования сложных предложений из простых, а также правила преобразования предложений в зависимые словосочетания. Например, для введения предложения *Он приехал* в состав другого предложения необходимо преобразовать его либо в придаточное (*Я знаю, что он приехал*), либо в словосочетание с компонентами в соответствующем падеже (*Я знаю о его приезде*).

§ 109. Особое место в синтаксической парадигматике занимают так называемые правила перифразирования. Эти правила указывают, каким образом можно изменять предложение, сохраняя при этом его смысл. Правила перифразирования можно рассматривать в двух аспектах: как правила перехода от одного и того же смысла к разным синтаксическим структурам и как взаимные преобразования предложений с сохранением смысла. Первый аспект существен для порожде-

ния речи, второй — для установления собственно внутрисистемных отношений.

Правила перифразирования могут затрагивать как исключительно синтаксическую структуру предложения, например, преобразование актива в пассив, так и его лексический состав. Пример предложений, получаемых по правилам перифразирования: *Эта мысль ужасает ее — Она ужасается этой мыслью — Она испытывает ужас перед этой мыслью — Эта мысль внушает ей ужас — Эта мысль приводит ее в ужас* (пример Ю. Д. Апресяна). В первых двух предложениях изменения не затрагивают лексический состав предложения, меняется лишь синтаксическая структура, в остальных же предложениях происходит частичная замена лексем. Однако во всех предложениях сохраняется один и тот же смысл.

§ 110. Поскольку смысл предложения не определяется полностью его лексическим наполнением, отношения между членами синтаксической парадигмы иногда могут описываться правилами перифразирования (например, соотношение актива и пассива), иногда же — не могут⁹.

Что же касается правил синтаксической деривации, то они, по определению, не могут быть правилами перифразирования.

Все указанные типы синтаксических отношений и правил, в особенности правила синтаксической деривации и правила перифразирования, имеют огромное практическое значение, в частности, при изучении иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
Долинина И. Б. Способы представления синтаксической структуры предложения. — Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

⁹ Например, преобразование повествовательного предложения в вопросительное может не изменить его лексического наполнения, но явно добавляет новый смысл.

ТРАНСФОРМАЦИОННО-ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГЕНЕРАТИВНОГО СИНТАКСИСА

§ 111. Описанию центральных положений трансформационно-порождающей (порождающей, генеративной, грамматики, основы которой разработаны американским лингвистом Н. Хомским, в настоящей книге посвящена специальная глава. Это объясняется как определенной специфичностью данного направления, так и тем влиянием, которое оно оказало и продолжает оказывать на современную мировую лингвистику.

Основные принципы теории порождающей грамматики целесообразно рассмотреть в историческом разрезе, прослеживая становление данной лингвистической концепции. Целесообразность именно такого подхода следует из двух соображений: во-первых, поскольку эта теория довольно радикально отличается от других течений теоретического языкознания, полезно проследить, к каким более традиционным концепциям она восходит; во-вторых, в литературе нередко обсуждаются разные стадии развития порождающей грамматики, поэтому для чтения соответствующих работ необходимо иметь об этих стадиях хотя бы самые общие представления.

§ 112. Истоки трансформационно-порождающей грамматики следует искать в дескриптивной лингвистике, которая стремилась разработать детальные и строго определенные формальные процедуры для перехода от текста к системе языка¹. Первым шагом, предваряющим появление новой теории, явились попытки такого описания синтаксиса, которое было бы основано на тех же принципах, что и описание фонологии и морфологии. Дело в том, что как фонология, так и морфология оперировали единицами-инвариантами — фонемами, морфемами, которые реализовывались как классы вариантов — аллофонов, алломорфов, причем выбор варианта определялся окружением, т. е. дистри-

¹ Впрочем, последняя часто оборачивалась скорее инвентарем, нежели собственно системой.

буцией. Что касается синтаксиса, то здесь ситуация оказывалась существенно иной: во-первых, трудно вообще рассматривать предложения как специфические единицы синтаксиса, тем более инвариантные, которые образовывали бы собственную систему, во-вторых, столь же нелегко говорить о какой-либо особой дистрибуции предложений, так как почти каждое предложение может находиться в любом окружении. По существу в рамках дескриптивной лингвистики отсутствовало представление о парадигматике в синтаксисе, хотя таковое (пусть упрощенное) и было разработано применительно к фонологии и морфологии.

§ 113. Чтобы ввести в синтаксис требуемое «измерение» — парадигматику, необходимо было создать концепцию, согласно которой между предложениями устанавливались бы определенные отношения в системе. Такая концепция возникла, и парадигматические отношения в синтаксисе истолковывались в ее рамках следующим образом: все существующие и потенциально возможные предложения разбивались на два неравных класса — ядерных предложений и производных. Ядерные предложения — это такие предложения, которые не могут рассматриваться как полученные путем преобразования и/или комбинирования каких-либо других предложений. Например, предложение *Он не спит* не является ядерным, так как его можно рассматривать как результат преобразования утвердительного предложения *Он спит*. Именно это последнее является ядерным, а предложение *Он не спит* — соответственно производным, так как оно произведено от предложения *Он спит* по специальному правилу — правилу введения отрицания. Точно так же из двух предложений — активной конструкции и пассивной (*Художник нарисовал картину* и *Картина нарисована художником*) — первое предложение выступает как ядерное, а второе — как производное.

Были выделены (для английского и некоторых других языков) те структуры, которые лежат в основе ядерных предложений.

Правила, по которым из ядерных предложений получались производные, были названы трансформационными правилами, или трансформациями.

Описанные представления и послужили исходным пунктом для создания новой теории — теории трансформационно-порождающей грамматики.

§ 114. Прежде всего изложим некоторые общие принципы этой теории, которые были сформулированы уже на раннем этапе ее развития и большинство которых остаются в силе и для современных работ Хомского и его последователей.

По Хомскому, грамматика должна устанавливать соотноше-

ние между акустическими (речевыми) сигналами и смыслами (ср. соотношение «смысл \leftrightarrow текст»).

Предложений может существовать теоретически бесконечно много. Вполне очевидно, утверждает Хомский, что наша память не в состоянии хранить даже просто слишком большое число предложений. Кроме того, мы постоянно производим и соответственно понимаем совершенно новые предложения — в этом проявляется, по словам Хомского, «творческий аспект» языка. Следовательно, то, что усваивает каждый человек, овладевая языком, — это не набор предложений, а набор, или, вернее, система правил: в основе всех возможных предложений лежит одна и та же система правил, что и обеспечивает возможность их создания и понимания. Это и есть знание языка, или, по Хомскому, языковая *компетенция* носителя языка.

«Пуская в ход» свое знание языка, носитель языка производит и понимает реальные предложения, и эта деятельность называется *употреблением*.

§ 115. Трансформационно-порождающая грамматика — теория компетенции, а не употребления². Эта теория объясняет, как порождаются предложения.

Существенно подчеркнуть, что термин «порождение» Хомским используется не в том смысле, в каком он употребляется в предшествующих разделах настоящей книги. Поскольку теория Хомского описывает компетенцию носителя языка, а не процессы производства и восприятия реальных предложений, то породить предложение, по Хомскому, — это значит дать его структурную характеристику. Структурная характеристика предложения считается известной, если указаны некоторые единицы и правила оперирования с ними, и данное предложение можно охарактеризовать «через» эти единицы и правила, т. е. описать через более простые объекты, взаимодействующие по определенным правилам (подробнее см. ниже). Структурная характеристика лежит в основе как производства, так и восприятия предложения, но непосредственно не отражает ни того, ни другого.

Соответственно правила установления соотношений между сигналами и смыслами (см. выше) — это правила не перехода от сигнала к смыслу и наоборот, а правила порождения предложений, в рамках которых каждый смысл может получить «акустическую» интерпретацию, а каждый сигнал — смысловую. Несмотря на внешнюю динамичность таких правил, по существу, они носят скорее статический характер, так как не описывают процессов речепроизводства и речевосприятия.

² Как отмечает сам Хомский, дихотомия «компетенция/употребление» в общем аналогична дихотомии «язык/речь» Соссюра, хотя имеются и определенные отличия в этих концепциях.

§ 116. В генеративной лингвистике требованию, согласно которому грамматика должна обеспечивать установление соотношений сигналов со смыслами, придается абсолютный характер: считается, что всякий раз, когда существуют реальные возможности разной смысловой интерпретации данного предложения, грамматика должна объяснить, почему это возможно. Например, предложение *Посещения родственников не всегда приятно* имеет две возможные смысловые интерпретации: «Посещать родственников не всегда приятно» и «Когда [вас] посещают родственники, это не всегда приятно». Однако при обеих смысловых интерпретациях это предложение имеет одну и ту же синтаксическую структуру, во всяком случае одну и ту же структуру в терминах НС, а именно от этой теории отгалкивался Хомский.

В теории, не исходящей из постулатов Хомского, такое положение не является нетерпимым: можно сказать, что при обоих смыслах грамматическая структура остается одной и той же, и различия в значении просто выходят за рамки грамматики. Однако требование дать объяснение любым различиям в смысле в рамках грамматики не позволяет генеративной лингвистике признать подобный ответ состоятельным. Из наличия примеров, аналогичных приведенному выше, Хомский делает иной вывод: очевидно, заключает он, традиционная структурная лингвистика ограничивается анализом поверхностных явлений в синтаксисе, или, иначе, анализом поверхностной структуры предложения. Коль скоро такая поверхностная структура не дает возможности объяснить различные интерпретации одного и того же высказывания (как в приведенном примере), предложению присуща помимо поверхностной структуры также некоторая глубинная структура. В таком случае предложению указанного типа должна соответствовать одна поверхностная структура, но две глубинные.

§ 117. Понятие глубинной структуры — самое сложное в теории порождающих грамматик и, кроме того, подвергшееся наибольшему изменению в процессе развития теории. К описанию более ранних представлений о глубинной структуре, соответствующих этапу выхода в свет «Синтаксических структур» Хомского, целесообразно перейти через понятие *синтаксического описания* (которое, в общем, эквивалентно понятию структурной характеристики предложения; см. выше).

Каждому предложению должно соответствовать его синтаксическое описание, которое содержит исчерпывающую информацию о данном предложении — от его семантической интерпретации до фонетической формы. Тот аспект синтаксического описания, который определяет семантическую интерпретацию предложения, является глубинной структурой последнего; тот аспект синтаксического описания предложения, который оп-

ределяет его фонетическую форму, является поверхностной структурой данного предложения³. В генеративной лингвистике в качестве поверхностной структуры фигурирует структура в терминах НС, которая изображается в виде НС-показателя, т. е. дерева НС.

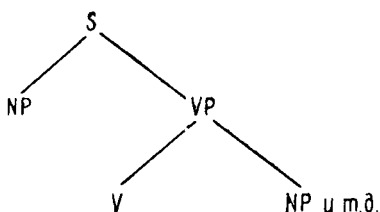
§ 118. Общее строение порождающей грамматики имеет следующий вид. Грамматика состоит из трех компонентов: *синтаксического*, *семантического* и *фонологического*. Два последних компонента являются чисто «интерпретирующими»: основной компонент — это синтаксический, он порождает предложения (точнее, их синтаксические описания), а семантический и фонологический компоненты лишь придают им соответствующую интерпретацию, первый — смысловую, второй — фонетическую.

§ 118.1. Синтаксический компонент содержит, в свою очередь, базовый субкомпонент и трансформационный субкомпонент.

Базовый субкомпонент оперирует правилами подстановки. В качестве таких правил были использованы правила анализа по НС с одним, однако, существенным отличием: если в грамматике НС применение правил типа $S \rightarrow NP, VP$ — это именно анализ, разложение готового предложения, то в порождающей грамматике правила подстановки, внешне имеющие тот же вид, не связаны ни с анализом, ни с синтезом предложения, а представляют собой разворачивание (порождение) его структурной характеристики.

Базовый субкомпонент (как и все компоненты и субкомпоненты грамматики) мыслится в виде своего рода устройства, работающего автоматически следующим образом: на вход этого устройства подается символ S (предложение), который по правилам подстановки заменяется символами NP (именная составляющая) и VP (глагольная составляющая) и т. д., в общем так же, как это делается в грамматике НС. Соответственно в результате получается дерево уже известного нам типа:

Схема 1

³ Связь поверхностной структуры с фонетической формой объясняется тем, что элементами поверхностной структуры (в терминальной цепочке) ступают конкретные словоформы, которые должны быть представлены в ределенном фонетическом облике.

§ 118.2. Базовый субкомпонент описанным способом порождает базовые НС-показатели и соответствующие им базовые цепочки. Эти цепочки и показатели поступают в распоряжение трансформационного субкомпонента, работа которого состоит в применении к базовым НС-показателям трансформационных правил.

Трансформационные правила делятся на обязательные и факультативные, т. е. соответственно правила, применение которых для порождения предложений данного типа обязательно, и все остальные.

Предложения, которые порождаются с применением только обязательных трансформаций, называются ядерными⁴.

В основе каждого предложения лежит одно или несколько ядерных предложений. В последнем случае последовательность НС-показателей ядерных предложений называется базисом предложения.

В зависимости от того, к одному или более НС-показателям они применяются, трансформации делятся на сингулярные (одинарные) и обобщенные.

§ 118.3. Последовательность НС-показателей и трансформационных правил, которые к ним применяются для порождения соответствующего предложения, и представляет собой *глубинную структуру* данного предложения, или его *трансформационный показатель* (Т-показатель).

Рассмотрим упрощенный пример того, как осуществляется порождение предложения в генеративной грамматике.

Допустим, необходимо породить предложение *Я боюсь, рабочий, который покинул работу, будет уволен* (русский перевод английского примера, принадлежащего Хомскому). Базисом этого предложения является последовательность из НС-показателей трех ядерных предложений⁵, которые порождаются базовым субкомпонентом и некоторыми обязательными трансформациями:

A_1 — *Я боюсь* Δ (символ «дельта» — это так называемый «пустой символ», допускающий подстановку на его место необходимых непустых символов, знаков соответствующих категорий, а в терминальной цепочке — слов или конструкций);

A_2 — *Δ уволит рабочего;*

A_3 — *Рабочий покинул работу.*

Если очень упростить и деформализовать синтаксические процедуры, то процесс порождения предложения будет выглядеть следующим образом.

Первая трансформация применяется к ядерному предложению A_3 . Это — одинарная определительная трансформация

⁴ Как можно видеть, понятие ядерного предложения здесь претерпело изменения.

⁵ Для простоты мы оперируем ниже ядерными предложениями, а не их НС-показателями.

($T_{опр.}$), и состоит она в превращении предложения A_3 в конструкцию, где VP выступает как определение к NP : *Рабочий (NP) покинул работу (VP) → Рабочий, который покинул работу.*

Вторая трансформация — обобщенная трансформация вставления ($T_{вст.}$): результат первой трансформации она «вставляет» в ядерное предложение A_2 ⁶. Результат этой трансформации: Δ *уволит рабочего, который покинул работу.*

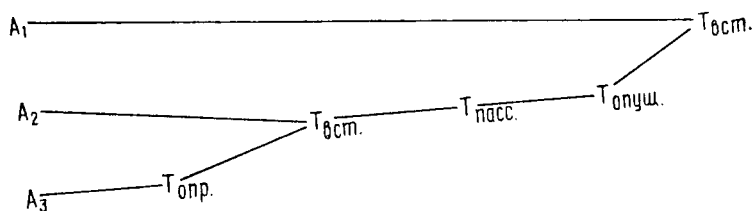
Третья трансформация — одинарная трансформация пассивации ($T_{пасс.}$), результат предыдущих трансформаций она превращает в конструкцию: *Рабочий, который покинул работу, будет уволен* Δ .

Четвертая трансформация — одинарная трансформация опущения ($T_{опущ.}$): ее действием опускается «пустой символ» в приведенной выше конструкции.

Наконец, последняя трансформация — снова обобщенная трансформация вставления, которая «вставляет» результат всех предыдущих трансформаций на место «пустого символа» предложения A_1 и получает: *Я боюсь, рабочий, который покинул работу, будет уволен.*

Все эти процедуры могут быть представлены схематически:

Схема 2

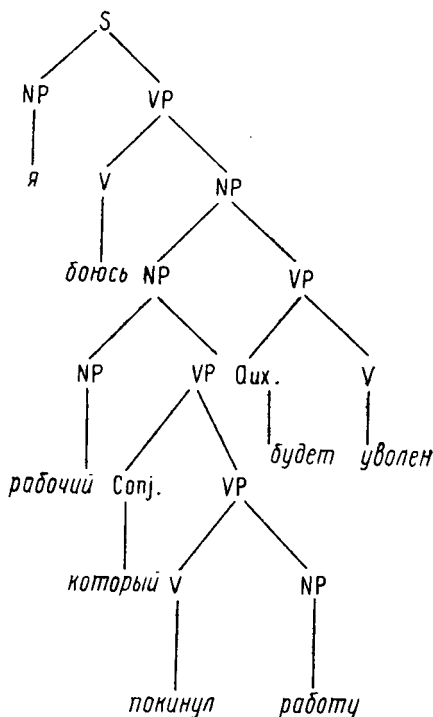

Приводимая здесь схема 2 и является T -показателем, т. е. глубинной структурой предложения *Я боюсь, рабочий, который покинул работу, будет уволен.*

Его поверхностная структура — $НС$ -показатель — изображена на другой схеме (схема 3), где $Conj$ — союзное слово⁷:

⁶ Здесь вступает в силу еще одно правило вставимости: вставление возможно не только на место «пустого символа», но также и в том случае, когда ядерные предложения содержат материально тождественные лексемы.

⁷ Дерево, приведенное на схеме 3, имеет отчасти искусственный характер. Так, фигурирующая в нем подстановка $NP \rightarrow NP, VP$, по-видимому, не принадлежит к регулярным правилам синтаксиса. Объясняется это тем, что, как уже указывалось ранее (см. § 103), в поверхностном синтаксисе, перипроушем $НС$, трудно описывать сложные предложения.

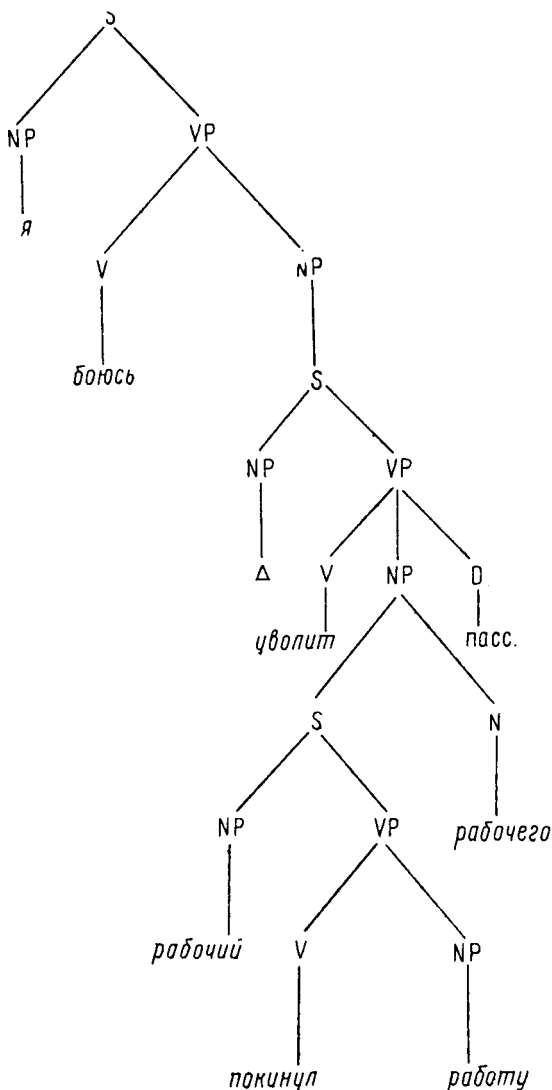
Знание Т-показателя дает всю необходимую информацию о семантической интерпретации предложения, а знание НС-показателя определяет не только поверхностную структуру, но и фонетическую интерпретацию предложения.

§ 119. Новая версия трансформационно-порождающей грамматики («стандартная теория») появилась с выходом в свет «Аспектов теории синтаксиса» Хомского.

Из существенных модификаций, которые были внесены на этом этапе, следует отметить две: во-первых, в базовый субкомпонент был введен лексикон, или словарь, во-вторых, в базовом субкомпоненте было разрешено применение рекурсивных правил, т. е. таких правил подстановки, которые в порождении данного предложения уже применялись и могут применяться еще раз. Главным образом это относится к правилам, оперирующим символом S: если раньше он мог появиться только один раз в самом начале порождения, то теперь было разрешено подставлять этот символ вместо «пустого» или символа NP (а иногда, по-видимому, и VP), в результате чего правила подстановки начинали действовать «заново».

Это привело к тому, что отпала необходимость в различении сингулярных и обобщенных трансформаций, ненужным стал особый трансформационный показатель: в данной версии базовый субкомпонент путем многократного введения символа S непосредственно порождает так называемые обобщенные НС-показатели. Именно обобщенные НС-показатели выступают здесь глубинной структурой предложения.

Схема 4

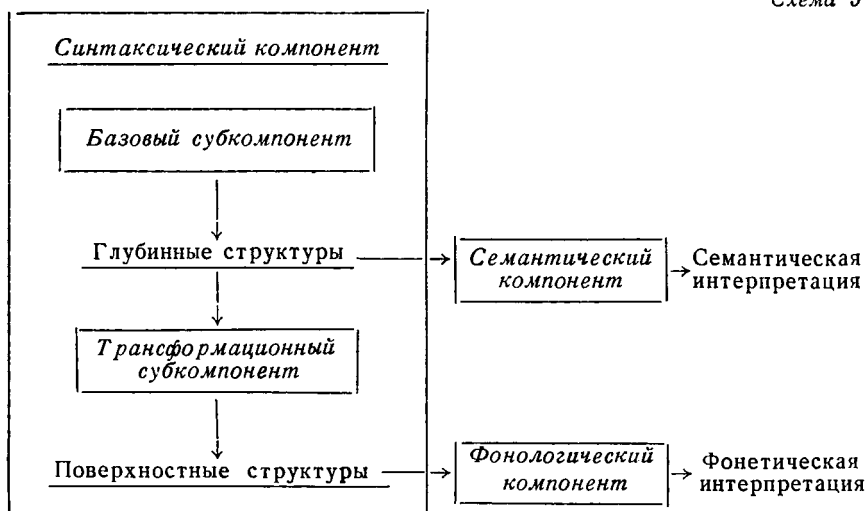
На приводимой выше схеме (схема 4) изображен обобщенный НС-показатель уже использовавшегося выше предложения *Я боюсь, рабочий, который покинул работу, будет уволен* (D — вид «пустого символа», указывающего на возможность применения трансформации пассивизации).

§ 120. Таким образом, в данной версии порождающей грамматики базовый субкомпонент непосредственно порождает глубинные структуры, которые затем поступают в распоряжение трансформационного субкомпонента. Трансформационный субкомпонент производит поверхностную структуру из глубинной.

Одновременно глубинная структура поступает в семантический компонент, который придает предложению семантическую интерпретацию. Поверхностная структура, в свою очередь, поступает в распоряжение фонологического компонента, который придает предложению фонетическую интерпретацию.

Общее строение грамматики в упрощенном виде можно представить схематически:

Схема 5

В настоящей версии порождающей грамматики по-прежнему считается, что семантическая интерпретация предложения полностью определяется его глубинной структурой⁸. Это объясняется тем, что глубинная структура наиболее прямым и непосредственным образом соотносится с семантической. Так, если семантическая интерпретация именной составляющей поверхност-

⁸ В более поздних версиях, которые здесь не отражены ввиду их неполной разработанности, допускается возможность влияния поверхностной структуры на семантическую интерпретацию предложения.

ной структуры отнюдь не однозначна, то первая именная составляющая глубинной структуры ($S \rightarrow NP, VP$) всегда соответствует субъекту, а вторая именная составляющая ($VP \rightarrow V, NP$) — объекту и т. п.

СЛОВАРЬ И ФОНОЛОГИЯ
В ПОРОЖДАЮЩЕЙ ГРАММАТИКЕ

§ 121. Базовый субкомпонент, как сказано, включает лексикон (словарь).

Единицы лексикона мыслятся как «пучки» признаков трех типов: семантических, синтаксических и фонологических.

Семантические признаки определяют каждую единицу наподобие того, как дифференциальные фонологические признаки определяют каждую фонему. Например, слову *холостяк* соответствует набор следующих семантических признаков: одушевленный, принадлежащий к людям, мужского пола, взрослый, не состоявший и не состоящий в браке. Семантические признаки определяют употребление единицы лексикона с семантической точки зрения.

Синтаксические признаки указывают на то, каким образом данная единица употребляется с грамматической точки зрения. По существу, эти признаки соответствуют традиционным признакам частей речи и других классов и подклассов слов.

Фонологические признаки — это дифференциальные признаки, отбирающиеся из универсального набора, действительного для всех языков. Каждая единица лексикона записывается как матрица, где отмечаются значения соответствующих признаков. Все признаки — двоичные, т. е. принимают одно из двух значений: положительное или отрицательное. Если значения одного или нескольких признаков полностью определяются контекстом, они вообще не обозначаются — в матрице оставляется пробел. Например, в английском языке при наличии трех начальных согласных первый из них — всегда *s*, поэтому в тех случаях, когда единица лексикона имеет три начальных согласных, первому из них в матрице отвечает пробел.

§ 122. Такой подход объясняется тем, что генеративная лингвистика стремится к максимально экономному описанию, причем наиболее экономными считаются описания с меньшим числом единиц, пусть даже это и достигается введением большего числа правил (как в только что приведенном случае, где требуется особое правило — вставлять *s* вместо начального пробела в матрице).

Идеальным лингвистическим описанием вообще и фонологическим в частности признается такое, которое обеспечивает

функционирование наиболее общезначимых правил, самыми нежелательными считаются так называемые «ad hoc правила» (т. е. правила для отдельных случаев). Основные результаты этого подхода для порождающей фонологии сводятся к следующему.

Во-первых, порождающая фонология последовательно отказывается выделять автономный фонологический уровень, отличный от морфонологического. Считается, что существуют два «звуковых» уровня: системно-фонологический, он же морфонологический, где обеспечивается запись единиц лексикона в терминах дифференциальных признаков (см. выше), и системно-фонетический, т. е. собственно фонетическая запись поверхностной структуры, которая получается в результате действия правил фонологического компонента.

Во-вторых, единицы лексикона записываются в максимально обобщенной форме. Признается допустимым, чтобы такая форма не совпадала ни с одной из форм, реально встречающихся в тексте, если из искусственно построенной словарной записи легче получить по общезначимым правилам все текстовые формы. Например, корень русского слова *берег* предлагается записывать в словаре как *берг*, английская морфема *right* получает словарную запись *rixht* (с отсутствующей в текстах фонемой) и т. п. Методика построения таких «унифицированных» словарных форм весьма близка реконструированию праформ в историческом языкознании (см. §§ 140—141), а правила вывода текстовых форм из словарной — законам исторической фонетики.

В случаях, подобных описанным, порождающая фонология в погоне за «экономными» моделями явно не учитывает желательности психолингвистического обоснования собственно лингвистических решений. С психолингвистической же точки зрения такие формы, как *rixht*, конечно, не могут претендовать на реальность.

§ 123. Вывод фонетического представления, т. е. получение фонетической текстовой записи из словарной, можно проиллюстрировать на следующем упрощенном примере.

Английские слова *logician* /lɒdʒɪʃən/ 'логик', *divide* /dɪvəɪd/ 'делить', *division* /dɪvɪʒən/ 'деление'⁹ имеют словарную запись соответственно *lɒdʒɪk-ɪən*, *dɪvɪd*, *dɪvɪd-ɪən*. Чтобы получить /lɒdʒɪʃən/ из *lɒdʒɪk-ɪən* и т. д., требуется применить определенные фонологические правила вида $a \rightarrow b/X - Y$, что читается: «а переходит в b в контексте (окружении) X—Y»¹⁰. Как сами

⁹ Транскрипция дана в соответствии с американской традицией Иейльской школы, воспринятой порождающей фонологией.

¹⁰ Правила этого вида называются контекстно-связанными, так как они применяются только в данном контексте, в отличие от контекстно-свободных правил, действительных для любого окружения. Различение контекстно-связанных и контекстно-свободных правил существенно не только для фонологии.

единицы (а и b), так и контекст (X и Y) описываются обычно в терминах дифференциальных признаков, например: $[+ \text{ гласн.}] \rightarrow [- \text{ огубл.}] \mid [\overline{- \text{ ударн.}}]$ ¹¹, т. е. «огубленные гласные становятся неогубленными в безударной позиции».

Правила применяются в строгой последовательности, каждое последующее правило прилагается к результату, полученному действием предыдущего.

Правила выбираются таким образом, чтобы они были максимально универсальными, чтобы число правил было наименьшим и чтобы каждое из них применялось к наибольшему числу словарных и промежуточных (получаемых в ходе преобразования) единиц.

Фонетическое представление указанных слов может быть получено применением следующих шести правил (в целях простоты правила формулируются преимущественно не в терминах дифференциальных признаков, а в терминах фонем и морфем).

$$1. \left. \begin{array}{l} \{ k \} \\ \{ t \} \\ \{ d \} \end{array} \right\} \longrightarrow s \mid \text{---} i$$

$$2. i \longrightarrow i \mid \text{---} zlon$$

$$3. \begin{array}{l} s + i \longrightarrow \int \\ z + i \longrightarrow \int \end{array} \mid \text{---} [+ \text{ гласн.}]$$

$$4. \text{«нуль»} \longrightarrow y \mid \left[\begin{array}{l} + \text{ гласн.} \\ + \text{ напряж.} \\ + \text{ передн.} \end{array} \right] \text{---}$$

$$5. i \longrightarrow \bar{a} \mid$$

$$6. \left. \begin{array}{l} \{ o \} \\ \{ a \} \end{array} \right\} \longrightarrow \text{ə} \mid [\overline{- \text{ ударн.}}]$$

Ниже показаны те изменения, которые претерпевает фонологический облик слова после применения каждого правила (прочерк означает, что к данной форме соответствующее правило не применяется).

Правило	С л о в о		
	lodzik-lan	divid	divid-lon
1.	lodzisl̄an	—	divizlon
2.	—	—	divizlon
3.	lodziʃan	—	divizon
4.	—	diviyd	—
5.	—	divāyd	—
6.	lodziʃəp	—	divizəp

¹¹ Запись признака под горизонтальной чертой, а не слева или справа от нее означает, что имеется в виду не синтагматический («линейный») контекст, а «нелинейный»: либо другие дифференциальные признаки той же фонемы, либо характеризующие данную позицию просодические явления (как в нашем примере).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Хомский Н. Синтаксические структуры.— «Новое в лингвистике». Вып. 2. М., 1960.
- Хомский Н. Логические основы лингвистической теории.— «Новое в лингвистике». Вып. 4. М., 1965.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

СЕМАНТИКА

§ 124. В последнее время исследование семантики языка выдвигается на передний план. Если еще недавно в лингвистике были влиятельными направления, которые стремились вывести изучение семантики за пределы языкознания, то сейчас, напротив, в наиболее важных лингвистических течениях семантическим проблемам придается первостепенное значение. Это вполне естественно: коль скоро речевая деятельность есть процесс установления соответствия «смысл \leftrightarrow текст», без изучения смысла, т. е. семантики, сколько-нибудь адекватное моделирование речевой деятельности невозможно.

ПОРОЖДАЮЩАЯ СЕМАНТИКА

§ 125. Из идей генеративной лингвистики выросла концепция так называемой порождающей семантики, которая противопоставляет себя «классической» порождающей грамматике. Весьма существенное изменение, которое внесла в генеративную лингвистику эта концепция, заключается в том, что глубинная структура здесь приравнена к семантической. В порождающей грамматике базовый субкомпонент порождает синтаксические глубинные структуры, которым лишь впоследствии семантический компонент придает семантическую интерпретацию. В отличие от этого в порождающей семантике непосредственно семантический компонент порождает глубинные структуры, уже содержащие основной смысл предложения¹. Трансформации здесь применяются на первых этапах порождения именно к смысловым структурам, постепенно «перерабатывая» их в поверхностные, как бы «одевая» языковой плотью логико-смысловой каркас предложения.

¹ Многие представители порождающей семантики вообще отказываются от понятия глубинной структуры. Это связано с тем, что они отрицают в принципе возможность установить какую бы то ни было границу между семантикой и синтаксисом: по мнению соответствующих авторов, процесс порождения высказывания состоит в постепенном переходе от семантического представления высказывания к его поверхностному представлению, и нельзя сказать, где «кончается» семантика и «начинается» синтаксис. Синтаксис при таком подходе понимается лишь как система правил ограничений, налагаемых на возможность выражения данного смысла.

§ 126. Можно выделить две основные разновидности порождающей семантики. Первая (стоящая особняком и не всегда даже включаемая в генеративно-семантические концепции) — это так называемая *надежная грамматика* Ч. Филлмора.

По Филлмору, первое правило подстановки выглядит так: $S \rightarrow M, P$, где M — модус, а P — пропозиция. К модусу относится все то в предложении, что не связано с его основным смыслом: наклонение, время, модальность и т. д. Пропозиция — это, так сказать, логический костяк предложения, основной смысл, который остается «за вычетом» модуса.

В пропозицию входит предикат, который в предложении, т. е. «поверхностно», чаще всего выражается глаголом, иногда — служебным словом, например, предикат совместности в русском языке может передаваться союзом *с*. В пропозицию входят также глубинные падежи, или семантические роли. Это семантические единицы, которые с необходимостью предполагаются данным предикатом, например, предикат, лежащий в основе глагола *давать*, предполагает глубинные падежи: «агент» (тот, кто дает), «объект» (то, что дают), «адресат» (тот, кому дают). (Ср. также § 130.)

Предпринимаются настойчивые попытки установить универсальный набор глубинных падежей, в терминах которых можно было бы описать все пропозиции. В последних работах Ч. Филлмора предлагается следующий набор глубинных падежей: агент, субъект восприятия, адресат, инструмент, объект, источник, цель, место, время. Например, в пропозиции, лежащей в основе предложения *Камень больно ушиб меня*, слову *камень* соответствует падеж «инструмент», слову *я* в предложении *Я получил зарплату* соответствует падеж «адресат» и т. д.

Поскольку глубинные падежи часто не соответствуют поверхностным падежам (или их аналитическим аналогам), то предлагается система правил, по которым такая глубинная структура может быть преобразована в поверхностную. Важную роль в системе правил играют правила введения подлежащего и введения дополнений. В частности, существуют следующие правила: падеж «агент» выражается подлежащим в первую очередь; если в данном предложении падеж «агент» не передается подлежащим, то позицию подлежащего в синтаксической структуре занимает слово, которому в пропозиции соответствует падеж «инструмент»; наконец, в противном случае подлежащим выражается падеж «объект».

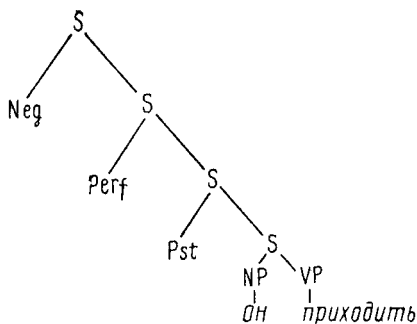
Имеются и правила формального выражения падежей. Так, принимается, что падежу «инструмент» в поверхностной структуре английского синтаксиса стандартно соответствует предлог *with*: если нет специального правила, то именно этот предлог употребляется со словом, которое несет семантику данного падежа. Если же такое слово употребляется в функции подлежащего, то предлог *with* устраняется из записи синтаксической

структуры. Наконец, если данное слово употребляется при глаголе *to play*, то предлог *with* либо элиминируется, либо заменяется предлогом *on*, ср.: *He can play piano* 'Он умеет играть на фортепиано' и *He is playing a sonata on the piano* 'Он исполняет сонату на фортепиано'².

§ 127 < Второе направление в порождающей семантике, представителями которого являются Дж. Мак-Коли, Дж. Лакофф и другие, ближе стоит к генеративной лингвистике Хомского. Если у Филлмора глубинная структура скорее создается комбинированием готовых элементов, то в данной разновидности порождающей семантики она порождается «традиционным» применением правил подстановки, только эти правила применяются к семантическим категориям. >

Порождение глубинной структуры предложения *Он не пришел* с точки зрения теории порождающей семантики упрощенно представлено на приводимой ниже схеме, где *Neg* (*negation*) — отрицание, *Perf* (*perfect*) — совершенный вид, *Pst* (*past*) — прошедшее время:

Схема

§ 128. Давая общую оценку направлениям порождающей семантики, следует отметить, что это течение в некоторых существенных своих чертах возвращается к «догенеративной» лингвистике. В самом деле, в теории Хомского характеристика предложения (если отвлечься от фонологии) описывается в терминах трех категорий — поверхностной структуры, глубинной структуры и семантической интерпретации³. Это и составляет одно из существенных отличий теории порождающей грамматики от других, более традиционных концепций, которые описывают предложение в терминах двух категорий — плана выра-

² Разумеется, правило должно ясно оговаривать, в зависимости от каких условий избирается тот или иной вариант.

³ Хотя семантическая интерпретация и «вытекает» из глубинной структуры, но не тождественна ей, так же как фонетическое представление не тождественно поверхностной структуре.

жения и плана содержания. Что же касается порождающей семантики, то данная теория описывает предложение в терминах именно двух (а не трех) категорий — семантической структуры, которую с известными оговорками можно приравнять к плану содержания, и поверхностной структуры, которая является прямым аналогом плана выражения в синтаксисе.

К этому следует добавить, однако, что с точки зрения представителей языкознания, развивающегося вне русла генеративного направления, в план содержания лингвистики входит лишь то, что имеет соответствия в плане выражения. А по мнению представителей порождающей семантики, следующих в этом за Хомским, глубинная структура должна отвечать за все потенциально возможные способы семантической интерпретации.

Представляется, что это шаг назад по сравнению с теми традиционными представлениями, которые настаивают на функциональном изучении аспектов языка в их взаимосвязи, без абсолютного отрыва плана содержания от плана выражения, и наоборот.

§ 129. Целесообразнее считать, что, скажем, две глубинные структуры приписываются предложению только в том случае, если каждой из них может в данном языке соответствовать своя отдельная поверхностная структура. Например, предложению *Мы рады приглашению артиста* действительно могут быть приписаны две глубинные структуры, так как одной из них соответствует поверхностная структура, которой обладает предложение *Мы рады, что артиста пригласили*, а другой — поверхностная структура, которую имеет предложение *Мы рады, что артист пригласил [нас]*. В отличие от этого лишь одна глубинная структура должна быть приписана предложению *Она пришла*, хотя здесь, в зависимости от референтной отнесенности местоимения, возможны различные семантические интерпретации, ср.: *Маша пришла* и *Весна пришла*⁴. Одна глубинная структура должна быть приписана предложению *Она пришла* потому, что разные семантические интерпретации в этом случае не могут передаваться посредством особых поверхностных структур.

Можно сказать, что множественность глубинных структур для одного предложения — это результат не полисемии, а нейтрализации: *артиста пригласили* и *артист пригласил* различаются, так сказать, в сильной позиции, но в контексте типа *Мы рады* это различие снимается в силу номинализации (превращения глагольной составляющей в именную), т. е. происходит синтаксическая нейтрализация.

В случае неоднозначности предложения с местоимением и

⁴ О том, что семантические интерпретации последних двух предложений не совпадают, говорит невозможность образования предложения **Пришли весна и Маша*.

глаголом *приходить* возможность разных семантических интерпретаций есть следствие полисемии самого глагола (*приходить* как *наступать* и *приходить* как *прибывать*). Такая неоднозначность — факт словаря. В отличие от этого в предложении с глаголом *приглашать* сам глагол полностью сохраняет семантическую однозначность, и неоднозначность конструкции вызывается собственно синтаксическими причинами.

СЕМАНТИКА СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКА СЛОВАРЯ

§ 130. Изложенные выше представления порождающей семантики относятся к *семантике синтаксиса*. Семантику синтаксиса можно определить как план содержания синтаксических структур.

План содержания синтаксической структуры предложения иногда описывают при помощи понятия *ситуации* (родственного понятию *пропозиции*, о котором говорилось ранее, см. § 126). Ситуация — это основной смысл, выражаемый синтаксической структурой, который может быть передан средствами данного языка, но остается неизменным при разных синтаксических структурах, соответствующих в плане выражения этому смыслу. Элементы ситуации — это десигнаты (не денотаты!), которые, однако, не «привязаны» к отдельным знакам: ситуация представляет собой смысловую структуру, которая остается инвариантной при взаимных преобразованиях синтаксических структур.

Ситуацию чаще всего называет глагол. Так, глагол *давать* описывает ситуацию давания.

Каждая ситуация предполагает вполне определенный количественно и качественно состав объектов, которые с необходимостью в ней участвуют, на которые данная ситуация обязательно распространяется. Эти объекты называются участниками ситуации, или партиципантами, или семантическими актантами. Например, в ситуации, которую описывает (называет) глагол *давать*, три участника: субъект ситуации (тот, кто дает), объект ситуации (то, что дают) и адресат (тот, кому дают). В ситуации, которую называет глагол *умирать*, один участник — субъект ситуации (тот, кто умирает). В ситуации, называемой глаголом *вечереть*, партиципантов нет, это крайний случай, причем достаточно редкий.

§ 131. Участники ситуации определяются по так называемому лексикографическому толкованию слов. Это означает, что для определения участников ситуации, которую называет данный глагол, пользуются описанием, соответствующим истолкованию значения этого глагола в толковом словаре. Например, словарное описание значения глагола *награждать* обязательно

должно включать схему вида: «А награждает В за С [посредством] D». А, В, С и D будут участниками ситуации (причем С, в свою очередь, тоже является ситуацией).

§ 132. Лексикографическое толкование слова не исчерпывается перечислением участников ситуации, свойственных его смыслу. Например, для значений глаголов *бить* и *ласкать* устанавливаются одни и те же участники ситуации, но значение их различно, и это различие должно быть явным и точным образом отражено в соответствующих лексикографических толкованиях. Такое более детальное описание значения слова, относительно независимое от синтаксиса, принадлежит уже *семантике словаря*.

В последнее время в семантике возникла тенденция описывать значение слов посредством особых элементарных, или атомарных, смыслов, так называемых сем. Семы в какой-то степени аналогичны дифференциальным признакам в фонологии, однако отличаются от последних прежде всего тем, что тип связи между семами небезразличен для значения, которое описывает данный набор сем (см. ниже, § 132. 2).

§ 132.1. Не существует, вообще говоря, универсальной методики, пользуясь которой можно было бы определить, какие смыслы являются элементарными, т. е. семами, а какие — нет, и с помощью каких именно сем можно и нужно описывать значение того или иного слова. Общий подход заключается в том, что исследователь должен максимально просто и определенно представить синонимичные значения как синонимичные, т. е. тем же набором сем, близкие значения — частично совпадающим набором сем и т. д. и т. п.

Приведем пример того, как описывается значение слова *только* применительно к таким его употреблениям, как *Я купил только чашки*, *Я знаю только русский язык*, *Собака только обнюхала его* и т. п. Значение этого слова определяется через семы «и», «существовать», «не», «равняться» («быть тождественным»), а именно: в предложении, например, *Я купил только X* слово *только* означает «Не существует такого Y, который бы я купил, и этот Y не был бы тождественным X». В более общей форме это значение записывается так: выражение «Р (только X)», где Р может быть *купить*, *знать*, *обнюхать* и т. д., означает «имеет место Р по отношению к X [т. е. *покупка чашек*, *знание русского языка* и т. д.], и неверно, что существует Y, по отношению к которому имеет место Р, и Y не тождествен X».

Как видим, описание получается внешне сложным и громоздким, но абсолютно точным и недвусмысленным. Чрезвычайно существенно, что семы действительно являются элементарными; те же самые семы могут употребляться в толковании огромного числа других слов.

§ 132.2. Как сказано выше для описания значения слова

важен не только сам набор сем, но также и тип связи между ними, т. е. структура данного комплекса сем. Применительно к изложенному выше толкованию значения слова *только* это означает, в частности, что важно относить отрицание «неверно» ко всей части толкования, следующей за данной семой. В самом деле, изменим место отрицания, сформулировав соответствующую часть толкования так: «... и существует Y, по отношению к которому не имеет места P, и Y не тождествен X». На примере высказывания, где P есть *покупка чашек*, это будет означать: «Я купил чашки, и существует нечто, чего я не купил, и это нечто не является чашками». По-видимому, такое толкование уже не передает значения «только»; ближе всего это толкование подходит к значению слов типа *именно*, т. е. *Я купил чашки, именно чашки, а не что-либо другое*. Подчеркнем еще раз, что новое значение возникло не в результате замены семы, а в результате изменения связей между теми же семами.

§ 132.3. Как можно видеть, при толковании слова *только* выше мы рассматривали его в составе определенных выражений, высказываний, а тем самым его значение анализировалось в рамках некоторых семантических структур. Это — принципиальное обстоятельство. Слова типа *только* принадлежат к единицам, которые не могут быть семантически истолкованы, если мы возьмем их изолированно. Важнейший класс среди таких единиц составляют слова с предикатным значением. Как уже отмечалось ранее, предикаты чаще всего выступают десигнатами глаголов. Например, если мы описываем семантику глагола *заезжать*, то в его лексикографическом толковании мы обязаны указать, что в значении этого глагола содержится информация о наличии субъекта действия (тот, кто заезжает), места, выступающего как конечный пункт данного действия (куда заезжают), указание на то, что данное действие не является конечной целью, а входит в состав другого действия, указание на относительную кратковременность пребывания в конечном пункте и (очевидно, факультативное) указание на лицо — адресат действия (к кому заезжают). Все это как раз и означает, что мы реально рассматриваем глагол *заезжать* в составе высказываний типа *По дороге мы на два дня заехали к друзьям в Одессу, Надо еще заехать на вокзал, Если будет время, заедем в Сигулду* и т. п.

Заметим, что многие из смыслов, перечисленных выше в качестве необходимых компонентов значения глагола *заезжать*, не являются, вообще говоря, элементарными — они сами могут быть описаны посредством более простых, атомарных смыслов⁵. Это вполне допустимо, важно лишь, чтобы в толкованиях не допускалось порочного круга.

⁵ Например, к таким смыслам относится, несомненно, значение слова *транспорт*.

§ 132.4. Предикатам противостоят имена — такие слова, для описания значения которых не требуется рассматривать их в составе высказываний. В качестве примеров можно привести названия разного рода предметов (*роза, сукно*), применительно к которым достаточны традиционные родо-видовые толкования. Нужно лишь упомянуть, что, во-первых, эти толкования также должны представлять собой структуры сем, а во-вторых, все толкования, приводимые в словаре рассматриваемого рода, вообще говоря, не должны носить энциклопедического характера: такие толкования в явном виде отражают интуитивное владение языком, т. е. владение, благодаря которому носитель языка способен адекватно употреблять данные слова, а также определять, какие высказывания являются синонимичными, а какие — нет. Например, средний носитель русского языка знает, что золотник — это деталь паровой машины, однако вряд ли способен дать точное описание этой детали (пример Л. В. Щербы).

§ 133. Описание значений слов посредством структуры сем существенно также для обоснования парадигматической группировки слов в словаре. Такая группировка осуществляется обычно в так называемых идеографических, или идеологических, словарях. Идеографический словарь — это словарь такого типа, где слова даются группами в соответствии с их значениями под такими, например, рубриками, как «жилище», «транспорт»⁶.

Используя элементарные смыслы и их комбинации, мы можем более точно описать классификацию лексики, т. е. ее парадигматическую группировку. Так, можно утверждать, что наиболее широкий класс (в каком-то данном отношении) образуют слова, значения которых включают некоторую минимальную подструктуру сем; для установления более узкой группировки необходима большая общая часть в толковании соответствующих слов; наконец, абсолютная синонимия требует полного совпадения толкований. Например, все слова со значением «транспорт», очевидно, обладают смыслом, который приблизительно можно описать как «предназначенность для перемещения людей и/или грузов». Слова *поезд, автобус, трамвай* и др. наряду с этим будут характеризоваться значением типа «перемещающийся по суше» и т. д.

Заметим, что в подавляющем большинстве случаев важными для классификации описанного типа окажутся именно целые структуры сем, а не элементарные смыслы наподобие «и», «быть тождественным» и др. (см. § 132.1), так как последние слишком абстрактны и, соответственно, входят — непосредственно или опосредованно — в слишком большое число толкований, чтобы

⁶ Эти рубрики могут объединяться в рамках более широкой темы типа «общественная жизнь человека» и, наоборот, разбиваться на более мелкие типа «наземный», «водный», «воздушный транспорт» и т. п.

можно было пользоваться ими для классификации (парадигматической группировки).

§ 134. Для описания парадигматических и синтагматических отношений слов, связанных по смыслу, важную роль играет понятие *лексических коррелятов*.

Под лексическими коррелятами слова понимают, с одной стороны, те слова (и соответствующие им значения), которые могут или должны заменять данное слово (значение) в определенных контекстах; с другой стороны, к лексическим коррелятам относят также те слова, которые употребляются для выражения определенных значений при данном слове (и сами эти значения). Первый тип лексических коррелятов называют лексическими заменами, второй тип — лексическими параметрами (см. ниже).

Зависимость, которая связывает слово с его лексическим коррелятом, называется лексической функцией.

§ 134.1. Лексические корреляты и соответствующие им функции делятся, как уже сказано, на два типа: замены и параметры. Замены отражают парадигматические отношения слова, т. е. возможность или необходимость его замены в определенных контекстах. Типичные примеры замен — синонимы, антонимы, конверсивы. Например, синонимом к *огромный* является *громадный* (первое слово можно заменить на второе в контексте *жилой массив*), антоним слова *тяжелый* — *легкий*, причем значение второго из этих слов получается путем замены на противоположную одной семы: *тяжелый* имеет толкование «обладающий весом больше нормы», а *легкий* — толкование «обладающий весом меньше нормы». Конверсивом для слова *покупать* является слово *продавать*: они описывают одну ситуацию, но как бы с разных точек зрения; каждое употребляется в своем лексическом контексте. Точно так же конверсивом слова *преподавать* служит слово *учиться*, конверсивом к слову *бояться* — слово *страшить* и т. д.

§ 134.2. В отличие от замен лексические параметры отражают синтагматические смысловые отношения слов. Лексические параметры — это типовые, общие значения, которые имеют специальное выражение посредством разных слов в зависимости от контекста⁷. В литературе описываются, в частности, следующие параметры.

Параметр «высокая степень», «интенсивность» обозначается аббревиатурой *Magp* (от лат. *magnus* 'большой'). Этот параметр выражает высокую степень или интенсивность действия, признака и т. п. и выражается при разных словах (в разных контекстах) различными лексическими средствами. Например, при слове *брюнет* параметр *Magp* выражается словом *жгучий*.

⁷ Сами эти слова также иногда называют лексическими параметрами.

при слове *тьма* — словом *крошечная*, при слове *знать* — словами *досконально*, *назубок* и некоторыми другими⁸, при слове *рыжий* параметр *Magp* выражается словом *огненно* и т. д.

Параметр, обозначающийся аббревиатурой *Oreg* (от лат. *operāri* 'совершать'), указывает на связь действия с его необходимым субъектом или объектом. Например, при слове *поддержка* этот параметр выражается словами *находить*, *встречать* (для объекта) и *оказывать* (для субъекта), при слове *травма* — *получать* (для объекта) и *наносить* (для субъекта), при слове *экзамен* — *сдавать* или *держат* (для объекта) и *принимать* (для субъекта) и т. д.

Параметр «каузация», обозначаемый *Caus* (от лат. *causa* 'причина'), передает действие, которое приводит к данному результату, возникновению данного объекта и т. п. Например, при слове *сквер* параметр *Caus* выражается словом *разбивать*, при слове *слезы* — словами *доводить до*, при слове *преступление* — словами *толкать на* и т. д.

Противоположный к *Caus* параметр — *Liqu* (от лат. *liquēre* 'быть ясным', 'исчезать') обозначает действие, приводящее к прекращению данного состояния, к уничтожению (ликвидации) объекта. Например, при слове *иллюзии* данный параметр выражается словом *рассеивать*, при слове *сон* — словами *прерывать*, *нарушать* и т. д.

Параметры *Incer* (от лат. *incipere* 'начинать') и *Fin* (от лат. *finire* 'кончать') обозначают соответственно начало и конец действия. Например, при слове *ветер* параметр *Incer* выражается словом *подыматься*, а параметр *Fin* — словом *стихать*.

§ 134.3. Все лексические параметры, приведенные и приблизительно описанные выше, иллюстрировались при этом такими случаями, когда каждому параметру соответствует свое выражение посредством отдельного слова. Иначе говоря, везде использовались так называемые простые лексические функции. Наряду с этим можно говорить о сложных лексических функциях в тех случаях, когда одно слово (выражение) отвечает нескольким лексическим параметрам одновременно. Например, слова *вставать на путь* при словах *предательство*, *измена* и т. д. означают одновременно и параметр *Incer*, и параметр *Oreg*; слова *сдавать в* при слове *эксплуатация* передают одновременно параметры *Caus* и *Oreg*.

§ 134.4. Важность понятия лексических коррелятов — замен и параметров — состоит прежде всего в том, что, пользуясь этими последними, мы получаем в итоге достаточно высокую организацию, систематизацию огромных пластов разнообразной и на первый взгляд пестрой лексики. В этом — существенность указанных семантических категорий с точки зрения парадигматики.

⁸ В отличие от этого сочетание *знать прекрасно* не есть использование лексического параметра, так как слово *прекрасно* выражает соответствующий смысл не только в данном контексте, а практически в любом.

Лексические параметры помимо этого представляют сочетаемость смысловых единиц, в конечном счете слов с данным значением. Здесь проявляется принципиальная роль данной семантической категории для эффективного описания синтагматики.

§ 135. Связь семантики словаря, оперирующей парадигматически соотносящимися лексикографическими толкованиями, и семантики синтаксиса, имеющей дело с синтагматическими отношениями в предложении и т. п., сказывается также в следующем. Всякий естественный текст семантически связан. Пользуясь понятиями семы и лексикографического толкования, это можно определить так: семантическая связность текста имеет место в том случае, если лексикографические толкования слов, входящих в определенные синтаксические сочетания, содержат общие семы. Например, в таком фрагменте текста (одном предложении), как *Собака лает*, мы без труда усматриваем связность, и эта связность может быть объяснена именно тем, что в значении глагола *лаять* входят наряду с прочими те же семы, что содержатся в значении слова *собака* (так как значение «лаять» невозможно описать, не указав, что это есть действие, присущее собаке).

Принцип повторения сем в значениях синтаксически связанных слов важен также для снятия многозначности слов в контексте, т. е. для выбора одного из возможных значений многозначного слова. Ю. Д. Апресян приводит такой пример. В предложении *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите* почти все слова многозначны: так, *кондитер* обозначает не только специалиста по приготовлению сладостей, но и владельца кондитерской, *жарить* значит и «готовить пищу», и «обдавать зноем», слово *хворост* — и вид печенья, и «сухие отпавшие ветви», слово *газовая* может означать помимо «работающая на газе» также «состоящая из газа», «выделяющая газ» и т. д., *плита* может также иметь значение «плоский кусок твердого материала». Интуитивно любой носитель русского языка даже не принимает во внимание всех возможных значений слов, а сразу ориентируется на те единственные, которые дают связный текст. Эти интуитивные операции можно в явном виде описать таким образом, что из всех возможных значений мы выделяем те, в которых в максимальной степени повторяются общие, одни и те же семы. В частности, для приведенного выше предложения выбираются такие значения слов, в которые входит сема «пища», и повторение этой семы создает связность текста, в данном случае — предложения.

§ 136. Все то, что говорилось выше о семантике словаря, является, по существу, описанием требований к структуре толкового словаря и его статей: именно толковый словарь должен обеспечивать лексикографические толкования слов и давать пра-

вила их сочетаемости «по смыслу». Желательно также, чтобы толковый словарь указывал на парадигматические группировки слов, приводя, в частности, их синонимы, антонимы, конверсивы и, шире, перечисляя их лексические функции.

Хорошо известно, однако, что знания смысловых характеристик далеко не достаточно для правильного употребления слов. Поэтому словарь должен указывать также возможные соответствия между единицами семантики и единицами синтаксиса. Схему такого соответствия называют диатезой. В диатезе отмечается, каким синтаксическим актантом (членом предложения) выражен субъект ситуации, каким — объект и т. д. Диатеза имеет следующий вид: $Ag=Sb, Pt=Ob^{rec}$, где Ag — субъект ситуации (от лат. *agens*), Sb — подлежащее (от лат. *subjectum*), Pt — объект ситуации (от лат. *patiens*), Ob^{rec} — прямое дополнение (от лат. *objectum rectum*).

Например, при глаголе *строить* должно быть указано, что ему свойственны следующие диатезы: 1) $Ag=Sb, Pt=Ob^{rec}$; 2) $Ag=Ob^{ag} Pt=Sb(Ob^{ag}$ — агентивное дополнение); 3) $Ag=\times, Pt=Sb$, где \times («косой крест») означает невозможность выраженности данного участника ситуации; 4) $Ag=\times, Pt=Ob^{rec}$.

Приведем примеры предложений, в которых реализуются указанные диатезы: 1) *Плотники строят дом*, 2) *Дом строится плотниками*, 3) *Строится дом*, 4) *Строят дом*.

Если мы имеем словарь языка, содержащий всю информацию описанного выше рода, плюс специальные пометы, указывающие на то, какие правила грамматики и фонетики применимы к каждому слову, то тем самым мы обладаем возможностью построить любое высказывание с заданным смыслом, а также дать адекватную семантическую интерпретацию любому высказыванию на этом языке (если оно не очень отклоняется от нормативного).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова Н. Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора.— «Вопросы языкознания». 1973, № 1.
- Жолковский А. К. О глубинном и поверхностном синтаксисе (на материале языка сомали).— «Известия АН СССР. Серия языка и литературы». 1970, № 5.
- Жолковский А. К. Материалы к русско-сомалийскому словарю.— Вопросы африканской филологии. М., 1974.
- Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974.
- Холодович А. А. Залог. Определение. Исчисление.— Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970.
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

§ 137. Генетическое изучение языков — это изучение языков с точки зрения их происхождения. В результате такого исследования можно установить генеалогическую классификацию языков, т. е. их группировку по признакам наличия/отсутствия и большего/меньшего родства.

Признание наличия родства предполагает, что родственные языки являются «потомками» одного общего языка, который называют *праязыком*, или *языком-основой*: коллектив людей, говоривших на этом языке, в определенную эпоху распался в силу тех или иных исторических причин, и у каждой части коллектива в условиях самостоятельного, относительно изолированного развития язык изменялся «по-своему», в результате чего и образовались соответственно отдельные языки.

Большая или меньшая степень родства зависит от того, как давно произошло разделение языков, их отделение от языка-основы: чем дольше языки развивались самостоятельно, тем дальше они «отошли» друг от друга, тем отдаленнее родство между ними. Разумеется, в изложенной схеме проблема предстает в несколько упрощенном виде, но основные положения именно таковы.

Следовательно, для установления генеалогической классификации языков требуется ответить на следующие вопросы: во-первых, родственны ли рассматриваемые языки, т. е. восходят ли они к одному и тому же языку-основе; во-вторых, если языки родственны, насколько близко их родство, т. е. какие языки раньше отделились от языка-основы, а какие — позже.

§ 138. Для того чтобы ответить на первый вопрос, нужно, очевидно, каким-то образом сравнить интересующие нас языки. Возникает проблема: что именно необходимо сравнивать? По существу в литературе предлагаются два способа решения этой проблемы: по мнению одних авторов, прежде всего необходимо сравнивать строй языков — их фонетику, грамматику; другие специалисты считают, что сопоставлению подлежат непосредственно материальные элементы языков — слова, морфемы.

Первая точка зрения вызывает серьезные возражения. Дело в том, что очень близкие фонетические и грамматические характеристики нередко встречаются у языков, о родстве которых

заведомо не может быть и речи. Например, тонами обладают языки Западной Африки и Юго-Восточной Азии, между некоторыми из них существует и замечательный грамматический параллелизм. Однако абсолютно ясно, что эти языки не могут быть родственными.

Такое сходство является случайным в том смысле, что оно ни в коей мере не объясняется общим историческим происхождением. (Хотя, разумеется, об абсолютной случайности говорить нельзя; строй языков имеет внутреннюю логику развития, в которой много универсального, и одна какая-то грамматическая или фонетическая характеристика может оказаться определяющим фактором для появления целого ряда других, в результате мы наблюдаем значительное подобие строя языков.)

Отмечаются и прямо противоположные случаи, когда языки при несомненном родстве существенно отличаются по своему строю. Примером могут служить русский и болгарский или хинди и ассамский, строй которых обнаруживает заметные различия (в болгарском и ассамском больше развит аналитизм, чем в русском и хинди соответственно), несмотря на очевидное родство болгарского языка с русским и ассамского с хинди.

§ 139. Можно сделать вывод, что заключения о родстве языков или, наоборот, о его отсутствии на основании фонетических и грамматических свидетельств являются по меньшей мере рискованными.

Альтернативное решение состоит в том, чтобы сравнивать материальные элементы языков — слова и морфемы. Если сходство в строе языков может оказаться случайным, то наличие сколько-нибудь значительного числа общих слов, морфем не может быть случайным: оно объясняется или общим происхождением, или заимствованиями. Доказав, что в данном случае заимствований не было¹, мы оставляем лишь первый вариант: наличие общих морфем говорит об общем происхождении.

Такое заключение непосредственно следует из положения о произвольности связи между означающим и означаемым знака: поскольку из данного значения не следует с необходимостью данное звучание и наоборот, то сам факт, что в разных языках в большом числе случаев сопоставимым значениям соответствуют сопоставимые звучания, никак не случаен.

§ 140. Остается определить, как следует понимать сопоставимость звучаний, с одной стороны, и значений — с другой. Разумеется, лишь в близкородственных языках типа русского и украинского часты полные совпадения, например: *рука*. В большинстве же случаев обнаруживаются регулярные соответствия в фонемном составе означающих морфем с

¹ Хотя доказать это бывает отнюдь не просто.

близкой семантикой. Например, русск.² *бер-* (ср. *беру, брать*) соответствует скр. *bhár-*, авест. *bar-*, греч. *φέρ-*, лат. *fer-*, чеш. *ber-*, польск. *bior-* и т. д.; аналогично русск. *брат* соответствует скр. *bhrātṛ-*, авест. *brātar-*, греч. *φράτηρ-*, лат. *frater-*, чеш. *bratr-*, польск. *brat-* и т. д. Необходимо стремиться к тому, чтобы сопоставления такого рода охватывали максимальный объем лексики и весь доступный круг языков.

Нужно учитывать, что в процессе развития слова изменяют свои значения, поэтому сопоставимость семантики также далеко не всегда сводится к ее тождеству. Так, оказывается, что русская морфема *меж-* (*межа, смежный*) должна сопоставляться с англ. *middle*, нем. *Mittel*, арм. *mež* со значением «середина». Точно так же корень, соответствующий русск. *бер-*, в большинстве языков означает «нести», а не «брать».

§ 141. Наиболее продуктивным и методологически правильным является, однако, не прямое сопоставление морфем языков, а конструирование гипотетических праформ: если мы предполагаем, что данные языки родственны, то для каждого ряда семантически родственных морфем этих языков должна была существовать в языке-основе праформа, к которой они все восходят. Следовательно, нужно показать, что существуют правила, согласно которым можно объяснить переход от некоторой праформы ко всем существующим морфемам в данных языках. Так, вместо «прямого» сопоставления русск. *бер-* и его аналогов в разных языках (см. § 140) предполагается, что в праиндоевропейском существовала форма **bher*, которая по определенным законам³ перешла во все те засвидетельствованные в языках-потомках формы, что приводились выше.

Соответственно определение родства можно сформулировать так: языки должны считаться родственными, если можно установить систему правил, которые связывают ряды материальных единиц каждого из них с одной и той же гипотетической праформой языка-основы.

§ 142. В последние десятилетия для выяснения степени родства языков стал использоваться новый метод, который позволяет посредством применения специальных подсчетов определить, как давно разошлись те или иные языки. Это — метод *глоттохронологии*, первоначально предложенный американским лингвистом М. Сводешем. Метод глоттохронологии основывается на следующих предположениях. В лексике каждого языка имеется слой, составляющий так называемый основной сло-

² Здесь использованы следующие сокращения названий языков: русск.— русский, скр.— санскрит, авест.— авестийский, греч.— греческий, лат.— латынь, чеш.— чешский, польск.— польский, англ.— английский, нем.— немецкий, арм.— армянский.

³ Формулировку правил, отражающих эти законы, мы не приводим.

в а р ь. Лексика основного словаря служит для выражения простых, необходимых понятий. Соответствующие слова должны быть представлены во всех языках, причем они в наименьшей степени подвержены замене в результате заимствований или развития значений тех или иных слов. Иначе говоря, основной словарь обновляется очень медленно.

Еще более существенно, что скорость такого обновления, как следует из работ Сводеша и других, является постоянной для всех языков. По подсчетам на материале языков, имеющих длительную засвидетельствованную историю, установлено, что лексика основного словаря заменяется со скоростью, составляющей 19—20% в тысячелетие, т. е. из каждых 100 слов основного словаря через тысячелетие сохраняется примерно 80.

§ 143. Для конкретных глоттохронологических исследований используется наиболее важная часть основного словаря в объеме 200 единиц — 100 основных, или диагностических, и 100 дополнительных. В число основных лексических единиц входят такие слова, как *рука, нога, луна, дождь, дым*, в дополнительный словарь такие слова, как *низ, губа, плохой*.

Для того чтобы определить время расхождения двух языков, следует для каждого из них составить списки 200 слов основного словаря, т. е. дать эквиваленты этих слов в данных языках. Затем необходимо выяснить, сколько пар семантически тождественных слов из двух таких списков можно считать родственными, связанными регулярными фонетическими соответствиями. Число этих пар, выраженное в процентах, которое принято обозначать символом C , подставляется в формулу:

$$t = \frac{\log C}{2 \log r},$$

где t — время расхождения языков (в тысячелетиях), а r — постоянный коэффициент сохранения общей лексики за тысячелетие, т. е. 80—81%⁴.

Имеется и более сложная методика математического определения степени родства языков, в целом исходящая из тех же представлений. В литературе высказывались и сомнения в универсальности и надежности методики глоттохронологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Арапов М. В., Херц М. М. Математические методы в исторической лингвистике. М., 1974.
Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-исторических исследований. М., 1971.

⁴ Наличие в знаменателе цифры 2 объясняется тем, что в каждом языке основной словарь изменялся по-своему, поэтому, рассматривая пары слов из двух списков, мы получаем, соответственно, удвоенное время расхождения языков.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

§ 144. Типология — это сравнительное изучение строя языков. Наиболее обычным результатом такого изучения выступает типологическая классификация языков, т. е. установление групп, или классов, языков по особенностям их строя.

Известна прежде всего *морфологическая классификация* языков, которая все языки относит к одному из четырех классов: к аналитическим языкам, агглютинативным, флективным и инкорпорирующим (полисинтетическим). Характеристики первых трех классов легко соотнести с типами служебных морфем, которые были выделены в главе «Морфология» (см. §§ 59—59.2): языки, для которых характерно использование служебных слов, причисляются к аналитическим; языки, использующие преимущественно агглютинативные аффиксы, являются агглютинативными, а языки, для которых типичны флективные аффиксы, принадлежат к классу флективных.

Инкорпорирующие языки выделяются тем, что цельюноформленностью здесь обладает не слово, а словосочетание или же все предложение. Имеются два основных способа выражения такой цельюноформленности (которые могут в отдельных языках и типах языковых единиц использоваться одновременно). Первый способ — собственно грамматический, известный как «замыкание», при котором, например, все предложение оказывается в «рамке», состоящей из глагольного префикса и глагольного постфикса, а между ними располагаются все члены предложения в формах, материально совпадающих с основами. Так, в чукотском языке, например, *ты-ата-каа-нмы-ркын* 'Я жирных оленей убиваю' — это так называемый инкорпорируемый комплекс, где *-нмы-* — глагол 'убивать', *ты-* — префикс глагола, а *-ркын* — его постфикс, *-ата-* 'жир' и *-каа-* 'олень' входят «внутрь» такого комплекса.

Другой способ обеспечения цельности инкорпорируемого комплекса — фонологический. В этом случае единство комплекса создается своего рода сингармонизмом, который распространяется не на слово (как, например, в тюркских языках), а на словосочетание или предложение, являющееся инкорпорируемым комплексом. Ср. чукотск. *кэйңы* 'медведь', но *та-кайңы-налы-ма* 'с медвежьей шкурой', где *э* в силу гармонии гласных заменяется на *а*.

§ 145. Традиционный подход с точки зрения морфологической классификации языков недостаточно эффективен по той причине, что языки, как правило, не обнаруживают полного единообразия и последовательности в своих грамматических характеристиках: в рамках одного и того же языка нередко можно наблюдать явления как флективности, так и аналитизма и т. д. Например, английский язык использует как аналитические средства (предлоги, служебные глаголы, порядок слов), так и агглютинативные (окончания числа, окончания типа *-ing*, *-ed*). Во многих языках даже в пределах одной парадигмы сочетаются флективные и аналитические формы (ср. русск. *читаю* — *читал* — *буду читать*). Поэтому классификационному подходу противопоставляют подход характерологический, при котором устанавливается не перечень классов, а перечень параметров, признаков: по данному набору признаков характеризуется каждый язык. Соответственно при таком способе типологического изучения языков результатом исследования является не отнесение каждого данного языка к тому или иному (единственному) классу, а его комплексная характеристика по целому ряду признаков, когда по одному признаку обнаруживается одна группировка языков, а по другому — другая.

Вполне естественно, что характерологическая типология может оперировать признаками, относящимися к разным уровням языковой системы — не только к морфологическому, но также фонологическому и синтаксическому.

§ 146. В разделе, посвященном фонологии, уже говорилось о выделении наряду с «традиционными» неслоговыми языками также особого класса слоговых языков, к которым принадлежат китайский, вьетнамский, бирманский и целый ряд других языков (см. §§ 49—50). Там же указывались признаки, по которым происходит разграничение неслоговых и слоговых языков: (А) возможность/невозможность для данного языка морфем, означающие которых представлены единицами, меньшими, нежели слог, (В) возможность/невозможность ресиллабации. По этим же признакам можно выделить еще два класса языков, и тогда мы получим фонологическую типологию языков с данной точки зрения, или по данному параметру. Дополнительные два класса языков, которые можно выделить по признакам (А) и (В), — это индонезийские языки, в которых невозможны морфемы с означающими «короче» слога, но возможна ресиллабация, и мон-кхмерские языки, где, наоборот, невозможна ресиллабация, но возможны одноконсонантные префиксы, инфиксы и т. п. Соответственно типологическая характеристика языков, для которых действительны сформулированные выше признаки (А) и (В), может быть передана следующим образом (знак «плюс» означает возможность, знак «минус» — невозможность):

Я з ы к и	(А)	(В)
Современные индоевропейские и др.	+	+
Китайский, вьетнамский и др.	—	—
Индонезийские	—	+
Мон-кхмерские	+	—

Возможны и другие фонологические признаки, которые также дают ту или иную характеристику языков, а при комплексном подходе ту или иную характеристику языков по данному признаку. Ранее уже говорилось о делении языков на тональные и нетональные (см. § 51.1). Такое деление очевидным образом основано на использовании в типологии просодических фонологических признаков.

§ 146.1. Можно выделять также различные типы языков по соотношению сегментных и просодических средств. С этой точки зрения выделяются языки моросчитающие¹ и слогосчитающие, а также языки морные и силлабные².

Деление языков на моросчитающие и слогосчитающие основано на том, какой «единицей расстояния» пользуется язык для определения места ударения. Так, латинский — это моросчитающий язык, так как правило постановки ударения здесь можно сформулировать так: ударение падает на слог, отстоящий на две моры (т. е. один долгий слог или два кратких) от конца слова. Польский — это слогосчитающий язык, поскольку в польском языке ударение ставится на предпоследнем слоге.

Различение морных и силлабных языков основано на том, какая единица выступает сферой реализации просодического средства (ударения, тона): мора или слог. Латинский или японский — (моросчитающие) силлабные языки, так как в этих языках сегментным субстратом ударения является слог в целом. Древнегреческий — (моросчитающий) морный язык, коль скоро в этом языке каждая мора в пределах слога может иметь собственное ударение.

§ 146.2. В рамках морфологической типологии Дж. Гринбергом была разработана методика определения квантитативных, т. е. количественных, характеристик языков. Подход Гринберга основан на идеях Э. Сепира, который, как известно, классифицировал языки по степени синтеза (аналитические языки, синтетические языки, полисинтетические), по технике синтеза (изолирующие языки, агглютинирующие, фузионные, символические³), а также по тому, используют ли языки словообразова-

¹ Мора — минимальная сегментная единица (краткий слог или часть долгого слога), способная нести самостоятельное ударение и/или учитываться при определении «фонологического расстояния» (см. ниже).

² Последнее разграничение принадлежит Дж. Мак-Коли.

³ Под символизмом Сепир понимал внутреннюю флексию — значимое изменение фонологического состава означающего корня типа англ. *foot* 'нога' — *feet* 'ноги', нем. (*die*) *Mutter* 'мать' — (*die*) *Mütter* 'матери' (мл. ч.).

ние («сложные» языки, в отличие от «простых») и согласование (смешанно-реляционные языки, в отличие от чисто-реляционных).

Дж. Гринберг разработал метод количественного измерения степени проявления тех свойств, которые Сепир клал в основу классификации языков. В работах Гринберга предложены десять индексов, пользуясь которыми можно дать количественную оценку степени синтетичности и др. Семь из этих индексов являются собственно морфологическими. Отметим пять наиболее важных.

1. *Индекс синтеза*, или синтетичности M/W , т. е. отношение числа морфем (*morpheme*) к числу слов (*word*) в тексте. Чем шире в языке распространены многоморфемные слова, тем выше этот индекс, и наоборот. Так, по подсчетам Гринберга, для санскрита этот индекс имеет величину 2,59, а для вьетнамского языка, где обычны одноморфемные слова, — 1,06.

2. *Индекс агглютинации* A/J , т. е. отношение числа агглютинативных конструкций к числу морфемных швов (*junction*). Под агглютинативными конструкциями понимаются сочетания морфем, где не имеет места фузия (см. § 59.2), фонетические изменения на стыках морфем ограничиваются простыми заменами фонем по определенным правилам. Чем больше в языке морфемных сочетаний, где не происходит фонетического «сплавливания» морфем, тем выше индекс агглютинации, и наоборот. Например, для санскрита индекс агглютинации составляет 0,09⁴, а для суахили с его достаточно прозрачной морфемной структурой — 0,67.

3. *Индекс словосложения* R/W , где R (*root*) — число корней, а W — число слов. Чем больше в языке сложных слов, тем выше индекс словосложения, и наоборот. Для санскрита, где большое распространение имеют композиты (сложные слова), этот индекс принимает величину 1,13, в то время как для английского языка, где, по мнению Гринберга, сложные слова практически отсутствуют, значение индекса словосложения определяется как 1.

4. *Индекс деривации* D/W , где D (*derivational*) — число словообразующих морфем. В санскрите, где имеется большое разнообразие часто используемых словообразующих аффиксов, этот индекс, по подсчетам Гринберга, составляет 0,62, а во вьетнамском языке, где, по-видимому, отсутствуют словообразующие аффиксы, данный индекс равен 0.

5. *Индекс преобладающего словоизменения* I/W , где I (*inflectional*) — число словоизменяющих морфем. Согласно данным Гринберга, для санскрита с его богатыми словоизменяющими парадигмами этот индекс принимает значение 0,84⁵, а для

⁴ В санскрите известны сложные правила сандхи, приводящие к затуханию морфемных границ.

⁵ Для эскимосского языка — даже 1,75.

вьетнамского языка, не обладающего словоизменением, индекс равен 0.

Применение метода Гринберга дает возможность вывести не просто чисто качественную характеристику языка, но и выразить эту характеристику количественно. Например, вместо того чтобы говорить, что суахили агглютинирующий язык (в понимании Сепира), а санскрит — фузионный, мы можем сказать, что индекс агглютинации для суахили составляет 0,67, а для санскрита 0,09.

Следует учитывать при этом, что соответствующие подсчеты проводятся по тексту, поэтому величина всех индексов зависит не только от наличия тех или иных грамматических средств в системе языка, но также от частоты встречаемости в тексте соответствующих грамматических явлений.

§ 146.3. Очень существенны признаки, которые характеризуют синтаксический строй языка. С этой точки зрения наиболее важно различие языков эргативного строя и языков номинативного строя.

Языки эргативного строя, к которым принадлежит большинство кавказских языков (абхазо-адыгские, картвельские и нахско-дагестанские), многие иранские и индоарийские языки, ряд североамериканских индейских, полинезийских и многие другие, характеризуются прежде всего различием двух основных синтаксических конструкций — эргативной и абсолютной.

Эргативная конструкция содержит переходный глагол, и ее первый актанта оформляется эргативным падежом (или его аналогом в аналитических языках); второй актанта эргативной конструкции оформляется абсолютным (именительным) падежом (или его аналогом). Абсолютная же конструкция, которая содержит непереходный глагол, использует для оформления первого актанта абсолютный (именительный) падеж. Например, ср. в аварском языке: *Васас тил босула* 'Сын палку берет', *Вас вежерула* 'Сын бегаёт', *Инсуда вас вихьяна* 'Отец видел сына'.

В отличие от этого в языках номинативного строя один и тот же падеж — именительный (или его функциональный аналог в аналитических языках) оформляет подлежащее (первый актанта) при любом глаголе, а прямое дополнение (второй актанта) при переходном глаголе оформляется особым падежом, винительным.

В последнее время выделяют и еще один тип синтаксического строя — активный строй, где противопоставляются не переходные/непереходные, а активные/стативные глаголы (к стативным глаголам принадлежат и глаголы состояния, и глаголы качества типа *быть хорошим*); соответственно этому активный падеж (обычно — его функциональный аналог) обслуживает подлежащее активного глагола-сказуемого, а инактивный — его прямое дополнение и в то же время подлежащее стативного гла-

гола-сказуемого. К языкам активного строя принадлежат индейские языки семей на-дене, сиу и др.

§ 147. Особое место в типологическом изучении языков занимает так называемая *содержательная*, или *контенсивная*, типология. Контенсивно-типологическое исследование направлено не на сопоставление самих по себе структур соответствующих языков, а на выяснение того, какие содержательные категории находят свое выражение в разных языках. При этом первостепенное значение придается отграничению универсальных содержательных категорий, которые непременно должны быть выражены в любом языке⁶, от «идеоэтнических» категорий, имеющих выражение лишь в некоторых языках. Например, любой язык должен обладать средствами для выражения субъекта действия и объекта действия, следовательно, эти категории принадлежат к числу универсальных, и уже другая, «следующая» задача — дать сравнительную характеристику способов формального выражения данных содержательных категорий в разных языках. В отличие от этого такая содержательная категория, как «парность» предметов (грамматически находящая свое выражение в категории двойственного числа), не может считаться универсальной, это — «идиоэтническая» категория, характерная лишь для некоторых языков.

По-видимому, универсальный компонент содержательной стороны грамматик всех языков должны отражать глубинные структуры генеративной семантики на начальных этапах порождения (см. §§ 126—127). Можно представить себе и специальные трансформации (обязательно включающие и лексико-грамматические правила, «правила словаря»), которые преобразовывали бы универсальные глубинные структуры в глубинные структуры, характерные для частных языковых типов и отдельных языков.

Говоря о контенсивной типологии, следует учитывать, что под содержательными категориями, изучающимися ею, должны пониматься не логические или психологические категории, но специфические «речемыслительные» категории. Они возникают в силу сложного опосредования опыта собственно языковой структурой, являются результатом своего рода преломления данного опыта сквозь призму языка. Если для установления логических и психологических категорий требуется «отшелушить» все то, что относится к языку как таковому вообще, то для установления универсальных речемыслительных категорий необходимо «снять» лишь то, что имеет отношение к конкретным языкам, оставив общее и необходимое в их грамматической и лексико-грамматической семантике.

⁶ Такие категории составляют «остов» семантического плана грамматики.

§ 148. Выше освещались различные подходы к типологическому изучению языков с разных точек зрения: с точки зрения фонологии, морфологии, синтаксиса, семантики. Безусловно желательной была бы разработка такого подхода, в рамках которого органично сочетались бы различные критерии типологической характеристики языков. Целесообразность этого вызывается прежде всего не внешними причинами⁷, но главным образом тем несомненным фактом, что между разными аспектами лингвистической структуры существует глубокая связь, существует внутренняя логика организации языка. Как частные факты такого рода давно отмечались, например, явная зависимость относительно свободного порядка слов (факт синтаксиса) от развитой морфологии, относительная взаимозависимость фонологического и морфологического строя и т. п.

Важные свидетельства такого рода дает нам рассматривавшееся выше деление языков на языки номинативного, эргативного и активного строя. Здесь мы видим, как собственно синтаксические характеристики — различные типы конструкций с разным набором членов предложения и отличающимися типами управления — оказываются тесно связанными с морфологией, так как для каждого типа синтаксического строя свойственна специфическая падежная парадигма. Лексико-грамматические различия глаголов могут распространяться и на классификацию имен. В особенности хорошо это прослеживается в языках активного строя, где не только глаголы, но и существительные делятся на активные (названия людей, животных, растений) и инактивные (названия всех остальных предметов), что грамматически проявляется в особых для каждого класса правилах согласования и управления.

Наконец, вполне очевидно, что различение активных и стативных глаголов, разная роль оппозиции «переходность/непереходность» для эргативных и номинативных языков покоятся, в плане содержания, на разном представлении самого действия и состояния (или, иначе, ситуации), что относится уже к области семантики и соответственно контенсивной типологии.

§ 149. Одно из направлений в типологии, стремящихся к выявлению универсальных тенденций в языковой структуре и устойчивой взаимосвязи между разными ее аспектами, — это *теория языковых универсалий*. Универсалии — это такие существенные характеристики языка, которые присущи всем языкам или определенным языковым типам, иногда — большинству языков (в последнем случае говорят о статистических универсалиях, или фреквенталиях).

⁷ Из которых прежде всего надо назвать желание иметь некоторое целостное типологическое описание каждого языка в рамках одной теории.

Можно выделить по крайней мере два основных типа универсалий. Первый тип — наличие какого-либо характерного свойства языков «самого по себе», ср., например, следующие формулировки универсалий: «Во всех языках существуют слогги структуры „согласный — гласный“». «Во всех языках возможна инверсия порядка слов как способ логического или эмоционального подчеркивания (выделения)».

Второй, наиболее важный тип универсалий — это обязательные взаимозависимости в структуре языков, например: «Если в языке имеется тройственное число, то имеется и двойственное», «Если в языке есть категория рода, то есть и категория числа», «Если вопросительная частица, относящаяся ко всему предложению, располагается в конце предложения, то в данном языке существуют послелогои, но не существует предлогов (исключение — литовский и китайский языки)».

Взаимозависимости такого рода связаны с безусловным существованием определенной внутренней логики в организации языковых систем, которая пока еще очень слабо изучена лингвистами. Предпринимаются попытки выделить одну какую-то существенную черту языковой системы — детерминанту, наличие которой объясняло бы все прочие специфические свойства данного языка или языкового типа⁸. Например, предлагается считать, что детерминантой семитских языков является стремление к максимальной грамматикализации. В этом случае для языка характерен сравнительно небольшой набор исходных корней, от которых по определенным грамматическим правилам образуются все слова, а их словоформы также порождаются достаточно строгими правилами. Следствиями выступает преобладание глагольных корней (так как естественнее образовывать имена от глаголов, а не наоборот), малое использование сложных слов и т. д. В свою очередь, эти следствия обуславливают более частные свойства семитских языков, вплоть до особенностей фонетики. Представляется, однако, что надежды вывести все свойства некоторого языкового типа из одной какой-то тенденции, пусть даже очень общей, несколько преувеличены.

§ 150. Дальнейшим развитием тенденции к комплексному типологическому изучению языков можно считать разработку идеи *языка-эталона*. Язык-эталон — это «идеальная» языковая система, специально сконструированная лингвистом таким образом, чтобы в ней были максимально представлены универсальные свойства языков. Создание языка-эталона преследует две цели. Во-первых, язык-эталон представляет собой систему, с которой удобно сопоставлять все естественные языки: типологическое изучение языков всегда предполагает их сравнение, и, есте-

⁸ Иными словами, все эти свойства можно было бы рассматривать как логические следствия из существования данной детерминанты.

ственно, сравнение всех языков с одной и той же системой — языком-эталонном — позволяет получить в наибольшей степени однородные и сопоставимые результаты. Во-вторых, язык-эталон — это законченная целостная система, поэтому сопоставление с языком-эталонном предполагает именно комплексный характер типологического исследования, при котором в сравнение вовлекаются все уровни и аспекты языковой системы.

Обладая языком-эталонном, можно характеристику каждого языка описывать как набор его отличий от языка-эталона. Если описание и языка-эталона, и конкретных языков ведется в терминах теории порождающих грамматик, то характеристика каждого языка определяется набором трансформаций, которые необходимы для того, чтобы из системы языка-эталона получить систему данного языка.

Поскольку язык-эталон, как уже было сказано, отражает наиболее универсальные свойства всех языков, то, очевидно, переход от языка-эталона к некоторому конкретному языку заключается прежде всего в усложнении исходной системы, т. е. системы языка-эталона⁹.

Можно представить себе и целую систему иерархически соотносящихся языков-эталонных. При генеалогической классификации языков их соотношение имеет вид постепенного перехода от, например, индоевропейского языка-основы через балто-славянский и общеславянский к современным славянским языкам. Подобно этому в типологии можно рассматривать язык-эталон для языка, как такового, переход от которого совершается не непосредственно к конкретным языкам, а к языку-эталону более низкого ранга, например, к языку-эталону, воплощающему в своей системе идеальный аналитический язык, и т. д., — вплоть до перехода к каждому конкретному языку.

ЛИТЕРАТУРА

- Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — «Новое в лингвистике». Вып. 3. М., 1963.
Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1972.
Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1978.
Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1972 (гл. 8—9).
Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.

⁹ Можно представить себе, впрочем, и обратный подход, когда язык-эталон строится как максимально «богатая» система, и тогда переход от языка-эталона к конкретным языкам будет заключаться прежде всего в упрощении исходной системы. В этом случае меняется само определение языка-эталона, который предстает как система с максимально возможным набором оппозиций. Возможны, очевидно, и различные промежуточные варианты.

О ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 151. В настоящей главе будут рассмотрены лишь некоторые положения и проблемы психолингвистики, которые автору представляются наиболее существенными.

Как уже говорилось ранее, психолингвистические исследования могут использоваться для проверки собственно лингвистических положений. Наряду с этим психолингвистика призвана решать целый ряд собственных задач, не сводящихся к лингвистическим. Соответственно в некоторых параграфах главы будут рассмотрены те же вопросы, что в предыдущих разделах книги, но уже под психолингвистическим углом зрения. В других же параграфах будут привлечены принципиально новые аспекты, важные именно для психолингвистики.

§ 152. Вначале следует остановиться несколько более подробно на соотношении собственно лингвистики и психолингвистики.

Лингвист, строящий модель языка, вообще говоря, может не задаваться вопросом о том, соответствует ли его модель той внутренней системе, которая позволяет носителю языка производить и воспринимать тексты. Для психолингвиста именно это и является основной задачей: воспроизвести в модели указанную систему и присущие ей процессы (деятельность). Как же будут соотноситься лингвистическая и психолингвистическая модели?

§ 152.1. Прежде всего тождественными должны быть результаты функционирования моделей обоих типов: и лингвистическая, и психолингвистическая модель адекватны только тогда, когда они способны производить «правильные» (т. е. не отличающиеся от естественных) тексты, не производят «неправильных» текстов и могут извлекать смысл из текстов, не слишком отличающихся от «правильных».

Однако следует ясно сознавать, что самая лучшая лингвистическая модель, даже если она в определенной степени проверена психолингвистическими экспериментами, в принципе не воспроизводит ряда существенных свойств внутренних систем человека и их деятельности.

§ 152.2. На различиях между собственно лингвистическими и психолингвистическими моделями не может не сказываться то обстоятельство, что для человека в высшей степени свойственно использование так называемых *эвристик* — эмпирических приемов, процедур, которые позволяют в разного рода познавательных процессах получать необходимый результат без детализированных последовательных операций, «скачкообразно», т. е. минуя какие-то промежуточные звенья¹. Использование эвристик опирается на предыдущий опыт человека, хранящийся в его памяти.

Эвристикам противостоят *алгоритмы* — детально регламентированные логические процедуры, последовательная реализация которых обязательно приводит к заданному результату. Применение алгоритмов дает гарантию получения нужного результата, но нередко требует довольно больших затрат времени. Обращение к эвристикам существенно сокращает время решения познавательной задачи, но не гарантирует точности и даже вообще получения необходимого результата. Человек в своем приспособлении к условиям среды жизненно заинтересован в минимизации времени, которое расходуется на те или иные познавательные процессы, именно поэтому использование эвристик так характерно для человека. Обратная сторона этого — потенциальная возможность ошибок. В речевой деятельности они выражаются в хорошо всем известных по опыту оговорках и ослышках.

Собственно лингвистические модели по своей сути алгоритмичны. Это вызывается уже тем, что они, в лучшем случае, ограничено воспроизводят именно и только языковую способность человека в отрыве от более широких и глубоких свойств человеческой психики, которые и обуславливают возможность использования эвристик.

Что же касается психолингвистических моделей, то они в идеале должны каким-то образом воспроизводить эвристические аспекты владения языком, тем более что для таких моделей естественно рассмотрение языковой способности человека в общем контексте его психических и интеллектуальных способностей.

Таким образом, можно сказать, что сама логика лингвистических и психолингвистических моделей во многом различна.

§ 152.3. Другое важное различие между собственно лингвистическими и психолингвистическими моделями видится в следующем. Для лингвистики, если отвлечься от соображений уровневой иерархии, равноправны и равноценны все единицы и правила, установленные в результате лингвистического анализа. Например, правило образования множественного числа не от-

¹ Например, шахматист просто не в состоянии проанализировать миллионы одновременно возможных последовательностей ходов, он сразу начинает изучать лишь несколько из них.

личается качественно от правила употребления падежной формы по управляющему глаголу. Для многих лингвистов аллофон отличается от фонемы в общем так же, как алломорф от морфемы. Для психолингвистики, как представляется, очень важны те различия между единицами, а также правилами, которые определяются возможностью и степенью их осознания и контролирования (т. е. управления — в случае процессов). >

Известно, что психические процессы не сводятся к сознательным, и качественное различие между этими видами психической деятельности очень велико и принципиально важно. С психолингвистической точки зрения кардинальное различие между фонетическими и фонологическими объектами состоит в том, что потенциально осознаваемы фонемы, но не их варианты — аллофоны. Что же касается вариантов морфемы, то все они характеризуются потенциальной осознаваемостью. Упомянутый выше выбор падежного окончания при сильном управлении — операция максимально автоматизированная, а потому практически неконтролируемая и с трудом поддающаяся осознанию. В отличие от этого употребление множественного числа существительного — это операция, в большей степени зависящая от смыслового плана высказывания (см. § 166.2 и сл.), а потому в большей степени осознаваемая и поддающаяся произвольному контролю.

УСВОЕНИЕ ЯЗЫКА. СТРУКТУРА ЯЗЫКА

§ 153. Для психолингвистики в полной мере сохраняет свою значимость то различие между аспектами языковых явлений, которое было установлено в начальных главах применительно к собственно лингвистике: различие между соотношениями «текст → языковая система», «смысл → текст» и «текст → смысл». Как уже упоминалось, с психолингвистической точки зрения переход «текст → языковая система» соответствует комплексу процессов усвоения языка.

§ 154. < В настоящее время в лингвистике (преимущественно западной) распространена концепция о врожденности существенных компонентов языковой системы. Эта концепция отстаивается Н. Хомским и его последователями, которые утверждают, что основные аспекты владения языком не усваиваются ребенком в процессе общения, а, будучи врожденными, развиваются с созреванием организма >

При оценке этой теории необходимо, конечно, учитывать, что речь идет о «врожденных идеях», относящихся к языку вообще, т. е. к тем свойствам, признакам, которыми обладает любой человеческий язык, а не какой-то конкретный язык, напри-

мер, к идее о том, что предложение любого языка состоит из группы подлежащего и группы сказуемого. Кроме того, не следует думать, что указанная концепция носит сугубо идеалистический характер: по мнению Хомского, длительная эволюция привела к тому, что в психике человека выработались определенные собственно языковые структуры, которыми вместе со всей наследственно передающейся информацией обладает с рождения любой человек. Иначе говоря, сторонники этой концепции полагают, что при овладении языком гораздо больше зависит от врожденных свойств психики и гораздо меньше — от подражания, «учения» у окружающих, чем это принято считать.

В доказательство концепции врожденных языковых структур Хомский приводит следующие аргументы. Ребенок, усваивающий родной язык, делает это столь быстро и совершенно, что невозможно объяснить такую степень быстроты и совершенства иначе, как созреванием уже заложенных в его психике, врожденных языковых структур. Кроме того, тексты, с которыми сталкивается ребенок — высказывания окружающих, как правило, очень фрагментарны, несовершенны фонетически и грамматически. На основании «анализа» таких текстов невозможно построить адекватную систему языка. Опять-таки, считает Хомский, приходится допустить, что языковая, речевая среда — это скорее своего рода катализатор, который способствует созреванию, полной реализации языковых структур, в своей основе уже имеющихся у ребенка, а не непосредственный источник формирования этих структур.

По мнению сторонников обсуждаемой концепции, аргументом в пользу их теории является и тот факт, что последовательность усвоения детьми определенных фонем, в особенности же разных синтаксических конструкций, совпадает, хотя нетрудно предположить, что разные дети воспитываются в относительно разных речевых средах.

§ 155. Изложенная концепция входит, однако, в противоречие с известными опытными данными. Если считать, что языковой материал, с которым имеет дело ребенок, не является непосредственным источником формирования его языковой системы, то надо допустить, что степень распространенности, употребимости той или иной конкретной структуры в речи окружающих в общем безразлична для этапов становления языка (ср. выше). Тем не менее экспериментальные исследования (проведенные Э. Шипли и др.) показали, что если намеренно повышать в речи окружающих удельный вес (частотность), например, сравнительных конструкций, то ребенок овладевает этими конструкциями заметно раньше. И наоборот: намеренное исключение из речи взрослых интонации определенного типа, которая в обычных условиях появляется у всех детей первой, ведет к очень позднему овладению этой интонацией (данные Э. Пайк).

Кроме того, некоторые исследования показали, что речь взрослых в общении с детьми гораздо менее иррегулярна, чем это предполагают, и взрослые стихийно стремятся употреблять простые конструкции, пользоваться относительно четко артикулируемой речью.

§ 156. Если мы учтем приведенные данные, то станет ясным, что концепция врожденных структур значительно упрощает ситуацию, преувеличивая роль врожденного компонента в языковых механизмах человека. По существу, речь должна идти о врожденных способностях к овладению языком: коль скоро человек, единственный из высших приматов, способен научиться языку, то значит, он обладает особыми — врожденными — к тому способностями.

§ 156.1. Положение о врожденных способностях к овладению языком имеет, очевидно, два плана. Первый связан с вопросом о том, являются ли эти способности специфически языковыми: познавательные способности человека, способности к обучению вообще выше, чем соответствующие возможности животных. Поэтому в принципе можно было бы считать, что именно это позволяет ребенку усваивать язык, а не наличие особых, языковых способностей.

Второй план значительно сложнее. Совершенно ясно, что овладение языком — не есть процесс «фотографического» отражения какого-либо материала, в данном случае текста. Более того, вряд ли мы можем предположить, что формирование внутренней языковой системы есть результат методического обобщения данных текста. Исходя из общих закономерностей человеческой психики, мы должны представить овладение языком как активный процесс «построения» такой внутренней системы, которая позволяла бы производить и анализировать тексты. Здесь должны действовать определенные эвристики, которые и делают возможным сравнительно быстрое овладение языком.

Возникает вопрос: располагает ли человек при рождении какими-то задатками, которые, развиваясь с общим созреванием организма под стимулирующим воздействием среды, реализуются в эвристиках упомянутого типа? По-видимому, на этот вопрос — с известной долей осторожности — можно ответить утвердительно.

§ 156.2. Разные языки на начальных стадиях развития в онтогенезе² значительно похожи по своей структуре. Если мы не можем мотивировать это подобие наличием у детей врожденных языковых структур, то, возможно, объяснение лежит в использовании всеми детьми одних и тех же процедур типа эвристики. В указанной связи можно сослаться на следующие факты.

Применительно к материалу самых разных языков сообща-

² В процессах усвоения языка ребенком.

ется, что на ранней стадии усвоения языка дети склонны «заменять» слова речи взрослых однослогами структуры СГ (согласный+гласный). В качестве такого однослога берется упрощенный первый или ударный слог, например, *ми* или *та* вместо *сметана*. Вероятно, это надо отнести к некоторым врожденным процедурам освоения фонетики.

§ 156.3. Для закономерностей развития всех языков свойственно также наличие такой стадии, когда дети используют так называемые голофразы, или слова-фразы. Например, говоря *тул!* (т. е. стул!), ребенок, в зависимости от конкретной ситуации, фактически «имеет в виду» *Подвинь мне стул!*, или *Посади меня на стул!*, или *Где стул?*, или *Посмотри на стул!* и т. д. Иначе говоря, ребенок начинает с оперирования нерасчлененным глобальным высказыванием, формально лишенным внутренней предикативности. Очевидно, это тоже своего рода универсалия — всеобщее правило овладения языком. Правило — также эвристического типа — заключается в том, что детьми используется сокращенное обозначение ситуации по ее теме, а «все остальное» восполняется внеязыковым контекстом.

§ 156.4. Типичны для самых разных языков и последовательные стадии развития фонологической системы. Усвоение просодических явлений — интонации, ударения, тонов — опережает овладение сегментными единицами. Первыми в речи детей появляются открытые слоги, состоящие из губных согласных и гласного *a*: *па*, *ма*. Обычно следующий по времени появления согласный — *т*.

Хотя эта последовательность менее универсальна, чем принято считать³, уже сама тенденция к одинаковому «разворачиванию» фонологической системы разных языков также, вероятно, говорит о каких-то врожденных приемах овладения языком.

В связи с развитием фонологической системы следует заметить, что вряд ли, как это обычно считается, ребенок с самого начала «постижения» языка оперирует качественно теми же единицами, что и взрослый. Открытые слоги, которые, как уже было сказано, выступают первыми сегментными элементами детской речи, еще бедной словарем, по всей вероятности, являются цельными, неразложимыми единицами. Иначе говоря, минимальной единицей оказывается не фонема, а слог.

Соблазнительно думать, что здесь, в согласии с широко распространенным принципом, онтогенез воспроизводит своими основными этапами филогенез. Многие исследователи полагают, что на заре становления языка в истории человечества был этап, когда именно открытые слоги выступали в качестве цельных фонологических единиц, и этот же этап повторяется как начальный в формировании языка каждого индивидуума.

³ Так, во вьетнамском языке просто отсутствует инициаль /р/, в китайском языке первым может появляться /х/, а не /р/, и т. п.

§ 157. Итак, можно считать достаточно вероятным, что существуют врожденные стратегии усвоения языка. Разумеется, их врожденность условна: речь идет скорее об определенной предрасположенности, которая реализуется в виде той или иной стратегии, обычно эвристического типа, лишь на данном этапе общего развития, в речевой среде.

Из всего вышесказанного отчасти видна и одна из самых общих закономерностей эволюции языка в онтогенезе. Она состоит в том, что развитие идет по линии все большей и большей дифференциации, расчленения первоначально цельных объектов. Даже отдельность, самостоятельность языкового знака (слова) вначале не осознается ребенком: знак понимается как компонент структуры предмета, к которому он относится, как одна из характеристик этого предмета наряду с прочими — функцией, размерами и т. п.⁴

В дальнейшем происходит своего рода эмансипация знака, с этого периода и начинается подлинное формирование языка.

§ 158. В каждый данный момент развития языка языковые средства, употребляемые ребенком, составляют целостную систему. Особенности этапов развития состоят в том, что на каждом из них происходит дальнейшая дифференциация первоначально нерасчлененных единиц, закрепление за каждым уровнем и подуровнем своего инвентаря единиц и правил их функционирования.

Расчленение единиц и их уровневое распределение становятся возможными с ростом словаря и речевого опыта ребенка: многократно сталкиваясь с высказываниями, содержащими одни и те же слова, морфемы и т. д., ребенок бессознательно использует сопоставления типа «квадрата Гринберга» (см. § 54) и в результате вычленяет соответствующие языковые единицы, а также формирует правила оперирования ими.

В итоге создается многоуровневая система языка.

§ 159. Чем ниже уровень языка и речевой деятельности, тем более затруднено осознание языковых единиц и правил. Ребенок шести-семи лет, еще не владеющий грамотой, без специальной подготовки и тренировки не в состоянии вычленить фонемы из состава слова⁵, хотя он, по-видимому, уже оперирует этими единицами. Более того, операция по вычленению фонем

⁴ Пережиточно эти представления могут сохраняться и у взрослого человека, которому бывает нелегко «согласиться» с тем, что носители других языков те же предметы называют иначе.

⁵ Разумеется, здесь идет речь не о научном фонологическом анализе, а об операции, доступной любому (грамотному) взрослому, который на вопрос, например: Какие звуки имеются в слове «папа»?², всегда способен дать ответ: *п-а-п-а*. Ребенок указанного возраста обычно отвечает на такой вопрос *па-па* (если он вообще понимает поставленную перед ним задачу сегментации слова).

исключительно трудна даже для неграмотного взрослого. По существу, в полной мере фонемная дискретность морфем и слов осознается через букву, через графику⁶.

Точно так же морфологическая структура слова не дана непосредственно сознанию носителя языка, если он незнакомился с ней специально в процессе обучения. Пользоваться определенными единицами еще не означает осознавать их. >

§ 160. Итак, мы подошли к вопросу о структуре языка, и из сказанного выше следует, что психолингвистика имеет перед собой увлекательнейшую задачу: изучение экспериментальными средствами того, какими именно единицами и какими правилами оперирует говорящий и воспринимающий речь человек. >

Некоторые иллюстрации экспериментального изучения процессов речевой деятельности будут даны в следующих разделах. Здесь же мы приведем примеры исследования структуры словаря. Под *словарем* в данном случае условно понимается набор единиц любого уровня (в отличие от правил, процедур того же уровня).

§ 161. В главе «Язык, речь, речевая деятельность» обсуждался вопрос о существовании особого семантического уровня (см. § 28). С психолингвистической точки зрения эту проблему, во всяком случае один из ее аспектов, можно сформулировать так: способен ли человек оперировать чисто смысловыми единицами? Если существуют единицы «чистой формы» (фонологические единицы), то могут ли существовать единицы «чистого смысла»?

Косвенный ответ на этот вопрос можно усмотреть в результатах экспериментов, о которых сообщает П. Колерс. Известно, что если испытуемым давать списки слов или тексты и через некоторое время просить их повторить слова экспериментального материала, то они будут вспоминать отдельные слова тем лучше, чем чаще эти слова встречались в тексте (списке), что, конечно, вполне естественно. В опытах, о которых здесь идет речь, канадским билингвам, одинаково владеющим английским и французским языками, давали читать текст, в котором английские и французские слова были употреблены «вперемежку», например: *Les deux bassets suddenly se précipitièrent on them* 'Две таксы внезапно бросились на них'. Когда по прошествии определенного времени испытуемым предложили сообщить, какие слова они запомнили, то оказалось, что степень запоминания и соответственно воспроизведения слов пропорциональна их суммарной встречаемости на обоих языках.

Экспериментальные факты, очевидно, означают, что испытуемые запоминали «понятия», а не слова, т. е. оперировали зна-

⁶ В частности, и поэтому следует признать гениальность творцов первых алфавитов: они смогли осознать фонологическую дискретность языковых единиц, которая отнюдь не есть нечто самоочевидное для ординарного сознания.

чениями, смыслами, как таковыми. Таким образом, можно сделать вывод, что чисто смысловая «запись» информации (в терминах единиц, близких к понятиям) доступна человеку.

§ 162. Другие очень интересные эксперименты, о которых мы хотим здесь упомянуть, относятся к статусу омонимов во внутреннем словаре человека. Эти эксперименты, которые проводились Г. Рубинштейном и другими, заключаются в следующем. Испытуемым-американцам предъявлялись списки слов (каждое слово по отдельности), куда входили и бессмысленные квазислова. Инструкция предлагала испытуемым как можно быстрее определить при предъявлении данного слова, является оно «нормальным» английским словом (т. е. принадлежит к словарю английского языка) или оно бессмысленно. Ответ давался нажатием кнопки, и экспериментатор таким образом мог определить время реакции.

Среди слов экспериментального материала были слова-омонимы типа *yard* 'двор' и 'ярд', *still* 'еще' и 'тихий'. Оказалось, что время реакции при распознавании таких слов систематически меньше, чем время реакции на слова, не обладающие омонимами, причем чем больше омонимов у слова, тем меньше времени затрачивается на его идентификацию.

Авторы экспериментов объяснили это так: чтобы определить, является ли предъявленное слово осмысленным, испытуемый должен как бы «просмотреть» свой внутренний словарь (содержится там это слово или нет?). Если, допустим, слово *yard* «записано» в словаре два раза (*yard* 'двор' и *yard* 'ярд'), то вероятность того, что испытуемый, просматривая словарь, быстрее «наткнется» на него, выше, чем, скажем, для слова *fourty* 'сорок', представленного в словаре один раз. Отсюда и систематически меньшее время реакции на слова в случае омографии, когда опыты проводятся на статистически большом материале.

Любопытны результаты, относящиеся к словам типа *plow* 'плуг' и 'пахать'. Обычно считается, что это тоже омонимы, только грамматические, где глагол по конверсии образован от существительного (см. § 68.3). Однако в опытах Г. Рубинштейна и других обнаружилось, что время реакции на такие слова не отличается от времени реакции на слова, не обладающие омонимами. Из этого экспериментаторы сделали вывод, что пары типа *plow* 'плуг' и *plow* 'пахать' не составлены двумя словами-омонимами, а принадлежат одному слову с лексико-грамматической полисемией.

§ 163. К психолингвистическим экспериментам обычно прибегают в фонетике для разрешения вопроса, являются ли данные звуки представителями одной и той же фонемы или разных фонем.

Допустим, что, изучая некоторый язык по письменным тек-

стам, мы обнаружим слова, которые отличаются только обозначением начального согласного, скажем, пары типа *bak* 'стол'—*pak* 'бежать'. Скорее всего, мы предположим, что в данном языке фонологическая система содержит звонкие и глухие фонемы.

Однако с психолингвистической точки зрения такой вывод далеко не окончателен. Во-первых, эти слова реально могут оказаться омонимами (омофонами): в языке могла произойти конвергенция (слияние) глухих и звонких, и сохранение их на письме — лишь дань традиции (ср. написание *e* и *ѣ* в русских словах до реформы 1917 г.). Во-вторых, может оказаться, что реально противопоставляются не глухие и звонкие, а, скажем, напряженные и ненапряженные, придыхательные и непридыхательные или же, наконец, слоги с высоким тоном слогам с низким тоном⁷.

Если мы изучаем живой язык, то для выбора одного из возможных решений необходим эксперимент. Прежде всего можно экспериментально проверить, систематически ли различается произношение интересующих нас слов. Анализ большого числа магнитных записей, в которых многократно повторяются такие слова, покажет нам, постоянно ли слова типа *bak* произносятся со звонким, а слова типа *pak* — с глухим согласным, или же глухость и звонкость в одном и том же слове свободно варьируют.

Далее мы можем проверить, различаются ли эти согласные в восприятии. Для этого возможен следующий эксперимент: берем предложения, где наши слова могут иметь одно-единственное значение, вырезаем эти слова из магнитной записи предложений и даем их прослушать испытуемым-аудиторам, предложив составить свои предложения с данными словами. Если обнаружится, что со словом *pak* испытуемые составляют предложения, где оно имеет значение 'стол', а со словом *bak* — предложения, где оно передает значение 'бежать', то, следовательно, слова реально не различаются носителями языка. Из этого — если положение оказывается идентичным для всех слов с этимологически звонкими и глухими — следует вывод, что в системе языка нет оппозиции по звонкости/глухости.

Если же слова регулярно различаются, то установление дифференциального признака, по которому реально противопоставлены согласные, — вопрос гораздо более сложный. Чтобы определить, какой признак выступает ведущим в противопоставлении наших гипотетических слогов *bak* и *pak*, можно проделать такой эксперимент: произвести взаимную «пересадку» начальных согласных на магнитной записи соответствующих слов и предъявить полученные таким образом записи аудиторам, предложив

⁷ В истории многих дальневосточных языков противоположение по глухости/звонкости преобразовалось именно в такую тональную оппозицию.

им записать слова. Результаты опыта покажут нам, не заменилось ли противопоставление по звонкости/глухости тональной оппозицией: если «бывший» слог *bak* (после пересадки — *pak*) продолжает восприниматься как *bak*, а «бывший» слог *pak* (после пересадки — *bak*) — как *pak*, то это значит, что они различаются за счет тональных характеристик, признак же «глухость/звонкость» иррелевантен (несуществен).

Подчеркнем, что все описанные эксперименты не отменяют, а предполагают одновременный учет лингвистических функциональных критериев — обращение к морфологическому использованию фонологических явлений и т. п.

ПОРОЖДЕНИЕ РЕЧИ

§ 164. В этом разделе мы изложим лишь самые схематические, предварительные представления о процессах порождения речи.

Прежде всего опишем вкратце основные свойства человеческой деятельности, знание которых необходимо для адекватного понимания деятельности речевой.

§ 164.1. Всякая деятельность определяется *мотивом* — потребностью, эмоцией, установкой данного человека или целого коллектива. Побуждаемый тем или иным мотивом, человек предпринимает соответствующие действия, выполнение которых обеспечивает удовлетворение потребности, и т. п. Каждое действие имеет определенную цель, или, иначе говоря, направлено на достижение этой цели. Например: мотив, руководивший Геростратом, — это желание прославиться, обессмертить свое имя; для этого Герострат поставил перед собой цель, достижение которой, по его мнению, удовлетворяло это желание — сжечь храм Артемиды Эфесской (одно из семи чудес света).

В свою очередь, достижение цели требует выполнения целого ряда операций, так сказать, вспомогательных мини- и микро-действий, подчиненных собственно действию и выступающих как способы его осуществления. Можно сказать, что конкретный набор операций определяется теми условиями, в которых должно реализоваться данное действие. Так, Герострату, вероятно, потребовалось запастись горючим, источником огня, проникнуть в храм в удобное время и т. д.

§ 164.2. Нетрудно видеть, что компоненты деятельности организованы по иерархическому принципу. Поэтому можно говорить о разных уровнях деятельности. Выделяют ведущий и фоновые уровни деятельности⁸. Ведущий уровень — это уровень действия, которое непосредственно ведет к достижению

⁸ При сложной деятельности ведущий и фоновый уровни можно выделять в составе каждого действия.

цели. Например, если человек управляет автомашиной, то ведущий уровень связан с выбором курса и удерживанием машины на данном курсе. Для осуществления этой цели водитель должен выполнять целый ряд служебных, подсобных операций: поворачивать в ту или иную сторону рулевое колесо, выправляя отклонения от курса, иногда переключать скорость и т. д.

§ 164.3. Осознаются, как правило, действия, принадлежащие ведущему уровню. Подчиненные же действия и операции, принадлежащие фоновым уровням, обычно не осознаются. Чаще всего они относятся к так называемым автоматизмам, связанным с существованием упроченных навыков, для реализации которых не требуется участия сознания.

§ 164.4. Каждый уровень отвечает за какие-то свои аспекты деятельности (действия), и соответствующие подсистемы «следят» за тем, чтобы данный уровень должным образом вносил свой вклад в целостную деятельность. Указанное слежение возможно в том случае, если на каждом уровне имеется так называемый образ результата, т. е. модель того состояния, которое должно сложиться как результат действий и операций, принадлежащих соответствующему уровню. Когда реальный результат расходится с этой моделью, то по ходу выполнения задачи (достижения цели) вносятся необходимые коррекции, поправки.

§ 165. Процесс порождения высказывания — это, несомненно, сложное многоуровневое действие.

§ 165.1. Необходимость существования разных уровней для выполнения перехода «смысл → текст» вызывается уже тем, что его начальный пункт есть некоторый психический процесс, а конечный — физический процесс работы артикуляторов. Совершенно ясно, что исходный пункт здесь никак не может быть соединен «напрямую», непосредственно, с конечным в рамках одного акта: требуется долгая и сложная цепь последовательных перекодировок, пока высказывание не примет форму, готовую к выведению вовне.

§ 165.2. Другой важной предпосылкой, обуславливающей уровневое строение процессов порождения речи, является необходимость следить за правильностью результатов, получаемых работой отдельных звеньев процесса. Произнесение осмысленного высказывания требует выполнения целого ряда самостоятельных операций: отбор слов из словаря, выбор синтаксической структуры, определение форм слов и т. д. Соответственно необходимо «разделение труда»: одна подсистема обеспечивает выбор синтаксической структуры, другая — выбор нужных словоформ и т. п. Для плавного протекания порождения речи необходимо, чтобы система непрерывно получала сигналы обратной связи о том, что выбор (структуры, словоформы и т. д.) осуществлен успешно. В каждой подсистеме, таким образом,

должны быть механизмы, принимающие сигналы обратной связи и дающие команду внести поправку, если выбор осуществлен неудачно.

§ 165.3. С изложенным выше тесно связано положение о том, что осознаются действия, принадлежащие ведущему уровню. Для речевой деятельности это, несомненно, уровень смысла. Соответственно, когда происходит распределение синтаксических, морфологических и прочих операций по нижележащим (фоновым) уровням, то это позволяет разгрузить активное внимание человека: сознательный контроль осуществляется только за смысловой адекватностью высказывания, а все прочие необходимые операции выполняются и контролируются автоматически, без участия сознания.

анализ ТРА?

§ 166. Итак, как же можно представить себе основные этапы (т. е. уровни) порождения высказывания? Заметим сразу же, что ниже мы условно будем рассматривать эти уровни, как если бы они представляли собой последовательные стадии процесса, хотя в действительности функционирование смежных уровней, скорее всего, широко перекрывается во времени.

§ 166.1. Как и всякая деятельность, речевая деятельность начинается с мотивации, т. е. появления мотива, — с потребности человека передать другому некоторую информацию, побудить к действию и т. п. Сама речевая деятельность, как правило, включена в деятельность более высокого порядка: обычно порождение высказывания (шире — обмен высказываниями) не является самоцелью, а выступает средством планирования и регулирования практической деятельности, обусловленной собственным мотивом. Поэтому в каждом отдельном случае мы имеем дело с определенной иерархией мотивов.

§ 166.2. Этап мотивации — это еще доязыковой этап. На следующем этапе под влиянием данного мотива формируется общий замысел, смысловой образ того, что намерен сообщить говорящий, т. е. фиксируется общий смысл конкретного высказывания⁹.

§ 166.3. Вероятно, можно предположить, что этап формирования смысла отвечает двум уровням. Первый из них — это уровень, на котором потенциальное высказывание отличается слабой расчлененностью и ярко выраженной личностной окраской. Для данного уровня характерно, что выделяется только тема высказывания и то, что должно быть сообщено об этой теме, т. е. рема (см. § 96.1). И тема, и рема выражаются в терминах смыслов, а не значений.

Во всем предшествовавшем изложении термины «смысл» и «значение» не различались, употребляясь как синонимы. Одна-

⁹ Мы упрощаем ситуацию: чаще всего такой общий смысл относится не к изолированному высказыванию, а к целостному тексту. Впрочем, текст нередко рассматривается как частный случай высказывания.

ко для психологии «смысл» не равен «значению», и при психолингвистическом обсуждении проблемы разницу между ними обойти невозможно. И смысл, и значение, выражаясь лингвистически, суть элементы плана содержания. Однако характеристики данного значения непосредственно вытекают из места того или иного элемента в системе, в то время как отвечающий данному значению смысл во многом определяется личным опытом индивидуума. Например, значение слова *весна* едино для всех, но его смысл для горожанина и колхозника нужно описывать по-разному; более того, едва ли не для каждого индивидуума смысл, передаваемый словом *весна*, может оказаться частично уникальным. Смысл близок к образу, т. е. имеет не только (и даже, может быть, не столько) понятийно-логическую, а в значительной степени чувственную природу. В отличие от этого значение есть социально обобщенное понятие, структурный элемент общего семантического словаря.

Соответственно переход от смысла к значению — это переход от индивидуального опыта к социальному, выражение индивидуального опыта через социально общезначимые понятия.

Таким образом, уровень собственно смысла, или глубоко-семантический уровень, — это тоже еще языковой уровень. Здесь осуществляется первичное расчленение общего замысла «для себя», первый этап подготовки его для того, чтобы в ходе дальнейших перекодировок породить конкретное высказывание. На этом уровне существуют уже все основные смыслы, которые намерен выразить говорящий, но еще в более или менее недискретном виде, еще не опосредованные языком и лично окрашенные.

§ 166.4. Второй уровень смыслового программирования — это семантический уровень. На данном этапе происходит уже более полное формирование семантического аспекта высказывания. Можно предположить, что основной операцией этого уровня является пропозиционирование — выявление структурного соотношения смыслов, подлежащих выражению, а следовательно, и самих смыслов как самостоятельных элементов.

Операция пропозиционирования уже опосредована языковыми категориями типа «субъект» (кто?, что?), «объект» (кого?, что?), но категориями очень общими, в основе своей не различающимися в разных языках. Они являются языковыми постольку, поскольку сами представления о субъекте, объекте и т. п. формируются при посредстве языка.

Если на предыдущем уровне основное членение глобального замысла определялось выделением темы и ремы, то здесь уже происходит вычленение ситуаций, или предикатов, и их семантических актантов: мысль, подлежащая выражению, приобретает структуру (о понятиях ситуации и семантических актантов см. § 130).

С семантического уровня начинается процесс выражения смыслов через значения.

§ 166.5. Разумеется, приведенное выше описание семантических уровней весьма условно. Мы еще очень мало знаем, как реально происходит порождение высказывания. Некоторые факты речевых расстройств как будто бы говорят, однако, о правдоподобности описанной картины. Так, есть больные, которые жалуются на то, что они «знают, что хотят сказать», но не могут сформулировать свою мысль, вернее, не могут представить ее членораздельным образом¹⁰. Эти больные могут порождать высказывания типа *Сын купить игрушки папа*, где постановка слова *сын* на первое место, вероятно, выделяет его в качестве темы; можно предположить, что в этом случае имеется тематическо-рематическое членение потенциального высказывания, но нарушены механизмы его дальнейшего структурирования, пропозиционирования.

Другие больные могут отвечать на вопросы, но затрудняются в построении собственного высказывания. Они не могут составить предложение из слов в основной форме (например: *наш, читать, в, с, мир, весь, интерес, газета*). Учитывая, что при ответе на вопрос имеется заранее заданная — в самом вопросе — тематическо-рематическая расчлененность, можно предположить, что у таких больных нарушен в первую очередь именно глубинно-семантический уровень, задающий выделение темы и ремы. Заметим, что в речи этих больных, когда какие-то высказывания им удаются, могут совершенно отсутствовать аграмматизмы, они правильно строят предложение, адекватно употребляют формы слов. Иначе говоря, относительно более низкие уровни выступают в качестве сохранных.

§ 166.6. На семантическом уровне — скорее всего, на глубинно-семантическом — формируется смысловая модель того, что будет сказано, образ результата. С этой моделью говорящий в процессе развертывания высказывания сличает реальный результат порождения речи, для чего, как говорилось ранее, необходимы сигналы обратной связи. Если реальные характеристики высказывания в чем-то отличаются от образа результата, говорящий — сознательно или бессознательно — вносит необходимые поправки, коррекции.

§ 166.7. Следующий этап порождения высказывания — глубинно-синтаксический. На этом уровне каждой пропозиции, т. е. структуре, образованной предикатом и его актантами, подыскивается лексико-семантическое наполнение. Здесь осуществляются две самостоятельные операции: выбор слов и выбор синтаксических конструкций. И слова, и конструкции еще достаточно далеки от тех, которые будут использоваться в итоговом высказывании. Скорее всего, применительно к данному этапу умест-

¹⁰ Впрочем, такие ситуации не так уж редки и у здоровых.

нее говорить не о словах, а о классах слов: на основании тематическо-рема-тического и пропозиционного структурирования осуществляется поиск слов в словаре — активируются определенные пласты, семантические (смысловые) гнезда лексики. Путем сличения с образом результата, а также посредством соотнесения смыслов и словарных значений слов внутри каждого предварительно отобранного лексического класса устанавливается вероятностная иерархия: какое слово в большей, а какое — в меньшей степени соответствует исходному замыслу.

Синтаксические конструкции, которыми оперирует глубинно-синтаксический уровень, — это элементарные конструкции, наиболее простым и однозначным образом соответствующие семантическим структурам предыдущего уровня.

§ 166.8. По мнению многих исследователей, переход от семантического уровня к глубинно-синтаксическому осуществляется при посредстве внутренней речи. Основная функция глубинно-синтаксического уровня состоит в первичном «оречевлении» (выражение Л. С. Выготского) собственно смысловых структур, т. е. в первом их приближении к структурам, использующим двусторонние знаки (вернее, на данном этапе — внутренние образы знаков). Внутренняя же речь, по-видимому, является именно простейшей формой существования речи. Внутренняя речь свернута за счет того, что она оперирует преимущественно предикатами, опускаемая подразумеваемые актанты, которые еще не получили окончательного словесного выражения. На их роль есть лишь претенденты в виде членов предварительно отобранных лексических классов. В то же время внутренняя речь развернута, поскольку в ней имеют отдельное существование все потенциально предикативные конструкции, на которые можно разложить сложное синтаксическое целое.

Здесь нужно вспомнить, что внутренняя речь формируется в онтогенезе в результате интериоризации (т. е. «перевода», «пересадки» вовнутрь — в психику) внешней речи ребенка: для планирования своей деятельности, игровой и иной, ребенок использует проговаривание вслух словесного обозначения, выражения собственных действий, именно это и является источником формирования внутренней речи. Внешняя же речь ребенка — в данный период и в данных условиях — отличается именно свойствами, указанными выше для внутренней речи: ребенок использует преимущественно последовательности простых свернутых конструкций.

§ 167. Итак, представим себе, что порождается высказывание *Дети рады приглашению артиста*. Первый этап его формирования состоит в том, что вычленяются тема и рема. Вполне понятно, что их трудно «описать словами». Тема, очевидно, связана с тем, что прибыл или должен прибыть артист X: его просили приехать, и он приехал или обещал это сделать. Рема свя-

зана с положительными эмоциями, которые испытываются конкретными детьми по этому поводу. Заметим, что при реальном порождении речи, которое идет не от высказывания (как мы вынуждены делать здесь), а к нему, не может быть вариантов типа *прибыл или должен прибыть*, так как говорящий планирует какой-то один конкретный смысл. Тем более несущественна реальная неоднозначность предложения *Дети рады приглашению артиста* (кто кого пригласил?), поскольку опять-таки для говорящего этой двузначности не существует, говорящий передает один-единственный смысл¹¹.

Следующий этап — пропозиционирование — состоит в том, что путем «анализа» первично расчлененного содержания замысла подыскиваются адекватные семантические структуры типа «субъект ← предикат → объект», «субъект ← предикат → место». Одновременно уточняется взаимоотношение этих структур: первая из них выступает как главная, а вторая как подчиненная, которая в своей целостности может занять место объекта первой конструкции (структуры).

На этапе, соответствующем глубинно-синтаксическому уровню, говорящий «переводит» семантические структуры в синтаксические: в нашем случае это структуры *Дети (ребята, школьники, пионеры...) рады (в восторге от...) чему-либо (от чего-либо) и Некто пригласил артиста (актера, исполнителя роли...) куда-то*. Хотя простоты ради в примерах употреблены конкретные словоформы, в действительности, конечно, можно говорить только о лексемах, единицах словаря, определенным образом связанных синтаксически.

Следующие уровни — поверхностно-синтаксический, глубинно-морфологический, поверхностно-морфологический — производят дальнейшую переработку лексико-синтаксических «заготовок» глубинно-синтаксического уровня. В итоге получается предложение со всеми необходимыми словоформами, порядком слов и т. д. Наконец, фонологический и фонетический уровни обеспечивают звуковое исполнение высказывания.

§ 168. Отметим некоторые характерные аспекты уровневых процессов порождения высказывания.

Каждый уровень обладает собственной парадигматикой и синтагматикой — собственным словарем и синтаксисом: любой уровень должен, с одной стороны, обеспечить выбор тех или иных единиц (семантических, синтаксических, лексических), а с другой — включить их в состав соответствующей иерархически организованной конструкции. Соответственно внутренняя языковая система должна обладать специальными механизмами, одни из которых ведают выбором единиц каждого уровня, дру-

¹¹ Если только нет сознательной установки на каламбур и т. п.

гие — комбинированием этих единиц, вернее, структурированием их комбинаций.

Переход от каждого вышележащего уровня к нижележащему заключается в том, что последний устанавливает набор средств, необходимых для решения задачи, поставленной первым. При переходе от одного уровня к другому происходит отбрасывание тех вариантов, осуществление которых превышает возможности данного нижележащего уровня. В этом смысле нижележащие уровни выступают как своего рода фильтры по отношению к вышележащим. Например, морфологический уровень в русском языке налагает запрет на употребление будущего времени единственного числа 1-го лица совершенного вида от глагола *побеждать*, поэтому вариант с указанной словоформой данного глагола отбрасывается и избирается другой — с субстантивацией полнозначного глагола и использованием неполнозначного типа *одержжу победу*.

Таким образом, каждый последующий уровень уменьшает потенциальное разнообразие средств, которыми может быть выражен данный смысл, в итоге формируется конкретное высказывание со своей единственной формой. Естественно, что эти операции не безразличны для самого смысла, поэтому сам смысл тоже окончательно формируется с формированием высказывания.

Ставя вопрос более широко, можно сказать, что переход от уровня к уровню соответствует постепенному объективированию смыслов посредством использования элементов языковой системы, обладающих в рамках данной системы социально фиксированными значениями. Поэтому с психолингвистической точки зрения порождение высказывания — это отнюдь не воплощение предварительно готовой мысли в тексте, а поэтапное формирование и уточнение самой этой мысли, первоначально сравнительно аморфной, средствами языка. >

§ 169. Мы не затронули вопрос об эвристиках, применяемых в ходе порождения речи. Такие эвристики должны существовать, чтобы время, необходимое для осуществления соответствующих процессов, не оказалось нереалистично большим. Вероятно, имеет место параллельное функционирование ряда уровней: получив предварительные результаты работы предыдущего уровня, последующий начинает действовать параллельно, используя для этого некоторые вероятностные процедуры. Но ничего определенного о характере таких эвристик пока не известно.

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ

§ 170. Восприятие речи — также особого рода деятельность (действие). Человек, воспринимающий речь, не пассивно фиксирует поступающую информацию, а производит активное пре-

образование речевого сигнала, стремясь наиболее эффективно, в том числе в кратчайшее время, перевести данный сигнал в определенную смысловую запись. >

С собственно лингвистической точки зрения допустимо описывать переход «текст → смысл» как строго последовательную смену этапов-уровней: фонологическая интерпретация сигнала, его морфонологическое и морфологическое описание, установление синтаксической структуры и, наконец, смысловая интерпретация. Однако с психолингвистической точки зрения такое описание было бы вряд ли реалистичным. Его нереалистичность видна уже из того, что в обычной повседневной речи весьма значительная доля акустического материала характеризуется крайне неопределенными признаками, по которым объективно невозможно установить фонологическую принадлежность данного сегмента речи. Одного этого достаточно, чтобы строго поэтапный анализ, последовательно проходящий при восприятии все уровни, был невозможен: ему не хватает фундамента в виде исчерпывающего фонологического анализа, предшествующего всему остальному.

Другим важным аргументом против представлений о восприятии, пунктуально проходящем один уровень за другим, является его «времяемкость»: все процессы восприятия (как и порождения) речи выполняются в реальном времени, и даже при объективно высоком быстродействии соответствующих механизмов человека последовательно поуровневый анализ оказался бы слишком медленным.

Наконец, как показали специальные расчеты, человеческий слуховой аппарат просто не в состоянии обработать в единицу времени то количество информации, которое несет в себе естественная речь нормального темпа.

§ 171. <Свою программу преодоления этих и некоторых других затруднений предлагает психолингвистика, ориентирующаяся на трансформационно-порождающую грамматику. Представители этого направления разработали теорию восприятия, известную как «анализ через синтез».

Согласно этой теории, восприятие высказывания сводится к его порождению: слыша высказывание, человек по каким-то фрагментам, наиболее информативным, устанавливает глубинную структуру, а уже из нее порождает все высказывание в целом, которое и фигурирует в его сознании как воспринятое. > Таким образом, оказывается, что носитель языка не нуждается в особых, отдельных механизмах для порождения и восприятия речи: оба процесса обслуживает единый механизм, чем достигается большая экономия в строении языковой системы.

§ 171.1. Прежде всего, представления о том, что внутренние системы человека обладают тенденцией к максимальной экономичности, простоте, сильно преувеличены. Назначение любой

системы организма — обеспечить наиболее эффективное приспособление к среде и выполнение в этой среде всех потенциальных задач. Живые системы (организмы) при этом «предпочитают» иметь много подсистем с большим количеством элементов и богатыми связями между ними. Это обеспечивает надежность общей системы при относительной ненадежности ее элементов, а также высокую приспособительную способность: когда выходит из строя какой-либо один элемент, их группа или даже целая подсистема, организм продолжает функционировать, в ряде случаев переадресуя другим элементам (подсистемам) задачи, функции выключенного из деятельности элемента (подсистемы).

Наличие механизмов восприятия, отличных от механизмов порождения речи, безусловно, повышает приспособительные возможности организма. Подтверждением, в частности, служат клинические наблюдения над больными анартрией: эти больные, от рождения лишённые собственной речи в результате церебрального паралича, тем не менее способны понимать речь в довольно широких пределах.

§ 171.2. Теория анализа через синтез обнаруживает слабость также в следующем. Несомненно, что содержание процессов восприятия речи — это переход «текст → смысл». Если это так, то человеку, установившему каким-то образом глубинную структуру высказывания, очевидно, не надо продолжать процесс порождения вплоть до вывода фонетической формы предложения: он может получить смысловую запись предложения непосредственно из глубинной структуры. Но известно, что человек обычно может повторить понятое им предложение, т. е. он обладает информацией о фонологическом облике высказывания, что, как сказано, просто излишне при анализе через синтез.

§ 172. Вместе с тем теория анализа через синтез безусловно права в очень важном пункте. Действительно, необходимо допустить, что в процессах восприятия речи используются процедуры типа эвристик. Эти процедуры заключаются в том, что, опираясь на определенные признаки сигнала, человек прогнозирует структуру данного фрагмента речи, т. е. предсказывает его характер, «догадывается», каким этот фрагмент, по всей вероятности, должен быть¹².

В качестве аналогии сошлемся на факты, известные из изучения зрительного восприятия. Для этого вида восприятия характерно, что глаз человека фиксирует сначала какие-то наиболее информативные части воспринимаемой картины (точки максимальной кривизны, перелома, если это фигура — контур), а затем, пользуясь своим прошлым опытом, человек «достраивает» воспринимаемое до целого, не прибегая к более детальному зрительному исследованию объекта.

¹² Разумеется, здесь не имеется в виду сознательное угадывание, эти операции совершаются автоматически, бессознательно.

Иначе говоря, при восприятии человек, опираясь на некоторые ключевые признаки объекта, подлежащего распознаванию, выдвигает гипотезу о природе этого объекта, а затем лишь проверяет, соответствует ли гипотеза действительности.

процесса

§ 173. Существует несколько вопросов, связанных с теми представлениями о восприятии речи, которые изложены выше: какими могут быть ключевые признаки, на основе которых происходит выдвижение гипотез о воспринимаемом высказывании? В терминах каких единиц может осуществляться восприятие, или, иначе говоря, что может использоваться в качестве единицы решения? Как устанавливается структурное соотношение таких единиц? Каково уровневое строение процессов восприятия? Все эти вопросы связаны между собой самым тесным образом, поэтому ответы на них, изложенные ниже, не всегда разграничиваются.

§ 173.1. Ответ на первый из поставленных вопросов непосредственно зависит от решения второго. В самом деле, если восприятие осуществляется в терминах, допустим, слов, то используемые ключевые признаки должны быть признаками слова. Если же единица восприятия — целое предложение, то именно его специфические признаки должны оказаться ключевыми.

С самого начала, однако, надо сказать, что вряд ли существует такая единица, которая бы всегда использовалась как единица решения при восприятии. В зависимости от разного рода условий — привычности или непривычности темы, ситуации, собеседника и т. п. — человек может избирать разные стратегии восприятия, в частности, прибегать к использованию разных единиц решения.

Из общей психологии восприятия известно, что человек стремится использовать наиболее крупные — из возможных в данных условиях — единицы решения. Иначе говоря, выбирается наиболее крупная единица, характер которой можно установить по части ее признаков, т. е. по ключевым признакам. Если тематика текста хорошо известна слушателю, лексика и синтаксис не отличаются непривычностью, то слушающий стремится оперировать крупными единицами — вплоть до сверхфразовых единств. В таких ситуациях переход от текста к смыслу осуществляется наиболее экономным образом, слушающий прогнозирует смысл фрагментов текста, оперируя единицами настолько большими, насколько это для него возможно; внутренняя структура этих фрагментов практически не анализируется.

Если же требуется воспринять текст с существенным элементом новизны, то слушающий избирает другую стратегию: он использует в качестве единиц решения более мелкие единицы, вплоть до отдельных фонем (например, когда следует распознать новые, незнакомые слова).

§ 173.2. В любом случае слушающий должен произвести пер-

вичное сегментирование высказывания на те отрезки, которые и выступают как единицы решения.

В одной из предыдущих глав (см. «Синтаксис», § 105) высказывалось предположение о том, что при восприятии речи человек оперирует единицами типа непосредственно составляющих (НС). Это предположение хорошо согласуется с тем, что было сказано выше: непосредственно составляющие могут характеризоваться самым разным объемом, они представляют собой продукт сегментации высказывания. Кроме того, они имеют внутреннюю иерархию, а это позволяет некоторым их признакам выступать в качестве доминирующих и отсюда ключевых.

Психологическая реальность границ между НС видна из опытов, проводившихся Т. Бивером и другими. В этих опытах на магнитную запись предложений налагалась запись акустических щелчков. Щелчки были записаны таким образом, что они приходились на начало или середину слов, расположенных рядом с границей между соседними НС. Например, в предложении типа *Маленький мальчик сидит за партией* (реально использовались английские предложения) щелчок записывался на участке, соответствующем слогу *ма* из *мальчик* или *дит* из *сидит*. Испытуемым предлагалось прослушать запись и определить, где находится щелчок. Ответы испытуемых сводились к тому, что они указывали на границу между соседними НС. Вероятно, испытуемые склонны были интерпретировать щелчок не как «элемент» того слова, с частью которого он реально совпадал, а как дополнительный сигнал. Поскольку «дополнительно» к НС в высказывании существуют границы между ними как особые структурные характеристики, то испытуемые отождествляли их с местоположением щелчка.

В аналогичных экспериментах П. Ледифоугида записи щелчков не было вообще, но испытуемым говорили, что они должны постараться заметить едва слышные щелчки и определить их местонахождение. В этом случае испытуемые также указывали на точки, соответствующие границам между НС.

§ 173.3. Имеются экспериментальные данные, которые можно истолковать как свидетельство способности человека оперировать в качестве единиц решения составляющими разного объема. Эти данные были получены в опытах Г. Сэвина и Т. Бивера, Д. Мак-Нила и других. В указанных экспериментах измерялось время реакции испытуемых на речевые стимулы. Стимулами выступали единицы разного объема — слоги, слова, предложения английского языка. Поясним методику и результаты экспериментов применительно к слогам.

Испытуемые должны были прослушивать последовательности бессмысленных слогов и реагировать путем нажатия кнопки на тот слог, который перед началом прослушивания сообщался экспериментатором. Один и тот же слог, записанный в разных местах экспериментальной серии, входил во все серии, но для

разных серий испытуемые получали разные инструкции. Для одной серии инструкция была «Нажмите кнопку, как только услышите слог *sol*», для другой — «Нажмите кнопку, как только услышите слог, начинающийся на *s*», притом что таким слогом в серии выступал опять слог *sol*.

Выяснилось, что время реакции при инструкции «реагировать на слог *sol*» систематически меньше, чем время реакции при инструкции «реагировать на слог, начинающийся на *s*». На первый взгляд это выглядит парадоксальным: казалось бы, для выполнения первой инструкции нужно воспринять весь слог, а для выполнения второй — только начальную фонему того же слога, и решение первой задачи должно потребовать соответственно больше времени, чем решение второй.

Вероятно, разгадка заключается именно в том, что слушающий способен воспринимать речь в терминах слогов как целостных единиц, т. е. выбирать слог в качестве единицы решения: для выполнения первой инструкции необходимо воспринять одну единицу как целое, обладающую собственными, достаточно экономными признаками; для выполнения второй инструкции нужно воспринять две единицы разных уровней — слог *sol* по признакам этого слога, а затем начальный согласный в его составе по признакам этого согласного. Если бы слог был не самостоятельной единицей, а всего лишь сочетанием фонем, то невозможно было бы представить себе, что это сочетание — весь слог — распознается быстрее, чем одна из его составляющих — начальный согласный.

Аналогичным образом в тех же опытах было выяснено, что время реакции на двусложное слово меньше, когда испытуемые получают инструкцию реагировать на слово, как таковое, и больше, когда инструкция требует реакции на начальный слог того же слова. Тот же тип соотношения был обнаружен для двусловных сочетаний. Наконец, принципиально те же результаты были получены на материале предложений: время реакции на предложение типа *Boys like girls* было меньше, когда инструкция указывала на предложение в целом в качестве объекта реакции, и больше, когда инструкция требовала реагировать на «предложение, начинающееся со слова *boys*».

Используя ту же логику рассуждения, что и в случае со слогами, мы должны признать: человек, воспринимающий речь, способен оперировать в качестве целостных единиц решения словами, словосочетаниями, предложениями, иначе говоря, НС разного объема.

§ 174. Каковы же ключевые признаки таких составляющих? Разумеется, составляющие каждого типа — слоги, слова, словосочетания, предложения — обладают своими признаками.

К числу признаков слогов относятся, вероятно, *слоговые контрасты*. Слоговой контраст определяется типом перехода от со-

гласного к гласному: в зависимости от соотношения согласного и гласного слога СГ по интенсивности, длительности, области усиления частот и изменения их во времени разные слоги могут быть охарактеризованы различными слоговыми контрастами. Слоговой контраст может служить ключевым признаком для экономного распознавания слога как целостной единицы (хотя одного лишь типа контраста для этого недостаточно).

§ 174.1. Для слова можно предположить существование нескольких ключевых признаков. Прежде всего важен просодический тип слова — число слогов в нем и место ударения, тональный контур. Имеющиеся опытные данные показывают, что человек распознает эти характеристики слова даже в том случае, когда большая часть фонемных признаков недоступна для восприятия, вследствие, например, высокого уровня маскирующего шума. Повторяя слова в указанных условиях, испытуемые заменяют дифференциальные признаки фонем, входящих в слово, но сохраняют его просодический тип, например: *капитаны* вместо *прилетали*.

В связи с особой ролью ударения возрастает роль предупредительной части слова, поскольку возникает феномен «ожидания ударения». Начальный слог слова обычно обладает повышенной интенсивностью.

Наконец, для восприятия слова важен тип распределения дифференциальных признаков в пределах слова как характеристика слова в целом.

§ 174.2. Еще труднее говорить о признаках словосочетания и предложения как целостных единиц ввиду малой изученности этого вопроса. Ясно, однако, что здесь также очень существен просодический тип словосочетания (синтагмы) и предложения — ритмический, связанный с распределением ударений, и интонационный. Значение ритмических характеристик видно из того, как производятся замены одного словосочетания на другое при восприятии в шуме: в этом случае также сохраняется число слогов (всех или предупредительных) и распределение ударений, ср.: *дорога из другого поля* вместо *уверенный и спокойный голос*, *вопрос на комбинат* вместо *напрашиваешься на комплимент*.

§ 175. Переход от распознавания ключевых признаков к восприятию целостных НС осуществляется, как уже говорилось выше, путем своего рода угадывания, прогнозирования. Для этого используется все владение языковой системой, знание о типовых вероятностных характеристиках текста, а также о теме, ситуации, собеседнике и т. д. Из грамматических признаков важную роль играют закономерности управления и согласования, шире — сочетаемости, синтагматики. Можно сказать, что в любом тексте многократно воспроизводится «одна и та же» информация, грамматическая, лексическая, семантическая. Так, например, само наличие глагола *дарить* предполагает, что в

предложении должно быть три имени (причем одно из них — скорее всего, одушевленное); согласование, если оно имеется, также сводится к повторению одной и той же грамматической информации (в частности, прилагательное воспроизводит грамматические категории существительного-определяемого); в связанном тексте повторяются семы (см. § 135) и т. п. Явления такого рода, называемые избыточностью, и служат базой успешного прогнозирования.

Подчеркнем, что при успешном прогнозировании создается полная иллюзия стопроцентной слышимости всех звуковых сегментов высказывания, хотя реально значительная их часть может быть «смазана» или даже редуцирована до нуля.

§ 176. Если, установив все НС высказывания, слушающий еще не получил его семантической интерпретации в ходе прогнозирования строения НС, то на следующей стадии возникает необходимость в установлении функциональной связи между НС, а иногда и в уточнении их внутренней структуры.

По мнению ряда авторов, исходящих из постулатов генеративной лингвистики, с каждой НС уже на этом этапе сопоставляется соответствующий фрагмент глубинной структуры. Это становится возможным, в частности, благодаря информации о категориальной отнесенности НС: являются они именными или глагольными, включают одушевленные или неодушевленные имена и т. д. Например, одинаковым НС *убит бандитом* и *убит кинжалом* сопоставляются качественно разные глубинные подструктуры (фрагменты глубинных структур), поскольку *бандит* — одушевленное имя, а *кинжал* — неодушевленное.

Грамматический, лексико-грамматический и семантический анализ идут параллельно, и их результаты систематически проверяются на совместимость. При выдвижении гипотезы о смысле воспринимаемого высказывания эта гипотеза служит также и образом результата, с которым сличаются промежуточные итоги грамматического и лексико-грамматического анализа (ср. функционирование образа результата при порождении речи).

§ 177. Выше мы обсуждали восприятие, осуществляющееся в условиях избыточности той или иной степени. В этих условиях не требуется предварительного исчерпывающего фонологического анализа. Чем меньше избыточность, тем больше возрастает роль собственно фонологического анализа. При распознавании новых слов, имен собственных с нетипичной фонетической структурой предварительный фонологический анализ должен быть полным, исчерпывающим.

§ 177.1. Говоря о фонологическом анализе, необходимо упомянуть о существовании в литературе разногласий вокруг так называемой моторной теории восприятия. Эта теория предполагает, что, воспринимая фонемы (их конкретные корреляты), че-

ловек не опирается непосредственно на акустические признаки звуков: акустические признаки служат лишь средством установить артикуляторные признаки, по которым и происходит идентификация фонемы. То есть слушающего, согласно моторной теории восприятия речи, «интересуют» не акустические параметры сами по себе, а то, что стоит за ними,— артикуляции.

Ценным в этой концепции представляется прежде всего подчеркивание тесной связи между акустическими и артикуляторными характеристиками. Понятен с некоторой общебиологической точки зрения и пафос этой теории, утверждающий примат артикуляторных признаков по отношению к акустическим: действительно, когда человек воспринимает любой (неречевой) звук, то его интересуют не собственные характеристики звука, а, скорее, характеристики источника: что это за источник (т. е. что звучит), не представляет ли он опасности, и т. п.

§ 177.2. Следует вместе с тем учитывать, что когда мы имеем дело с речью, то ситуация может оказаться иной по сравнению с восприятием неречевых звуков. При восприятии речи слушающий всегда исходит из того, что каждый воспринимаемый им звуковой сегмент может быть интерпретирован как представитель той или иной фонемы. Настаивая на том, что слушающий пользуется именно артикуляторными признаками для фонемной идентификации звуковых сегментов, последователи моторной теории тем самым объективно принимают, что признаки фонемы — всегда и только артикуляторные. В связи с этим необходимо прежде всего вспомнить, что дифференциальные признаки фонемы вообще не могут быть сведены к какой бы то ни было субстанции, будь то акустическая или артикуляторная. Корреляты же дифференциальных признаков представляют собой сложные комплексы характеристик, которые должны обслуживать и порождение, и восприятие речи.

В свете сказанного выше кажется ясным, что нет достаточных оснований отрицать возможность использования акустических характеристик в качестве коррелятов дифференциальных признаков фонем. Конечно, это не исключает того, что в трудных случаях слушающий может прибегать к перекодированию акустических признаков в артикуляторные, иногда даже используя для этого внутреннее проговаривание, повторение. Такого рода стратегия помогает идентифицировать фонемный состав воспринимаемого сигнала уже тем, что одновременно привлекает обе группы коррелятов дифференциального признака, акустические и артикуляторные.

Что же касается тесной связи акустических и артикуляторных параметров звуков, то необходимость ее очевидна. Такая связь должна устанавливаться уже в раннем онтогенезе, так как ребенок, чтобы воспроизвести существенные признаки взрослой речи, должен одновременно контролировать параметры обоих типов, постоянно соотнося их друг с другом.

§ 178. Подведем некоторые итоги. Восприятие речи — сложный активный процесс обработки и переработки акустического сигнала, лексических (словарных) характеристик высказывания, его грамматических и семантических структур. В результате этого процесса устанавливается смысл сообщения.

Слушающий не анализирует строго последовательно все уровни высказывания — от низшего к высшим. Вместо этого он стремится использовать в качестве единиц решения как можно более крупные единицы. Такие единицы обладают высокоинформативными ключевыми признаками, использование которых позволяет прогнозировать все остальные признаки данной единицы. Все единицы этого рода можно охарактеризовать как непосредственно составляющие разного объема.

Прогнозирование характеристик НС — вид эвристических процедур. Его основание — высокая избыточность текста, проявления которой известны носителю языка как вероятность того или иного типа сочетания. Особую роль играет предварительное установление (прогнозирование) смысла высказывания, с которым сличаются все промежуточные результаты процесса распознавания речи.

Конечный результат восприятия состоит в интерпретации высказывания в терминах смыслов, подобно тому как на начальных этапах порождения речи фигурируют именно смыслы, а не значения. Поскольку смыслы лично окрашены, интерпретация, устанавливаемая слушающим, может в чем-то расходиться со смыслом, которым оперирует говорящий при порождении данного высказывания.

Запоминание воспринятого высказывания также, вероятно, осуществляется в терминах смыслов. Это и объясняет, почему человек, пересказывая сообщение, обычно передает лишь его «общий смысл», иногда к тому же в чем-то искаженный в силу того, что для говорящего и слушающего одно и то же значение может опосредоваться разными смыслами.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М., 1975.
- Бондарко Л. В. Структура слога и дифференциальные признаки фонем. — «Вопросы языкознания». 1967, № 1.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934.
- Касевич В. Б. О восприятии речи. — «Вопросы языкознания». 1974, № 4.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
- Основы теории речевой деятельности. Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1974.
- Чистович Л. А., Кожевников В. А. и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.—Л., 1965.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ПОНЯТИЯ МАТЕМАТИКИ И ЛОГИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

§ 179. В последние десятилетия в языкознании усилилось стремление к тому, чтобы лингвистические описания имели максимально точный, строгий и объективный характер. Описание языка обладает указанными признаками, если существуют определения лингвистических понятий, в принципе исключающие возможность различных толкований, а также имеются столь же точные, полные и недвусмысленные правила оперирования этими понятиями и приложения их к конкретному фактическому материалу (ср. § 197). Соблюдение изложенных требований делает весьма маловероятной ситуацию, при которой разные лингвисты, работающие с одним и тем же материалом, получают несовпадающие результаты¹. Иначе говоря, результаты, полученные ученым, который использует точные методы исследования, должны быть воспроизводимы: в рамках принятой системы понятий и методики они зависят лишь от объективных условий, т. е. от характера материала, поэтому другой исследователь на том же материале должен прийти к тем же выводам.

Вполне естественно, что в современных лингвистических работах, обнаруживающих стремление к точности анализа, нередко используются понятия и приемы логики и математики — наук, предоставляющих в распоряжение исследователя универсальный аппарат, который может быть использован для точного, свободного от субъективизма изучения и описания объектов самой разной природы. Не владея некоторыми элементарными понятиями из области логики и математики, иногда трудно следить за новейшей лингвистической литературой.

Необходимо сразу же сказать, впрочем, что использование специальных понятий математики в языкознании еще не есть математическое решение лингвистических проблем². Гораздо чаще применение математических понятий реально служит скорее для уточнения, лучшего уяснения и более корректного изложения хода лингвистического анализа и его результатов, нежели для исследования, как такового. Думается, однако, что даже и эти возможности, которые дает нам математика, не следует игнорировать.

¹ В том случае, когда в самой принятой системе понятий предусматривается возможность разных результатов, то их число и характер должны быть строго предопределены, и все исследователи получают один и тот же набор ответов.

² Как это имеет место, скажем, в физике, где физические проблемы ставятся и решаются собственно математическими средствами.

Описанное выше положение во многом объясняется тем, что математика создавалась для изучения относительно простых объектов, которые более или менее легко поддаются формализации. Для анализа же столь сложных систем, как язык (или общество), «поведение» которых сравнительно слабо детерминировано, необходим, вероятно, особый математический и логический аппарат. Создание аппарата этого рода — дело будущего³.

Особое место занимает в языкознании применение методов математической статистики. Без математико-статистической обработки данных невозможно обойтись в любом исследовании, оперирующем обширным фактическим материалом, который в принципе не может быть однородным и в котором можно обнаружить лишь статистические закономерности. Такая ситуация типична для экспериментальной фонетики, имеющей дело с результатами измерений параметров речи, для психолингвистических экспериментов, социолингвистических исследований и т. п. В этой небольшой книге практически невозможно изложить методику математико-статистической обработки опытных данных. Ниже мы остановимся лишь на разъяснении наиболее элементарных понятий неколичественной математики и логики.

§ 180. Одним из основных математических понятий является понятие *множества*. Определения множества не существует по той причине, что не существует более широкого понятия, частным случаем которого оно являлось бы. (Так, мы говорим: *Млекопитающие — это животные, которые...*, *Звезды — это небесные тела, которые...*, но для определения множества у нас нет слова, которое можно было бы употребить в соответствующем высказывании после слова *это*.)

Множество трактуют как совокупность предметов, объединенных каким-либо общим признаком, где слово «совокупность» просто синоним «множества», а не термин для более широкого понятия. Признак, объединяющий предметы в составе множества, может быть каким угодно. Например, все фонемы данного языка представляют собой некоторое множество, все словоформы данного текста образуют определенное множество, все тексты на русском языке составляют множество и т. д. и т. п.

Предметы, составляющие данное множество, называют его *элементами*. Запись $A = \{x, y, \dots, z\}$ означает, что существует множество A , которое состоит из элементов x, y, \dots, z .

Множество задают либо простым перечислением всех его элементов, либо путем указания на признак (или признаки) этих элементов. Например, мы можем задать множество $A = \{n, n', б, б', в, в', м, м', ф, ф'\}$ путем перечисления всех его элементов (как это и сделано выше), но то же множество можно задать и путем указания на признак его элементов: A есть множество всех губных согласных русского языка.

Множество может состоять из одного-единственного элемента. Например, множество заднеязычных щелевых фонем русского языка состоит из одного элемента — фонемы x .

³ В последнее время появились попытки разработать особые математические теории именно для изучения вероятностных, слабо детерминированных систем (теории размытых множеств, размытых алгоритмов). Возможно, эти новые представления смогут оказаться полезными для лингвистики.

Множество может быть пустым, т. е. не содержать ни одного элемента. Например, множество придыхательных русского языка является пустым⁴. Точно так же пустым является множество форм будущего времени совершенного вида 1-го лица единственного числа глагола *победить*.

§ 180.1. Элементом множества может быть другое множество. В таких случаях говорят о *подмножествах* данного множества. Например, согласные составляют подмножество множества всех фонем, а губные согласные, в свою очередь, — подмножество множества согласных.

Принадлежность элемента множеству принято записывать так: $x \in A$ (читается: «элемент x принадлежит множеству A »). Принадлежность подмножества записывается так: $A \subseteq M$ (читается: «множество A является подмножеством множества M »).

§ 180.2. У двух или более множеств могут быть общие элементы. Множество C , которое состоит из тех, и только тех элементов множеств A и B , которые принадлежат обоим этим множествам (A и B), называется *произведением*, или *пересечением*, множеств A и B . О множествах A и B в таком случае говорят, что они *пересекаются*. Например, множество всех губных согласных и множество всех звонких согласных русского языка пересекаются: в качестве их произведения **выступает** множество $C = \{б, б', в, в'\}$

Суммой, или *объединением*, множеств A и B называется множество C , которое включает все элементы A и все элементы B , и никакие другие элементы в множество C не входят. Например, сложение множества гласных и множества согласных дает сумму — множество всех фонем данного языка⁵.

Множества A и B , в сумме дающие C , могут одновременно пересекаться. Чтобы учесть и этот случай, говорят, что C , т. е. объединение множеств A и B , есть множество всех тех элементов, каждый из которых принадлежит хотя бы одному из множеств-слагаемых, т. е. A или B . Например, если мы объединим множество A глухих согласных русского языка и множество B переднеязычных русских согласных, то часть элементов множества-суммы C будет принадлежать одновременно и A , и B ($т, т', ц, с, с'$), часть же — только A ($п, п', ф, ф', ш, ч, к, к', х, х'$) или только B ($д, д', з, з', н, н', л, л'$).

§ 180.3. Разбиение множеств на непересекающиеся подмножества есть не что иное как *классификация*, которая занимает столь заметное место в лингвистике, во всяком случае при исследовательском подходе.

При классификации элементы относят к одному и тому же подмножеству на основании того, что все они обладают каким-либо определенным признаком, которого лишены элементы всех других подмножеств. Более точно это выглядит следующим образом. Обычно в качестве основания классификации выбирают признак, принимающий несколько значений, например, признак подъема для гласных, который принимает, допустим, три значения: верхний подъем, средний подъем, нижний подъем. Сколько значений принимает признак — столько подмножеств, или классов, выделяется. Например, a относится к гласным нижнего подъема, $э, о$ — к гласным среднего подъема, $и, у, ы$ —

⁴ В русском языке нет придыхательных согласных, которые были бы самостоятельными фонемами.

⁵ Если не выделяются особые категории типа полугласных, глайдов.

к гласным верхнего подъема. Получаем в результате три класса (подмножества) гласных.

§ 180.4. Элементы каждого класса (подмножества), полученные в результате классификации, находятся в отношении *эквивалентности* друг к другу. Иначе говоря, все они эквивалентны, или неразличимы с точки зрения данного признака. Элементы, находящиеся в отношении эквивалентности, характеризуются следующим: каждый элемент эквивалентен сам себе, что называется *рефлексивностью*; если элемент x эквивалентен элементу y , то элемент y эквивалентен элементу x , что называется *симметричностью*; если элемент x эквивалентен элементу y , а элемент y эквивалентен z , то элемент x эквивалентен z , что называется *транзитивностью*. Из наличия рефлексивности, симметричности и транзитивности соответственно следует эквивалентность.

Описанные условия очень важны. Необходимо также постоянно помнить, по какому признаку определяется отношение эквивалентности. Например, согласная $/s/$ эквивалентна согласной $/z/$ по месту и способу образования, а согласной $/t/$ — по месту образования и глухости. Разумеется, из этого не следует транзитивности с точки зрения всех признаков и не следует, что $/s/$, опять-таки с точки зрения всех признаков, эквивалентна $/t/$, хотя и можно, безусловно, сказать, что все три фонемы эквивалентны по месту образования (т. е. все они являются зубными, или переднеязычными).

§ 180.5. Кроме сложения и умножения множеств говорят также о *вычитании* множеств, результатом которого является их *разность*. Разностью множеств A и B называют множество $C=A-B$, в которое входят все элементы множества A , не принадлежащие B . В том случае, когда B является частью (подмножеством) множества A , разность A и B называют *дополнением* к множеству B в A .

Это важное для лингвистики понятие. Если рассматривать множество всех контекстов (окружений), в которых находится данная фонема или морфема, т. е. их полную дистрибуцию, то можно сказать, что подмножества контекстов, в которых встречаются несвободные варианты фонемы или морфемы, являются дополнениями друг к другу. Именно на этом и основано, по существу, понятие дополнительной дистрибуции.

§ 180.6. Сложение, умножение и вычитание множеств иллюстрируют обычно схемами, которые мы приводим ниже (см. рис. 1, 2, 3).

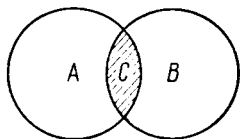

Рис. 1. $A \cap B$.

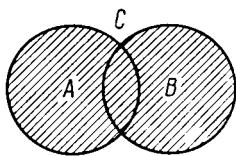

Рис. 2. $A \cup B$.

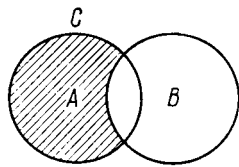

Рис. 3. $A-B$.

На рис. 1 показано пересечение множества A и B (символически $A \cap B$), их произведение — множество C (заштриховано). На рис. 2 показано сложение, или объединение множеств A и B (символически $A \cup B$), их сумма — множество C (заштриховано). На рис. 3 показано вычитание множеств A и B (символически $A-B$), их разность — множество C (заштриховано).

§ 181. Операции, аналогичные умножению и сложению в теории множеств, в логике совершаются по отношению к *высказываниям*. Высказыванием называют некоторое предложение, которое может быть истинно или ложно; при этом не интересуются, во-первых, структурой высказывания, оно выступает как нечто цельное, и, во-вторых, тем, истинно или ложно данное высказывание в действительности. В логике занимают только операциями над высказываниями, которые из истинных высказываний получают истинные, из истинных — ложные и т. д.

Над высказываниями можно осуществлять следующие операции:

1) отрицание: если высказывание X истинно, то его отрицание \bar{X} («не- X ») ложно, и наоборот; $\bar{\bar{X}}$ по отношению к высказыванию X аналогично дополнению $A-B$ по отношению к множеству B в A при отрицании множеств;

2) конъюнкция — отношение «и», объединение двух высказываний (аналогичное пересечению множеств): если высказывания X и Y одновременно истинны, то истинна и их конъюнкция $X \wedge Y$ (« X и Y »).

3) дизъюнкция — отношение «или» (« X или Y »): высказывание $X \vee Y$ истинно, если хотя бы одно из высказываний истинно (эта операция аналогична сложению множеств); дизъюнкция может быть строгой (сильной) и слабой: первый тип представлен тогда, когда имеется в виду исключающее «или», т. е. «или X , или Y , но не оба одновременно», второй тип соответствует включающему «или» («и/или»), т. е. «или X , или Y , или оба одновременно»;

4) импликация — отношение «если..., то...»: высказывание $X \rightarrow Y$ истинно всегда, кроме того случая, когда X истинно, а Y ложно;

5) материальная эквивалентность — отношение «если, и только если»: сложное высказывание $X \leftrightarrow Y$ ложно только тогда, когда X истинно, а Y ложно, или наоборот.

Все указанные операции также играют важнейшую роль в лингвистическом описании. Так, на операции отрицания построены все классификации, в основании которых лежат привативные оппозиции (см. § 47). Например, глухие представляют собой не что иное, как не-звонкие, т. е. результат применения операции отрицания к «звонкости».

На операции конъюнкции, по существу, основаны синтагматические связи, а не операции дизъюнкции — парадигматические.

Проиллюстрируем применение понятий строгой и слабой дизъюнкции. Возьмем высказывание $X \vee Y$, где X представляет собой высказывание «фонемы дифференцируют означающие морфем», а Y — «фонемы дифференцируют означающие слов». При строгой дизъюнкции высказывание $X \vee Y$ окажется ложным, так как невозможно, чтобы фонемы дифференцировали, скажем, два слова, не дифференцируя одновременно хотя бы часть морфем, входящих в эти слова. При слабой дизъюнкции, однако, то же высказывание окажется истинным, но оно будет оставаться таковым и тогда, когда X ложно, а Y истинно, что с лингвистической точки зрения неприемлемо (слова опять-таки не могут дифференцироваться, если все их морфемы идентичны; разумеется, здесь в принципе не должна учитываться омонимия).

Из изложенного выше должно быть ясно, что традиционное высказывание «фонемы дифференцируют означающие морфем и ли слов» логически непра-

вомерно (это свойство фонем относится непосредственно только к морфемам).

Любопытно истолкование некоторых фактов грамматики изолирующих (также некоторых агглютинативных) языков в свете логических положений об импликации и материальной эквивалентности. Известно, что в языках типа русского употребление определенных показателей для выражения соответствующего грамматического значения обязательно: если нужно выразить, например, значение множественности, то употребляются окончания *-ы, -и, -а* и др.; если же употреблены указанные показатели, то словоформы передают значение множественности. Иначе говоря, употребление показателей и выражение значения множественности находятся в отношении материальной эквивалентности.

В отличие от этого в таких языках, как бирманский, тюркские и ряд других, употребление показателей множественного числа передает значение множественности, но из их неупотребления не следует значение единичности, например: бирм. *са² оу⁴*, турецк. *китаб* (без показателя множественного числа) могут передавать и значение «книга», и значение «книги». Иначе говоря, между употреблением показателей множественного числа и значением множественности существует отношение импликации: как было сказано выше, из ложности *X* в высказывании $X \rightarrow Y$ не следует ложность *Y*, т. е. из неупотребления показателя множественного числа не следует отсутствие значения множественности.

§ 182. В логике и математике очень важную роль играет понятие *исчисления*. Об исчислении говорят тогда, когда имеется точно определенный, количественно и качественно, *алфавит* — набор элементов, символов и имеются правила образования, или формационные правила, по которым из элементов данного алфавита можно построить формулы, или выражения. Правила должны перечислять абсолютно все возможные операции с символами, и только их. Выражения, полученные посредством применения правил, называются *правильно построенными формулами* (ппф), и они принимаются в качестве аксиом.

Примером могут служить цифры (алфавит) и арифметические операции с ними (формационные правила).

Обычно наряду с этим имеются также правила преобразования, или трансформационные правила, или правила вывода. По этим правилам, которые также носят точный и исчерпывающий характер, можно из аксиом построить новые выражения, допустимые в данной системе.

Такие системы называются формальными системами, исчислениями, или формализмами.

Если символы и выражения исчисления имеют определенную смысловую интерпретацию, то говорят, что исчисление является семантически интерпретированным. Интерпретация указывает, какие объекты, свойства, процессы описывает данное исчисление. Например, дифференциальные уравнения соответствующего вида описывают поведение механических или электрических колебательных систем, следовательно, этот фрагмент дифференциального исчисления семантически интерпретирован.

Исчисление, обладающее семантической интерпретацией, называют *формальным* (формализованным) языком.

Легко видеть, что именно к идеям теории формальных систем восходят представления трансформационно-порождающей грамматики. Можно сказать, что в трансформационно-порождающей лингвистике грамматика предстает в виде формальной системы, алфавит которой — символы S, NP, VP, N, V и т. д., а формационные правила — правила подстановки. Ядерные предложения в общем аналогичны аксиомам (ппф), в качестве трансформационных правил выступают, естественно, трансформации. Каждое предложение мыслится как объект, который можно получить путем применения формационных и трансформационных правил к исходному алфавиту.

В полном согласии с представлениями, развиваемыми теорией исчислений, семантика в трансформационно-порождающей грамматике рассматривается как интерпретация символов и выражений формальной (синтаксической) системы, а понятие «язык» используется для обозначения совокупности правильно построенных предложений.

- Акт речевой (речевое действие) 5
 Актант семантический *см.* партицип-
 пант
 Актант синтаксический 100.1—100.2
 Актуальное членение предложения
 96.1
 Алгоритм 152.2
 Алломорф 55
 Аллофон 41
 Архифонема 48.6
 Аффикс 59.2
 Аффикс агглютинативный 59.2, 59.3
 Аффикс флективный 59.2
- Базис предложения 118.2
- Валентность синтаксическая 95.1
 Зарыирование свободное 41.1, 55
 Зершина синтаксического дерева *см.*
 дерева синтаксического вершина
 Зида категория 82—82.5
 Зремена абсолютные 83.1—83.3
 Зремена относительные 83.1—83.3
 Зремени категория 83—84
 Зрожденность языковых структур
 154—155
- Гиперфонема 48.2 (прим.)
 Глоттохронология 142—143
 Голофраза 156.3
 Грамматика зависимостей 101
 Грамматика непосредственно состав-
 ляющих 102—102.4, 105
 Грамматика падежная (по Филлмо-
 ру) 126
 Грамматика Теньера 100—100.3
 Грамматика членов предложения 96—
 97.99
 Граммема 70
- Данное (в актуальном членении пред-
 ложении) *см.* тема (в актуальном
 членении предложения)
 Двойное членение в языке 18, 19
 Деревя синтаксического вершина 98
 Деревя синтаксического ветви 98
 Деревя синтаксического узлы 98
 Деревя синтаксическое 98
- Деривация 68.3, 108
 Деривация в синтаксисе 108
 Детерминанта 149
 Деятельности мотив 164.1, 166.1—
 166.2
 Деятельности уровень ведущий 164.1
 Деятельности уровень фоновый 164.1
 Деятельность 164.1
 Деятельность речевая *см.* речевая
 деятельность
 Диатеза 136
 Дизъюнкция 181
 Дистрибуция 41.1
 Дистрибуция дополнительная в мор-
 фологии 55
 Дистрибуция дополнительная в фоно-
 логии 41.1
 Дополнение в логике 180.5
 Дополнение как член предложения 97,
 100.3
- Единица решения при восприятии
 172, 173
- Залога категория 85—87
 Знак 14
 Знак абстрактный 16
 Знак конкретный 16
 Знака денотат 16
 Знака десигнат *см.* знака означаемое
 Знака десигнатор *см.* знака означаю-
 щее
 Знака означаемое 14
 Знака означающее 14
 Знака референт *см.* знака денотат
 Знаков прагматика 15
 Знаков синтактика 15
 Значение (в отличие от смысла) 166.3
 Значение второстепенное 74.4
 Значение грамматическое 57—57.3
 Значение инвариантное 74—74.4
 Значение лексическое 57—57.3
 Значение общее *см.* значение инвари-
 антное
 Значение основное 74.4
- Избыточность речи 175, 177, 178
 Импликация 181

* Цифры указывают на номера параграфов, в которых содержится суще-
 ственная информация о соответствующих понятиях.

- Имя (в грамматике) 78
 Имя (в семантике) 78
 Инициаль 50
 Интериоризация 166.8
 Интонация 51.2
 Исчисление 182
- Категория классифицирующая 69, 81
 Категория лексико-грамматическая
см. категория классифицирующая
 Категория морфологическая 69, 82—
 93
 Категория общая 70
 Категория семантическая 28
 Категория формообразующая 69, 71,
 73
 Категория частная 70
 Классификации признаки 75—78,
 180.3
 Классификация 180.3
 Классификация слов 53 (прим.), 76—
 80, 133
 Компетенция (по Хомскому) 114
 Компонент грамматики семантический
 118
 Компонент грамматики синтаксиче-
 ский 118
 Компонент грамматики фонологиче-
 ский 118
 Конверсия 68.3
 Конструкция номинативная 146.3
 Конструкция синтаксическая 95
 Конструкция эргативная 146.3
 Контраст слоговой 174
 Конъюнкция 181
 Корень 58
 Корреляты дифференциальных при-
 знаков фонемы 44, 44.1, 46
 Корреляты лексические 134
- Лексика 57—57.3
 Лексикон *см.* словарь
 Лексема 68
 Лингвистика дескриптивная 39, 112
- Множество 180
 Модели аналитические 32
 Модели восприятия речи *см.* модели
 аналитические
 Модели исследовательские 33, 35, 37
 Модели нейролингвистические 34
 Модели порождающие 32
 Модели порождения речи *см.* модели
 порождающие
 Модели психоллингвистические 34,
 152.2—152.3
 Модели речевой деятельности 32
 Модели собственно лингвистические
 34
- Моделирование в лингвистике 32,
 36—38
 Модель 30, 31
 Модус (по Филлмору) 126
 Мора 146.1 (прим. 1)
 Морф 55
 Морфема 54
 Морфема грамматическая *см.* мор-
 фема служебная
 Морфема знаменательная 57—58
 Морфема лексическая *см.* морфема
 знаменательная
 Морфема полуслужебная 58
 Морфема служебная 57—58
 Морфемы вариант *см.* алломорф
 Морфемы основной вариант 56
 Морфонология 56
 Мотивация (в речевой деятельности)
см. деятельности мотив
- Нейролингвистика 6
 Нейтрализация 48.6, 71
 Новое (при актуальном членении
 предложения) *см.* рема
 Нулевой показатель 72.3
- Образ результата 164.4, 166.6, 176
 обстоятельство 100.3
 Объект 130
 Оппозиции маркированный член 47
 Оппозиции немаркированный член 47
 Оппозиция 47
 Оппозиция в морфологии 69
 Оппозиция в фонологии 47
 Оппозиция привативная 47, 48.3
 Оппозиция пропорциональная 47
 Определение 95.2, 100.3
- Падеж 88
 Падеж глубинный 126
 Падежа адвербиальное употребление
 92
 Падежа дифференциальные признаки
 93
 Падежа категория 88—92
 Падежа синтаксическое употребление
 92
 Парадигма 69, 89—91
 Парадигма синтаксическая 107
 Парадигматические отношения 13, 69,
 107
 Параметры лексические 134.2—134.4
 Партиципant 130
 План выражения 21, 26
 План содержания 21
 Подклассы слов 80
 Подлежащее 96—96.2, 100.3
 Подсистема языка 9
 Позиция сильная 48
 Позиция слабая 48

- Позиция фонологическая 48
 Показатель непосредственно составляющих 117
 Показатель непосредственно составляющих базовый 118.2
 Показатель непосредственно составляющих обобщенный 119
 Показатель трансформационный 118.3
 Правило контекстно-свободное 123 (прим. 10)
 Правило контекстно-связанное 123 (прим. 10)
 Правило перифразирования 109
 Правило подстановки 118.1
 Правило фонологическое 123
 Праформа 141
 Прязык *см.* язык-основа
 Предикат 126, 132.3
 Предложение включающее 103
 Предложение производное 113
 Предложение членное 103 (прим.)
 Предложение ядерное 113, 118.2
 Предложения линейная структура 102.2
 Пропозиционирование 166.4, 167
 Пропозиция (по Филлмору) 126
 Просодические средства в фонологии 51
 Тема 96.1
 Деятельная деятельность 5, 32 (прим.)
 Деятельная 5
 Деятельная внутренняя 4.2, 166.8
 Деятельная семантическая *см.* партиципийнт
 Деятельная взаимоподчинительная 97
 Деятельная подчинительная 97
 Деятельная синтаксическая 95.1
 Деятельная минимальный в фонологии 41
 Деятельная в морфологии 54
 Деятельная в фонологии 39—40
 Деятельная 14
 Деятельная — Уорфа гипотеза 4.1
 Деятельная синтаксические отношения 13
 Деятельная синтаксическое описание (в трансформационно-порождающей грамматике) 117
 Деятельная *см.* смысл элементарный
 Деятельная констант 100.1
 Деятельная 8—9
 Деятельная фонем 43
 Деятельная функциональная 8
 Деятельная языка 5—10
 Деятельная (в семантике) 130
 Деятельная 119, 121, 162
 Деятельная идеографический 133
 Деятельная идеологический *см.* словарь идеографический
 Деятельная толковый 136
 Слова выделение 60—67
 Слова цельнооформленность 62
 Слово аналитическое 64
 Слово графическое 61
 Слово производное 68.3
 Слово синтетическое 64
 Слово служебное 59.1
 Слово фонетическое 61
 Словообразование 53 (прим.), 68—68.4
 Слово сочетания раздельнооформленность 62
 Словоформа 68, 72
 Смысл 32, 161, 168, 178
 Смысл (в отличие от значения) 166.3
 Смысл элементарный 132—133, 135
 Составляющая *см.* грамматика непосредственно составляющих
 Составляющая глагольная 118.2
 Составляющая именная 118.2
 Способ действия категория 82—82.5
 Структура 11—13
 Структура глубинная 116—117, 118.3, 119—120, 125, 129
 Структура поверхностная 116—117
 Структура семантическая 126, 130, 166.4
 Структура синтаксическая 94—95
 Субкомпонент базовый (в трансформационно-порождающей грамматике) 118.1
 Субкомпонент трансформационный 118.1
 Субъект 130
 Супraseгментные средства в фонологии *см.* просодические средства в фонологии
 Таксономические единицы в синтаксисе 95.2
 Текст 5, 32
 Тема (при актуальном членении предложения) 96.1
 Типология квантитативная 146.2
 Типология классификационная 145
 Типология контенсивная 147
 Типология морфологическая 144, 146.2
 Типология синтаксическая 146.3
 Типология фонологическая 146.1
 Типология характерологическая 145
 Тон *см.* языки тональные
 Трансформация 113, 118.2
 Трансформация обобщенная 118.2
 Трансформация одинарная *см.* трансформация сингулярная
 Трансформация сингулярная 118.2
 Ударение 51.1
 Универсалии 149
 Употребление (по Хомскому) 114
 Управление 97

- Уровень морфем 23.2, 54—59.4
 Уровень морфологический 27, 52—93
 Уровень предложений 23.1
 Уровень семантики 28, 161, 124—135
 Уровень синтаксический 27, 94—110
 Уровень слова 23.2, 60—81
 Уровень фонологический 23, 23.2, 39—51
 Уровни речевой деятельности 23—28, 165—169, 178
 Уровни системы языка 23—28
 Участник ситуации *см.* партиципant
- Финаль** 50
Фон *см.* сегмент минимальный в фонологии
Фонема 39, 42
Фонема в разных фонологических школах 41.2, 45, 48—49, 122
Фонема сильная 48.4
Фонема слабая 48.4
Фонемный ряд 48.4
Фонемы вариант *см.* аллофон
Фонемы признаки 43—46, 163
Фонемы признаки бинарные *см.* фонемы признаки двоичные
Фонемы признаки двоичные 44—44.3
Фонология дихотомическая 44—44.3
Фонология порождающая 121—123
Форма слова аналитическая 72.1
Форма слова синтетическая 72.1
Форма слова сложная *см.* форма слова аналитическая
Формообразование 68
Фузия 59.2
Функциональные единицы в синтаксисе 95.2
Функция коммуникативная языка 1—3
Функция лексическая 134
- Функция** отражательная языка 2, 3
Функция синтаксическая 95.2
- Цепочка** базовая 118.2
Цепочка терминальная 102
- Части** речи 75—79
Чередование фонетическое живое (автоматическое) 41.2
Чередование фонетическое историческое 41.2
Члены предложения 96—97, 100.4
- Эвристика** 152.2, 156.2—156.3, 169, 172, 178
Эквивалентность 180.4
Эквивалентность материальная 181
- Язык** (в отличие от речи) 5, 6
Язык-основа 137
Язык-эталон 150
Язык в психолингвистическом смысле 6, 7
Язык в узколингвистическом смысле 6
Язык и мышление 2—4
Языки агглютинативные 144
Языки аналитические 144
Языки инкорпорирующие 144
Языки морные 146.1
Языки моросчитающие 146.1
Языки силлабные 146.1
Языки слоговые 49—50, 146.1
Языки слогосчитающие 146.
Языки полисинтетические *см.* языки инкорпорирующие
Языки тональные 51.1
Языки флективные 144

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Язык как важнейшее средство общения и как непосредственная действительность мысли	5
Язык, речь, речевая деятельность	10
Соотношение категорий языка, речи и речевой деятельности	10
Языковая система. Структура языка	13
Язык как система знаков	17
Двойное членение в языке. План выражения и план содержания	18
Уровни языка и речевой деятельности	21
Основные модели лингвистического описания	27
Фонология	33
Морфология	52
Предмет морфологии	52
Уровень морфем	53
Уровень слов	60
Критерии выделения слова	60
Словообразование и формообразование	65
Формообразующие и классифицирующие категории. Части речи. Подклассы слов	69
Важнейшие морфологические категории	77
Синтаксис	90
Структура предложения	90
Парадигматические отношения в синтаксисе	103
Трансформационно-порождающая грамматика	106
Основные принципы генеративного синтаксиса	106
Словарь и фонология в порождающей грамматике	116
Семантика	120
Порождающая семантика	120
Семантика синтаксиса и семантика словаря	124
Генетическое изучение языков	132
Типологическое изучение языков	136
О психолингвистике	145
Вводные замечания	145
Усвоение языка. Структура языка	147
Порождение речи	155
Восприятие речи	162
Приложение. Некоторые понятия математики и логики, используемые в лингвистике	172
Предметный указатель	179